

Злоупотребления в ходе борьбы
с терроризмом и экстремизмом

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОД КОНТРОЛЕМ

Статья 1. Все люди рождены свободными и равными в достоинстве и правах. Они обладают разумом и совестью и должны действовать по отношению друг к другу в духе братства. Статья 2. Каждый имеет право на все права и свободы, сформулированные в Декларации, без какого-либо различия, связанного, напр., с расой, цветом кожи, полом, языком, вероисповеданием, политическими или иными убеждениями, нац. или социальным происхождением, собственностью, рождением или др. обстоятельствами. Статья 3. Каждый имеет право на жизнь, свободу и личную безопасность. Статья 4. Никто не должен содержаться в рабстве или порабощении; рабство и работорговля должны быть запрещены во всех формах.

Злоупотребления в ходе борьбы
с терроризмом и экстремизмом

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОД КОНТРОЛЕМ

Введение	1
I Меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом	4
I.1 Борьба с терроризмом	4
I.1.1 Динамика изменений законодательства	4
I.1.2 Закон марта 2006 г.	4
I.1.3 Теневые стороны закона марта 2006 г.	5
I.1.4 Результаты антитеррористической борьбы	7
I.2 Список террористических организаций в России	8
I.3 Антитеррористические меры на Северном Кавказе	9
I.4 Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом	11
I.4.1 Сотрудничество в рамках СНГ по борьбе с терроризмом	13
I.4.2 Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	14
I.5 Злоупотребления, допускаемые в рамках борьбы с экстремизмом	17
II «Поддержание порядка» на Северном Кавказе	21
II.1 Северный Кавказ: «выплескивание» конфликта за пределы Чечни	21
II.1.1 Чечня: рост числа сфабрикованных уголовных дел по обвинениям в терроризме	21
II.1.2 Ингушетия	23
II.1.3 Кабардино-Балкария	25
II.2 Два знаковых дела: Зара Муртазалиева и Заурбек Талхигов	26
II.2.1 Дело Зары Муртазалиевой	26
II.2.2 Дело Заурбека Талхигова	27
III Гонения на мусульманские организации, обвиняемые в экстремизме	30
III.1 Дело «Исламского Джамаата» (Татарстан)	30
III.2 Гонения на предполагаемых участников движения «Хизб ут-Тахрир»: импорт теории межнационального врага как катализатор международного сотрудничества	37
III.2.1 Дело Алишера Усманова, Казань (Республика Татарстан), 2004–2005 гг.	40
III.2.2 Дело о «Хизб ут-Тахрир», Казань (Татарстан), 2006–2009 гг.	43
III.2.3 Чувашия, дело о «Хизб ут-Тахрир», 2006–2007 гг.	49
III.2.4 Дела о «Хизб ут-Тахрир», Набережные Челны, 2004–2007 гг.	50
III.2.5 Дело о взрыве бытового газопровода, Бугульма (Татарстан), 2005 г.	58
III.3 Дела о последователях Саида Нурси и публикациях его трудов - типичный случай некорректного использования антиэкстремистского законодательства	62
III.4 Другие примеры того, как «классические» статьи УК используются против мусульманских организаций	65
III.4.1 Дело «русского имама» Антона Степаненко из г. Пятигорска. 2006–2007 гг.	65
III.4.2 Дело о «Джамаат Таблиг», Астраханская область, 2007 г.	66
IV Другие направления борьбы с экстремизмом	68
IV.1 Дело о взрыве поезда «Грозный-Москва»	68
IV.2 Дела о выставках в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова	70
V. Заключение и рекомендации	73
Приложения	80

ВВЕДЕНИЕ

В 2000-е годы в России были допущены многочисленные нарушения прав человека в рамках мероприятий, проводившихся под лозунгами борьбы с терроризмом и экстремизмом. События, с ними связанные, необходимо рассматривать в контексте политики внедрения так называемой «диктатуры закона», реализуемой российским правительством. В российских условиях борьба с терроризмом и борьба с экстремизмом имеют довольно размытые контуры и различную историю.

Борьба с терроризмом в России началась еще до терактов 11 сентября 2001 г.: начало ее приходится на осень 1999 г., когда была развязана вторая чеченская война, которая велась под антитеррористическими лозунгами. Вследствие перемен в отношении международного сообществе к происходящему в России из-за трагических событий в театре на Дубровке (2002 г.) и в Беслане (2004 г.), а также в результате распространения последствий чеченского конфликта на соседние республики Северного Кавказа борьба с терроризмом распространилась на всю территорию России, принимая новые формы. Зачастую реальные антитеррористические мероприятия, подменяются их имитацией: фабрикуются обвинения против лиц, принадлежащих к так называемым «нетрадиционным»¹ мусульманским общинам в различных регионах России (в Центральном и Волжско-Уральском регионах, Западной Сибири и др.). По таким делам суды выносят обвинительные приговоры, в большинстве случаев, связанные с реальным лишением свободы. Эти репрессии сопровождаются интенсивной пиар-кампанией, которая вырабатывает и поддерживает страх перед исламистской угрозой, якобы идущей с Северного Кавказа и из стран Центральной Азии - в частности, из Узбекистана, с которым Россия сблизилась в последнее время. Пользуясь атмосферой общего недоверия к исламу и играя на предрассудках, силовые структуры преследуют религиозные группы, которые считаются подозрительными. Юридические механизмы для этого заложены в новом антитеррористическом законодательстве, принятом в 2006 г. Оно содержит положения, позволяющие отступать от принципов правового государства - например, объявляя некоторые территории «зонами контртеррористических операций» (что, впрочем, уже и до того практиковалось на Северном Кавказе).

Что касается борьбы с экстремизмом в ее нынешней форме, то это явление появилось чуть позже. Оно опирается на закон, принятый в 2002 г. и пересмотренный в 2007 г. Он значительно расширяет определение экстремизма, который отныне трактуется как возбуждение ненависти либо вражды по признакам расы, отношения к религии, общественной или политической деятельности. Изменилось также определение преступления на почве ненависти в уголовном законодательстве (ст. 63 Уголовного кодекса). Механизмы борьбы с экстремизмом, опираясь на неточные определения, позволяющие произвольные толкования, приводят к многочисленным злоупотреблениям, жертвами которых становятся различные представители гражданского общества, будь то НПО, политические организации, религиозные группы или журналисты.

Эти два различных механизма борьбы (с терроризмом и с экстремизмом) нередко соприкасаются и, в целом, способствуют созданию атмосферы запугивания и поддержанию предрассудков - в том числе, в отношении мусульманской общины. Некоторые мусульманские движения обвиняются одновременно в разжигании религиозной ненависти и в участии в террористических организациях. Указанные выше правовые нормы, относящиеся

1. В России это понятие обычно применяется к мусульманским идейным течениям и политико-религиозным движениям, появившимся вследствие проникновения иностранного влияния в СССР в конце 1980-х. Эти движения развились в 1990-е и 2000-е годы в некоторых среднеазиатских странах, а также в некоторых регионах России, например в Волжско-Уральском регионе. Власти и некоторые эксперты (в основном, из числа так называемых «государственников») считают, что эти движения далеки от местных традиций и расходятся с «местным» исламом, который отличается лояльностью к властям и чье воздействие на верующих не выходит за пределы их личной жизни.

к борьбе с экстремизмом, позволяют преследовать лиц, обвиняемых в терроризме, не только на основе вещественных доказательств, но и за их предполагаемые намерения.

О существовании климата запугивания свидетельствует и то, каким образом ведутся уголовные дела против обвиняемых в терроризме и экстремизме. Принятие новых законов не всегда меняет судебную практику, но, как правило, ужесточает наказания. Одновременно к судебным органам предъявляются требования работать более «результативно». Кроме того, новое законодательство способствует росту нетерпимости и контроля над населением. В правоприменительной практике по делам о терроризме используется довольно большое число статей Уголовного кодекса, иногда соответствующих обвинению (как например «организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» или «посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), а иногда

весьма далеких от, собственно, терроризма. Например, весьма распространенным методом уголовного преследования лиц, подозреваемых в терроризме, чья принадлежность к террористической организации не доказана, является фабрикация дел по хранению наркотиков. Такие дела довольно просто довести до передачи в суд, и впоследствии – до вынесения обвинительного приговора. Этот метод неоднократно использовался и до, и после принятия антитеррористического законодательства в 2006 г.

Накануне президентских выборов в марте 2008 г., в рамках обширной программы мониторинга соблюдения прав человека и принципов правового государства при проведении антитеррористических мероприятий, Международная Федерация за права человека (FIDH) направила в Россию миссию экспертов, посетивших страну с 7 по 17 февраля 2008 г. Миссия работала в Москве, а затем в Казани и Набережных Челнах – двух самых крупных городах республики Татарстан, расположенной в Волжско-Уральском регионе.

Миссия была осуществлена совместно с Комитетом «Гражданское содействие» в Москве и ассоциацией «Агора» в Татарстане.

В состав миссии входили

- Дан Ван Рэмдонк, вице-президент FIDH (Бельгия), уполномоченный по программе FIDH «антитерроризм и права человека»;
- Ричард Уайлд (Великобритания), руководитель программы по международной криминологии и по исследованиям уголовного права в университете Гринвич, ведущий преподаватель университетского курса «Преступление, терроризм и государство»;
- Анн Лё Уэру (Франция), эксперт FIDH, исследователь, специалист по России и неправомерным методам антитеррористической борьбы, в частности в рамках чеченского конфликта;
- Жиль Фаварель-Гарриг (Франция), эксперт FIDH, исследователь, специалист по России, в частности по вопросам милиции и юстиции;
- Елена Рябинина, руководитель программы помощи политическим беженцам из Центральной Азии КГС, эксперт по вопросам, касающимся последствий российско-узбекского сотрудничества в сфере антитерроризма;
- Екатерина Кокорина, координатор и переводчик миссии.

Исследовательская миссия преследовала следующие цели:

- Выяснить, соблюдаются ли при реализации антитеррористического законодательства международные обязательства России - в частности, запрет на применение пыток и право на справедливый суд;
- Установить, как ведутся судебные расследования по уголовным делам против лиц, подозреваемых в терроризме: с применением принятого в 2006 году нового законодательства или без него; какие статьи Уголовного кодекса используются при этом; прибегают ли судебные органы к другим статьям уголовного законодательства (например, хранение наркотиков), чтобы упростить карательную процедуру против подозреваемых в терроризме;
- Изучить соотношение между борьбой с терроризмом и борьбой с экстремизмом; определить, в каких случаях происходит смешение этих механизмов; выявить наиболее характерные случаи применения законодательства по борьбе с экстремизмом;
- Уточнить, как эти мероприятия сказываются на гражданском обществе и, в особенности, на правозащитных НПО.

Принимая во внимание уже опубликованные FIDH доклады и работу, проделанную «Гражданским содействием» и ПЦ «Мемориал», миссия решила не посещать Северный Кавказ, а сосредоточить свое внимание на представителях мусульманской общины, проживающих в других регионах РФ. Тем не менее, в докладе упоминается ряд случаев, связанных с ситуацией на Северном Кавказе. Для подготовки этой части доклада миссия встретила с двумя адвокатами, которые ведут дела, относящиеся к антитеррористической борьбе в Чечне.

Миссия также встретила с:

- Представителями НПО: «Мемориал», Центр СОВА, Институт прав человека, Human Rights Watch, Центр Сахарова, Ассоциация «Агора» и Казанский правозащитный центр (Татарстан);
- Жертвами правонарушений, адвокатами, осуществляющими защиту по делам рассматриваемой категории, членами семей подсудимых и осужденных по обвинениям в причастности к терроризму и экстремизму в Москве, Казани и Набережных Челнах (Татарстан);
- Председателем Совета при Президенте России по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Эллой Памфиловой.

В Казани участникам миссии удалось посетить судебные слушания по одному из уголовных дел, имеющих символическое значение – по делу об «Исламском Джамаате».

Приняв к сведению различные свидетельства и встретившись в России со специалистами по рассматриваемой проблематике, FIDH и «Гражданское содействие» представляют обзор различных действующих в стране мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом. В докладе подробно проанализированы случаи, с которыми миссия смогла ознакомиться, и приведены выводы, сделанные по результатам исследований. FIDH и «Гражданское содействие» выражают серьезную обеспокоенность злоупотреблениями и нарушениями прав человека, которые допускаются под прикрытием борьбы против терроризма и экстремизма, и предлагают ряд рекомендаций.

I Меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом

I.1 Борьба с терроризмом

I.1.1. Динамика изменений законодательства

В конце советского периода борьбой с терроризмом занимался Комитет государственной безопасности (КГБ). В Уголовном кодексе СССР террористическим актом считалось убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное с целью подрыва или ослабления советской власти. Отдельные статьи карали за изготовление взрывчатых веществ, повреждение государственного имущества и антисоветскую пропаганду. Борьбой с терроризмом относилась к компетенции Пятого («политического») управления, в обязанности которого входила слежка за оппозиционерами внутри страны, а также Управления контрразведки, ответственного за недопущение деятельности иностранных террористов на территории страны.

После распада СССР первый российский закон о мерах против терроризма был принят в 1993 г. В нем в определение теракта была добавлена такая практика, как угон самолетов. В 1997 г. в силу вступил новый Уголовный кодекс, предусматривающий и наказание за терроризм (ст. 205). В 1998 г. на смену старому закону пришел новый: «О борьбе с терроризмом». Более обширный, чем старый, он давал определение понятиям «террористической организации» и «теракта», фиксировал институциональные рамки действий, проводимых в этой сфере, а также права и обязанности граждан.

С тех пор антитеррористическое законодательство было усилено дважды: после теракта в театральном центре на улице Дубровка в 2002 г. (в частности, добавились новые ограничения свободы прессы и запрет выдавать останки погибших террористов их семьям) и после взятия заложников в бесланской школе в 2004 г. Эта новая трагедия привела к разработке третьего - менее чем за 15 лет, - закона². Его появление привело к конфликтам между различными учреждениями. Так, до 2006 г. координацией антитеррористической борьбы формально занималась Федеральная комиссия под эгидой премьер-министра. Ей, однако же, не удавалось положить конец соперничеству между двумя главными государственными службами, занятыми в этой сфере: ФСБ (Федеральной службой безопасности, сменившей КГБ) и МВД (Министерством внутренних дел), которые отказывались обмениваться информацией. Бесспорно, ФСБ была главным органом по борьбе с терроризмом, но создание в 2003 г. специального подразделения «Центр Т» в МВД усилило позиции этого министерства в борьбе с терроризмом.

I.1.2 Закон марта 2006 г.

Закон 2006 г. «О противодействии терроризму» передал работу по координации антитеррористической борьбы в ведение одной структуры. Эта миссия была возложена на ФСБ, которая таким образом вернула себе позиции, занимаемые ею до 2003 г.

2. Об эволюции мер по борьбе с терроризмом до 2006 г., см. Jonathan Littell, «The Security Organs of the Russian Federation. A Brief History 1991-2004». (Джонатан Литтелл. Краткая история органов государственной безопасности РФ: 1991-2004 гг). Psan Publishing House 2006. <http://www.psan.org/document551.html>

Новый закон, принятый российским парламентом фактически без обсуждения и почти единогласно (408 голосов – «за», 1 – «против» и 5 воздержавшихся), вступил в силу в марте 2006 г. В него был включен вышедший незадолго до этого президентский указ о создании Национального антитеррористического комитета (НАК)³. Закон поставил ФСБ во главе антитеррористических структур: хотя новое учреждение НАК является межминистерской организацией, координирующей действия различных министерств и служб, занятых в этой сфере, управление им было поручено сотрудникам ФСБ. Президент НАК *ex officio* директор ФСБ, а руководитель аппарата, на которого на деле и возлагается управление НАК, заместитель главы ФСБ. Создание НАК, таким образом, предоставило ФСБ право располагать всей поступающей информацией и направлять запросы всем российским государственным учреждениям, связанным с антитерроризмом.

В НАК *ex officio* входят заместитель руководителя президентской администрации; заместитель председателя Государственной Думы; заместитель председателя Совета Федерации; министры внутренних дел, чрезвычайных ситуаций, здравоохранения, иностранных дел, коммуникаций, промышленности, транспорта и юстиции; директора прочих разведывательных служб (СВР, ФСО, Росфинмониторинг); высокопоставленный представитель военных сил и заместитель директора Совета безопасности.

В соответствии с тем же законом, антитеррористические комитеты (АТК) существуют на уровне каждого субъекта Федерации. Ими руководит глава исполнительной власти региона, его замещает глава службы безопасности. В состав этих региональных комитетов входят председатель регионального законодательного органа власти, представители министерств внутренних дел и чрезвычайных ситуаций, а также разведывательных служб.

Прерогативы НАК очень широки. К ним относятся и разработка антитеррористической политики, проводимой российским государством, и координация деятельности различных министерств и служб в этой области, и превентивные меры, и международное сотрудничество. НАК определяет задачи всех учреждений, занятых борьбой с терроризмом, и следит за их исполнением.

Кроме того, НАК располагает оперативными подразделениями. На федеральном уровне это Федеральный оперативный штаб (ФОШ). НАК также руководит действиями Оперативных штабов (ОШ), созданных в каждом субъекте РФ. Возглавляемые руководителями ФСБ, эти штабы координируют государственные антитеррористические операции⁴.

I.1.3. Теневые стороны закона марта 2006 г.

Закон от 6 марта 2006 г. включает в себя ряд положений, ставящих под угрозу соблюдение прав человека. В первую очередь, это относится к определению понятия «терроризм», под которое подпадает не только «практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий», но также «идеология насилия». Что касается «террористической деятельности», то под ней подразумевается пропаганда идей терроризма, распространение материалов, призывающих к осуществлению террористической деятельности, оправдание или поддержка террористической деятельности, любое пособничество, включая передачу информации, могущей содействовать террористам. По мнению экспертов, под такие определения могут подпадать иностранные идеологии, трактуемые как опасные для национальных интересов. Кроме того, упоминание о «поддержке» может привести к обвинениям против СМИ, воспроизводящих, например, требования захватчиков заложников⁵.

3. Декрет Президента Российской Федерации № 116 от 15 февраля 2006 г.

4. См. Интернет-сайт НАК: <http://nak.fsb.ru>

5. Левинсон Л. «Управление страной как антитеррористическая операция». Доклад к публичным слушаниям по проблемам терроризма, борьбы с терроризмом и прав человека, проводимым Международной комиссией юристов при поддержке российских правозащитных организаций. Москва, 29-30 января 2007 г.

Надо отметить, что еще одна законодательная мера, отредактированная в июле 2006 г., фиксирует действующее определение «терроризма» в российском Уголовном кодексе (ст. 205): «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба [...], если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Помимо того, закон марта 2006 г. предусматривает существование особого режима, обоснованного ведением антитеррористических операций и угрожающего индивидуальным правам и свободам. Хотя российская Конституция уже предусматривает введение чрезвычайного положения (ст. 56), проведение «контртеррористической операции» (КТО) налагает те же ограничения, но на иных – существенно более простых условиях: для начала такой операции не требуется одобрения ни Думы, ни Совета Федерации. Режим КТО ограничивает права человека больше, чем режим чрезвычайного положения (который также предполагает ограничение свободы передвижения, доступа к месту проживания, контроль средств коммуникации, и т.д.): в частности, режим КТО позволяет перекрыть доступ к любым средствам информации. Ст. 11 дает возможность вести прослушивание телефонных разговоров и проводить масштабные проверки документов, ограничивать передвижение, запрещать общественные демонстрации и проникать в частные жилища без ордера на обыск. Эта же статья предусматривает возможное перемещение населения из зоны КТО.

Режим КТО не имеет ни временных, ни пространственных границ: операция может охватывать все регионы и определяется произвольно ее руководителем, назначенным также совершенно произвольно директором ФСБ – единственным лицом, которому подотчетен руководитель операции. Например, ничто не мешает ФСБ поручить проведение широкомасштабной операции Министерству внутренних дел (МВД). Как мы увидим на примере Северного Кавказа, режим КТО отличается полным отсутствием контроля со стороны парламента или международных организаций.

Режим КТО вызывает тем большую озабоченность, что поправка к закону «Об обороне», сделанная в апреле 2005 г., позволяет в случае нападения использовать военные силы РФ не только в целях защиты территории государства, но и для фактически полицейских операций.

Что же изменил закон марта 2006 г. на процессуальном уровне? Некоторые особые положения уголовного права существовали и ранее. Но в апреле 2004 г., поправкой к Уголовно-процессуальному кодексу срок задержания лица до предъявления ему обвинения при расследовании дел, связанных с терроризмом, был доведен до 30 дней. Другая поправка позволяет арестовать лицо при наличии «явных следов преступления» (например, патронов), что весьма опасно, т.к., используя эту поправку, милиция может с легкостью сфабриковать уголовное дело – например, подбросить патроны в карманы подозреваемых.

Помимо этого нового юридического механизма, другие законодательные тексты также подверглись корректировкам в июне 2006 г. Среди прочих, можно привести пример закона «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации», который предусматривает, что проведение операций военного типа может быть оправдано в целях «добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу терроризма» и «выявления лиц, причастных к подготовке и совершению террористического акта». Эти механизмы позволяют, в частности, оправдать вторжения в частное жилище, что хорошо видно на примерах происходящего на Северном Кавказе.

Кроме того, был ужесточен и закон о СМИ, которым был введен запрет на распространение материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм. В то время, как Конвенция Совета Европы по предупреждению терроризма ограничивается упоминанием «публичного

подстрекательства» к террористическим действиям⁶, это положение российского законодательства усиливает возможности государственной цензуры. Кроме того, поправка к закону о коммуникациях дает службам безопасности право получать любую информацию от телефонных операторов и Интернет-провайдеров.

Наконец, антитеррористическое законодательство позволяет использовать вооруженные силы и за пределами российской территории.

1.1.4 Результаты антитеррористической борьбы

До 2005 г. результаты антитеррористической борьбы, представленные ФСБ, в первую очередь, касались боевиков, убитых в Чечне, среди которых были и выходцы из других стран. Начиная с 2005 г., согласно ФСБ, на территории РФ было совершено 257 терактов, из которых 111 было совершено в Чечне и 77 в Дагестане. Год спустя было зафиксировано 152 теракта, из них 74 в Чечне и 17 в Дагестане. Наконец, в 2007 г., по подсчетам ФСБ, был совершен 41 теракт. Т.е. можно говорить о значительном сокращении числа официально зарегистрированных терактов. По сведениям ФСБ, было раскрыто и предупреждено 300 терактов, готовившихся в Дагестане, Ингушетии, Чечне и Ставрополье. В ходе того же года 896 человек были осуждены за «преступления, связанные с террористической и экстремистской деятельностью». Кроме того, «в целом было пресечена деятельность 150 организаций террористической и экстремистской направленности, 35 нелегальных вооруженных формирований, 6 зарубежных НПО, 501 организованной группировки, занимающейся незаконным оборотом оружием»⁷.

Сокращение числа приговоров за террористическую деятельность тоже налицо. В 2007 г. 35 человек было приговорено по ст. 205 (терроризм), 54 по ст. 207 («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»), 5 по ст. 277 («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), и наконец, 59 – по ст. 208 («Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»)⁸.

Борьба против финансирования терроризма - одно из главных направлений антитеррористической деятельности российского правительства. Эта миссия была поручена Федеральной службе финансового надзора – Росфинмониторингу, которую долгое время возглавлял приближенный В. Путина, В. Зубков (в сентябре 2007 г. он был назначен премьер-министром РФ и занимал этот пост несколько месяцев). В целях борьбы с финансированием терроризма наблюдение ведется на нескольких уровнях: российское правительство составило «черные списки» подозрительных юридических и физических лиц, которым запрещены любые финансовые сделки на территории РФ; все финансовые учреждения обязаны сообщать о сделках, которые им кажутся подозрительными; наконец, особое внимание уделяется неофициальным переводам средств и деятельности некоторых благотворительных фондов.

Официальная версия подразумевает, что по финансовому направлению борьба с терроризмом ведется весьма успешно. Проводимые операции опираются на «черный список»: в 2006 г. в нем состояло более 1300 физических лиц, против которых были возбуждены уголовные дела, и 21 организация, чья деятельность была запрещена решением суда. В 2005 г. более 2500 тысяч дел, касающихся подозрительных банковских счетов, были переданы судебным органам, т.е. в 5 раз больше, чем в предыдущем году. Последняя версия «черного списка» была помещена на Интернет-сайте Росфинмониторинга 22 сентября 2008 г.

Упомянутые выше результаты, однако, не отражают всего спектра судебной деятельности во имя антитеррористической борьбы, т.к. множество дел ведется и по другим статьям Уголовного кодекса. Наиболее распространенные из них – это обвинения в хранении оружия или наркотиков.

6. Ст. 5.1, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Варшава, 16 мая 2005 г. <http://conventions.coe.int/treaty/fr/Treaties/Html/196.htm>

7. Источник: правительственный Интернет-сайт Антитеррор. http://www.antiterror.ru/to_prof/158880961?mode=print

8. Список статей Уголовного кодекса, используемых в данных процедурах, см. Примечания I.

1.2 Список террористических организаций в России

С 2003 г. в стране существует официальный список террористических организаций. 14 февраля 2003 г. Верховным Судом по заявлению Генерального прокурора, поддержанному Государственной Думой, было вынесено решение о признании террористическими 15 организаций и запрете их деятельности в России. Позднее – в 2006 году, – в список были внесены еще две. Сегодня процедура причисления организации к террористическим приобрела рутинную форму и вошла в обиход: ФСБ собирает информацию об исламистских движениях и организациях и, если полагает, что некоторые из них являются террористическими и представляют угрозу безопасности РФ, может обратиться в Генеральную прокуратуру⁹ с инициативой запрета их деятельности. На основе сведений, полученных от ФСБ, Генпрокуратура может обратиться в Верховный суд России; если Суд сочтет предъявленные доказательства достаточными, он признает организацию террористической и запретит ее деятельность на территории страны.

Несмотря на то, что первое такое решение Верховного Суда было принято еще в 2003 году, впервые список запрещенных организаций (к тому моменту их было уже 17) был опубликован официально в 2006 г. – в государственной ежедневной газете «Российская газета». Сам же текст решения об их запрете официально не опубликован до сих пор. Все иные публикации не имеют юридической силы. Вместе с тем, Росфинмониторинг (служба исполнительной власти по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) учреждает свой собственный список подозрительных лиц, доступ к которому имеет любой банк или кредитное учреждение.

Существуют три критерия, по которым организацию причисляют к террористическим

- 1 – осуществление деятельности, направленной на изменение конституционного строя РФ насильственным, вооруженным способом (в том числе с использованием террористических методов);
- 2 – связь с незаконными вооруженными формированиями и другими экстремистскими структурами, действующими на территории Северного Кавказа;
- 3 – принадлежность к организациям, признанным международным сообществом террористическими, или связь с ними.

Таким образом, в список не включены организации, признанные террористическими на международном уровне, если они напрямую не угрожают безопасности Российской Федерации.

В списке 2006 г. фигурируют следующие 17 организаций¹⁰

- «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа» [организация, к которой принадлежали Хаттаб и Шамиль Басаев, переименованная ГКО- Маджлисуль Шура ЧРИ] ;
- «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»;
- «Аль-Каида»;
- «Асбат аль-Ансар»;
- «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»);
- «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»);
- «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»);
- «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»);
- «Лашкар-И-Тайба»;
- «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»);
- «Движение Талибан»;
- «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»);
- «Общество социальных реформ» («Джамят аль-Ислах аль-Иджтимаи»);

9. В Прокуратуру входят уголовные следователи и прокуроры; руководит ею Генеральный Прокурор.

10. Этот список был официально опубликован в правительственной «Российской Газете» 28 июля 2006 г. <http://www.rg.ru/printable/2006/07/28/terror-organizacii.html>

- «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»);
- «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»);
- «Исламский джихад - Джамаат моджахедов»;
- «Джунд аш-Шам».

По утверждению высокопоставленного чиновника ФСБ, все эти 17 организаций, так или иначе, имеют отношение к экстремистскому крылу движения «Братья мусульмане», стремящегося к установлению всемирного халифата; промежуточной же целью является создание великого эмирата в Центральной Азии и на Кавказе, который войдет в состав халифата¹¹.

Следует отметить, что в список террористических была включена, в частности, и организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»¹², хотя доказательства ее причастности к терроризму отсутствуют.

1.3 Антитеррористические меры на Северном Кавказе

На сегодняшний день на региональном уровне антитеррористические меры, опирающиеся на закон 2006 г., активнее всего использовались на Северном Кавказе.

Напомним, что для обоснования военных операций в Чечне с начала 1999 г.¹³ власти не стали ссылаться на законы, которые были применимы (хотя бы частично) к ситуации и предусматривали ограничения прав и свобод. Это, в частности, закон «О чрезвычайном положении» 1991 г., использование которого предусмотрено Конституцией 1993 г. (ст. 88); его новая версия - куда менее требовательная, чем старая, в том, что касается гласности и парламентского контроля, - была принята Гос.Думой в 2001 г. Закон «Об обороне» предусматривал, в свою очередь, введение военного положения; его обновленная версия была принята в 2002 г.

В начале операции власти ограничились ссылкой на статью 4«а» закона №1253/1 «О чрезвычайном положении», чтобы оправдать концепцию контртеррористической операции (КТО). В основном же, они опирались на закон «О борьбе с терроризмом» №130-ФЗ от 25 июля 1998 г. - в частности, на статью 7, которая предусматривает использование вооруженных сил в борьбе с терроризмом вне ситуации войны. При внимательном рассмотрении, однако, ссылка на закон 1998 г. представляется неоправданной, т.к. он не соответствует характеру операций, проводимых в Чечне, а именно - широкомасштабным карательным операциям, направленным, в том числе, и против гражданского населения. Ст. 3 этого закона, в частности, уточняет, что зона проведения контртеррористической операции должна быть четко определена.

Различные военные формирования, находившиеся в Чечне – вооруженные силы Министерства обороны, Министерства внутренних дел (МВД), Федеральной пограничной службы (ФПС), Министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС)¹⁴, равно как и отряд Главного управления исполнения наказаний (ГУИН¹⁵), – были объединены в сентябре

11. См. интервью с Юрием Сапуновым - начальником Управления по борьбе с международным терроризмом ФСБ России. «Российская газета», 28 июля 2006 г.

12. «Хизб ут-Тахрир» (в переводе – «Исламская партия освобождения») была основана в 1953 г. в Палестине судьей шариатского апелляционного суда Такиуддином ан-Набхани как политическая партия, ставящая своей целью создание мусульманского государства в форме халифата путем убеждения населения и обращения его в ислам. Организация декларирует отказ от насилия при построении халифата. С 90-х годов XX века эта идеология стала быстро распространяться в Центральной Азии: в первую очередь, в Узбекистане, а затем в Киргизии и Таджикистане.

13. В этом докладе мы не будем касаться «первой войны», 1994 - 1996 гг. «Первая» война в Чечне, официально представленная как операция по обезоруживанию нелегальных вооруженных бандформирований и по восстановлению конституционной законности и правопорядка, была признана Конституционным Судом России 31 июля 1995 г. «вооруженным конфликтом немеждународного характера», относящимся ко 2-му Дополнительному Протоколу Женевской Конвенции.

14. Не только армия располагает тяжелым оружием: внутренние войска, ОМОН, СОБР, а также войска Федеральной Пограничной Службы (ФПС) также имеют в своем распоряжении танки и вертолеты.

15. ГУИН в конце 2004 – начале 2005 г. было преобразовано во ФСИН – Федеральную службу исполнения наказаний.

1999 г. под единым командованием Объединенной группировки войск (ОГВ), управление которой было поручено в начале военных действий Министерству обороны. В январе 2001 г. новая структура, возглавляемая ФСБ - Региональный оперативный штаб (РОШ), - взяла на себя командование операциями. В июле 2003 г., когда власти стремились показать, что ситуация в Чечне нормализовалась и что речь идет об обычном поддержании порядка, РОШ уступил свое место Министерству внутренних дел. На деле же, ключевую роль в руководстве операциями продолжала играть ФСБ: стоит отметить, что два генерала, поставленных во главе РОШ в 2003 г. (Юрий Мальцев и Аркадий Еделев¹⁶), являются сотрудниками ФСБ, которых перевели в МВД только накануне их назначения.

Общая ситуация в Чечне резко отличается от федеральной, вследствие политики «чеченизации» - постепенной передачи чеченским пророссийским властям всех административных и правоохранительных полномочий, включая и ведение антитеррористической борьбы. Постепенная интеграция различных чеченских «пророссийских» боевиков в «службы безопасности» (т.е. в ряды «кадыровцев») начинается с 2005 г. В апреле 2006 г. Антитеррористический Центр, существовавший de facto в течение многих лет, был узаконен и интегрирован в федеральную структуру НАК. Два батальона - «Юг» и «Север», - были прикомандированы не к ФСБ, а к Министерству внутренних дел; они напрямую контролируются Р. Кадыровым (президентом Чеченской Республики). Эти два отряда были созданы в противовес батальонам «Восток» (группировка братьев Ямадаевых) и «Запад» (группировка Какиева), прикомандированным к 42-ой мотострелковой дивизии Министерства обороны¹⁷. Значительная свобода действий, предоставленная Р. Кадырову на региональном уровне, и власть, которой наделен чеченский президент, обеспечивают подвластной ему республике широчайшую автономию, которой не имеют другие субъекты Федерации. Тенденция к «чеченизации» сил поддержания порядка подтвердилась в 2008 г., когда между Р. Кадыровым и батальонами Министерства обороны («Восток» и «Запад») возник серьезный конфликт; Р. Кадыров потребовал их роспуска и ареста командира «Востока» Сулима Ямадаева.

Закон, принятый в 2006 г., подводит правовую основу под операции, которые реально ведутся еще с 1999 г., опираясь на опыт ведения военных действий на Северном Кавказе и на очень широкое определение терроризма. Закон чаще ссылается на предполагаемые цели, чем на действия как таковые, открывая пути для самых широких толкований.

Официально Региональный оперативный штаб (РОШ), Объединенная группировка войск (ОГВ) и оперативные штабы республик, зависящие от местного (республиканского) управления ФСБ, по-прежнему ведут совместные действия на Северном Кавказе.

Один из существенных элементов закона 2006 г. - определение «зоны контртеррористической операции». Эксперты отмечают, что как в риторике, так и в действиях власти часто отсутствует логика: то под зоной КТО подразумевается весь Северный Кавказ, на который, соответственно, распространяются все вышеупомянутые ограничения прав и свобод; то власти проводят точечные операции в строго определенных местах, которые временно объявляются «зоной КТО»¹⁸. С конца 2007 г. специальные операции в рамках этого законодательства особенно часто велись в Ингушетии. Подробнее к этому вопросу мы вернемся во второй части доклада.

16. Андрей Солдатов, «Российские контртеррористические реформы после Беслана». www.agentura.ru, сентябрь 2005 г.

17. См. среди прочих «Контртерроризм: российская практика», доклад правозащитных организаций для публичных слушаний по проблемам терроризма, борьбы с терроризмом и прав человека, проводимых Международной комиссией юристов при поддержке российских правозащитных организаций. Москва 29-30 января 2007 г. (http://ejp.icj.org/hearing.php3?id_rubrique=16) ; Совместный доклад ПЦ «Мемориал» и FIDH, «Пытки в Чечне: «стабилизация» кошмара», ноябрь 2006 г. <http://www.fidh.org/IMG/pdf/Tchetchenie462frconjoint2007.pdf>

18. Интервью с Л. Левинсоном и А. Солдатовым. Москва, 10 февраля 2008 г.

I.4 Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом

Борьба с терроризмом предполагает развитием международного сотрудничества, что и было предпринято Россией и ее главными партнерами: странами как Запада, так и Центральной Азии. Некоторые механизмы такого сотрудничества существовали с начала или середины 1990-х - в частности, в рамках партнерства с НАТО. Однако бесспорно, что именно 11 сентября 2001 г. стало переломным моментом, в том числе, и для развития этого сотрудничества.

Российские власти, подвергавшиеся критике с конца 1999 г. за жесткость военных операций в Чечне, нашли в 11 сентября обоснование и даже «оправдание» *a posteriori* их действиям и не преминули воспользоваться международным консенсусом, сложившимся вокруг темы борьбы с терроризмом. Начиная с этого момента, Россия неоднократно заявляла, что борьба с международным терроризмом должна стать приоритетом для международных организаций - в том числе, и на саммитах «Большой восьмерки», в ходе которых она пыталась отстоять свои интересы и свое видение мира в контексте борьбы с терроризмом.

После терактов 11 сентября сотрудничество с НАТО стало особенно тесным. В мае 2002 г. на саммите в Риме был создан Совет НАТО-Россия (NRC - *Nato-Russia Council*). Одним из главных направлений его деятельности декларировалась антитеррористическая борьба, включая ее технический аспект. Россия и НАТО провели несколько совместных учений, Россия участвовала в антитеррористических маневрах НАТО в Средиземном море в 2005 г. В конце 2004 г. на саммите НАТО-Россия в Стамбуле была принята схема действий в соответствии с общим годовым стратегическим планом по предупреждению терроризма и противодействию ему.

В ООН Россия стремилась играть политическую роль - в частности в рамках Контртеррористического комитета (СТК - *The Counter-Terrorism Committee*), созданного при Совете безопасности после 11 сентября в соответствии с резолюцией 1373 (2001 г.). Россия, нередко с согласия США, занимала «жесткую» позицию по вопросу антитеррористических мер. Это было продемонстрировано, в частности, на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2005 г. Об этом же свидетельствуют попытки России воспротивиться созданию поста Спецдокладчика ООН по соблюдению прав человека в ходе борьбы с терроризмом.

Вместе с тем, достаточно быстро стали проявляться и различия во взглядах: российские власти критиковали Запад за его слишком, с их точки зрения, осторожный подход в изобличении «глобального» врага и за слишком разборчивое отношение к различным «террористическим» организациям. В рамках Контртеррористического комитета ООН разногласия очень быстро возникли в Отделе по санкциям, созданном в результате резолюции 1390 в январе 2002 г.: России не удалось внести в общий список подлежащих санкциям террористических организаций ряд чеченских движений, а ее попытки убедить других участников в том, что каждая страна может иметь свой собственный список таких организаций, не увенчались успехом.

Разногласия по этим вопросам проявились наиболее остро в отношениях между Россией и Европейским союзом (ЕС). Хотя необходимость борьбы против терроризма утверждалась неоднократно обеими сторонами - в частности, в рамках так называемых «дорожных карт» и проекта нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, - различия в определениях терроризма и разный подход к возможным ограничениям поля антитеррористической борьбы с учетом требований о соблюдении прав человека не позволили выработать общую политику.

Правовой основой для двусторонних отношений между ЕС и Россией является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное в 1997 г. Оно ставит ряд основных общих задач, определяет институциональные рамки для двусторонних контактов, а также

призывает к совместной деятельности и диалогу в ряде областей¹⁹. Из-за различных препятствий, обновить это соглашение не удастся с 2006 г.; в настоящее время одним из условий его подписания является улаживание конфликта с Грузией в августе 2008 г.²⁰

Не располагая информацией об оперативных действиях в рамках российско-европейского сотрудничества по борьбе с терроризмом, авторы отчета останутся лишь на институциональных рамках этого сотрудничества.

После терактов 11 сентября 2001 г. усиление сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом стало приоритетом российско-европейских отношений. Несмотря на разницу во взглядах на определение терроризма и методы борьбы с ним, Европейский Союз и Россия приняли несколько совместных деклараций о борьбе против международного терроризма и объявили об укреплении сотрудничества в этой сфере.

В ноябре 2003 г. было подписано соглашение между российским Министерством внутренних дел и полицейской службой ЕС - Европолом. Речь шла о стратегическом сотрудничестве, за которым должно было последовать сотрудничество оперативное, позволяющее обмен данными личного характера. Но переговоры по второму соглашению идут с опозданием, т.к. российское законодательство не дает достаточных гарантий защиты персональных данных. Принятие в июле 2006 г. Гос.Думой федерального закона о введении в действие принципов Европейской конвенции защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (принятой Советом Европы в 1981 г.), должно было бы позволить решить эту проблему.

В качестве других примеров сотрудничества можно привести совместные мероприятия Европейского агентства по пограничному контролю (Frontex) и российских пограничников или установившиеся связи Европейской обсерватории по наркотикам и токсикомании с Российской Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков.

В ходе 15-ого саммита ЕС-Россия 10 мая 2005 г. во исполнение решения, принятого на саммите 31 мая 2003 г. о создании в долгосрочной перспективе и в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве общего пространства свободы, безопасности и правосудия, а также пространства сотрудничества в области внешней безопасности, руководители ЕС и России приняли ряд «дорожных карт». Они определяют как совместные задачи ЕС и России, так и действия, необходимые для их достижения, и фиксируют среднесрочную программу по сотрудничеству между Россией и ЕС. Основными принципами документа по свободе, безопасности и правосудию являются демократия, правовое государство, соблюдение прав человека и основных свобод (в том числе, существование свободных и независимых СМИ) и реализация общих ценностей посредством независимой системы правосудия.

Сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом включено именно в эти рамки. В «дорожной карте» по внешней безопасности подчеркивается, что Россия и ЕС разделяют ответственность за поддержание международного порядка, основанного на эффективной многосторонности, и за совместную работу по упрочению центральной роли ООН и роли компетентных международных и региональных организаций - в частности ОБСЕ и Совета Европы. Опираясь на это сотрудничество, Россия и ЕС будут расширять взаимодействие и диалог по вопросам безопасности и кризисного регулирования с целью реагирования на современные глобальные и региональные вызовы и основные угрозы, особенно, на угрозу терроризма.

15 апреля 2007 г. Европейский союз, США и Россия договорились усилить сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. Рабочая группа высокого уровня должна была проанализировать партнерство между тремя сторонами, в т.ч., с целью положить конец

19. Анализ Соглашения о партнерстве и сотрудничестве представлен в работе Анн Ле Уеру : <http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies.do?languageEN>

20. Следует отметить, что эти договоры включают положение о соблюдении прав человека, которое традиционно учитывается в международных договорах между ЕС и третьими государствами: « Уважение демократических принципов и прав человека, определенных, в частности, в Хельсинкском Заключительном акте и в Парижской Хартии для новой Европы, лежит в основе внутренней и внешней политики Сторон и составляет существенный элемент партнерства и настоящего Соглашения. » (Ст. 2, «Положение по Правам Человека», Соглашение о партнерстве и сотрудничестве).

торговле опиумом в Афганистане, которая считается финансовым источником международного терроризма.

15 октября 2008 г. российские и французские министры внутренних дел и юстиции провели в Париже переговоры о сотрудничестве между двумя странами в сфере борьбы против терроризма, кибер-преступности и торговли наркотиками. Министерская встреча проходила в рамках Постоянного Совета партнерства ЕС-Россия, работающего над созданием общего пространства свободы, безопасности и правосудия. Участники рассмотрели, как приводится в исполнение «дорожная карта» по свободе, безопасности и правосудию, и обсудили реализацию соглашения Россия-ЕС об упрощении визового режима, подписанного после долгих прений в мае 2006 г. Следующая встреча в этом формате должна пройти в России в 2009 г.²¹.

На министерском совещании Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Порто 6-7 декабря 2002 г. министры-участники заявили, что ОБСЕ должна «разрабатывать новые методы противодействия видоизменяющимся угрозам нашей безопасности» и что «шаги по содействию миру и стабильности должны делаться одновременно с общими усилиями по обеспечению безоговорочного соблюдения прав человека, основных свобод и принципов правового государства и с созданием условий, благоприятных для устойчивого развития во всех наших странах»²².

В качестве очередного этапа Плана действий по борьбе с терроризмом, принятого на предыдущем совещании в 2001 г., министры приняли в Порто Хартию ОБСЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним.

Отдел ОБСЕ по борьбе с терроризмом, учрежденный в 2002 г., стал координационным центром по содействию инициативам ОБСЕ и программам по наращиванию потенциала в борьбе с терроризмом. Стараясь избежать нарушений прав человека при введении новых мер по борьбе с терроризмом, Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ проводит ряд учебных курсов по этому вопросу для старших должностных лиц соответствующих национальных структур.

Поскольку Российская Федерация входит в ОБСЕ, на нее распространяются обязательства этой организации в области прав человека, в том числе гражданских и политических прав, а также принципов правового государства. Однако документы, подписанные РФ в этих рамках, не являются международными правовыми соглашениями обязательного характера - скорее это политические обещания следовать упомянутым в них стандартам ОБСЕ.

Следует отметить, что в настоящее время отношения между Россией и ОБСЕ отличаются высоким уровнем напряженности, особенно, когда речь заходит о требованиях ОБСЕ в сферах прав человека и строительства демократии.

1.4.1 Сотрудничество в рамках СНГ по борьбе с терроризмом

В 2004 г. Россия ратифицировала Соглашение Содружества независимых государств о сотрудничестве в борьбе с терроризмом²³. Положения этого регионального договора имеют приоритет над внутренними законами РФ.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ, *Collective Security Treaty Organization*) возникла в мае 2002 г. В нее вошли Россия и «дружественные» ей государства: Армения, Казахстан, Белоруссия, Таджикистан, Киргизия; в 2006 г. к ним присоединился Узбекистан. Помимо создания антитеррористического центра в Бишкеке в октябре 2002 г., Организацией предусмотрены: договор о взаимопомощи в случае агрессии, способность быстро развернуть военные подразделения в каждой стране и проведение учений в целях общей борьбы с терроризмом и наркоторговлей, идущей из Афганистана.

В своих заметках о российском законодательстве о терроризме «Управление страной как

21. По информации РИА Новости.

22. <http://www.osce.org/item/15866.html>

23. См на официальном сайте СНГ : <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=13748>

антитеррористическая операция» Лев Левинсон (Институт прав человека) объясняет, какую угрозу это Соглашение представляет для вопросов соблюдения прав человека. Согласно этому документу, в рамках процедуры экстрадиции «при исполнении запроса применяется законодательство запрашиваемой стороны, однако по просьбе запрашивающей стороны может быть применено ее собственное законодательство, если это не противоречит основным принципам законодательства или международным обязательствам запрашиваемой стороны». Беспокойство Левинсона вызывает тот факт, что это позволяет при исполнении российскими правоохранительными органами запроса, например, белорусских спецслужб применять законы Белоруссии, которые противоречат международным правозащитным стандартам.

Из договора также следует, что «каждая сторона обеспечивает конфиденциальность информации и документов, полученных от другой стороны, если передающая сторона считает нежелательным их разглашение». Это также может привести к серьезным нарушениям прав человека и гражданских свобод, т.к. дает возможность бесконтрольно использовать материалы, содержащие сфальсифицированные данные, или политическую мотивацию уголовного преследования запрашиваемых к выдаче лиц.

Другой пункт, на который также стоит обратить внимание: Соглашение (равно как и Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведению совместных антитеррористических мероприятий на территории государств-участников СНГ) гарантирует дипломатическую неприкосновенность сотрудников правоохранительных органов и служб безопасности.

И наконец, в Соглашении упоминается также об «отдельных лицах, представляющих угрозу безопасности государств». Таким образом, его мишенью могут быть не только террористы, но и представители оппозиции или гражданского общества. Более того, у сотрудников служб безопасности отныне появилось право задерживать и даже уничтожать политических оппонентов за пределами своей страны, если они числятся террористами.

I.4.2 Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – постоянно действующая межгосударственная организация, одной из основных задач которой является обеспечение взаимной безопасности. Она была создана 15 июня 2001 г. Российской Федерацией, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией, Узбекистаном и Китайской Народной Республикой, когда к «Шанхайской пятерке» - структуре, образованной пятью странами в 1996 г., - присоединился Узбекистан. Согласно Интернет-сайту ШОС, главные цели организации – это «укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами; содействие их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды и др.; совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе; продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка».

Высшим органом ШОС, уполномоченным принимать решения, является Совет глав государств-членов (СГГ). Рабочие встречи проводятся Советом глав правительств государств-членов (СГП) ШОС. Оба совета собираются один раз в год. ШОС имеет два постоянно действующих органа - Секретариат в Пекине и Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Ташкенте. Недавние военные действия на Южном Кавказе выявили разногласия между Россией и пятью другими членами организации, которые, в отличие от Москвы, не осудили действия Грузии и не признали независимость республик Южной Осетии и Абхазии.

Журналисты Интернет-сайта «Агентура»²⁴, с которыми встретились участники миссии,

24. Agentura.Ru – российский интернет-ресурс, посвященный вопросам спецслужб, разведки и борьбы с терроризмом, основан в 2000 году.

подчеркнули важную роль ШОС (в контексте развития событий после 11 сентября 2001 г.) в создании региональной структуры «предупредительного действия» после закрытия президентом Каримовым американской военной базы в Южном Узбекистане.

По мнению экспертов Комитета «Гражданское содействие», соглашения, заключенные в рамках ШОС, значительно облегчили экстрадицию политических беженцев в государства-члены «Шанхайской шестерки». После возникновения ШОС «резко активизировалась тенденция выдачи беженцев в государства их гражданской принадлежности, и в первую очередь – в Узбекистан и Китай. По сообщениям правозащитных организаций из Казахстана и Кыргызстана, аналогичные процессы наблюдаются и в их странах»²⁵. На практике это означает развитие сотрудничества между спецслужбами и правоохранительными органами стран-членов ШОС, позволяющего осуществлять «розыск и последующую передачу в страны исхода лиц, которые покинули их из-за политических репрессий»²⁶. Нормативную базу для экстрадиции политических и религиозных беженцев в страны-члены организации создает ряд принципов и механизмов.

Среди прочего, страны «Шанхайской шестерки» взяли на себя обязательства:

- не предоставлять убежища лицам, обвиняемым или подозреваемым в террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности, и выдавать таких лиц при наличии соответствующих обращений со стороны другого государства ШОС²⁷;
- содействовать в осуществлении международного розыска лиц, которые предположительно совершили деяния, указанные в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, с целью их привлечения к уголовной ответственности²⁸;
- обоюдно признавать деяния терроризма, сепаратизма и экстремизма, независимо от того, включает ли законодательство государств - членов ШОС соответствующее деяние в ту же категорию преступлений или описывает ли его с помощью таких же терминов²⁹;
- создать и вести единый розыскной реестр лиц, объявленных в международный розыск за совершение или подозреваемых в совершении преступлений террористического характера³⁰.

Представители и сотрудники Региональной антитеррористической структуры (РАТС), созданной странами «Шанхайской шестерки», пользуются дипломатическими привилегиями и неприкосновенностью в соответствии с Венской Конвенцией о дипломатических отношениях 1961 г.³¹

В результате этого сотрудничества лица, бежавшие из Узбекистана от религиозных преследований, или последователи системы духовного и физического совершенствования Фалуьнгун (Фалуь Дафа), преследуемые в Китае, не только не получают убежища в России³², но становятся объектом преследований ее спецслужб. Последние используют

25. Соглашения Шанхайской организации сотрудничества, как «правовая» основа для экстрадиции политических беженцев. Аналитическая справка Комитета «Гражданское содействие». август 2008.

26. Там же.

27. Заявление глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (часть III), Астана, 5 июля 2005 г. (<http://www.sectsc.org/html/00500.html>), и Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Астана, 5 июля 2005 г. (http://www.kremlin.ru/interdocs/2005/07/05/1307_type72067_90911.shtml?type=72067)

28. Соглашение между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре (ст. 6, часть 8), Санкт-Петербург, 7 июля 2002 г. (http://www.ecrats.com/ru/docs/read/agreement_ecrats).

29. Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (раздел II, часть 3), Астана, 5 июля 2005 г. (http://www.kremlin.ru/interdocs/2005/07/05/1307_type72067_90911.shtml?type=72067).

30. Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (раздел III, часть 5), Астана, 5 июля 2005 г. (http://www.kremlin.ru/interdocs/2005/07/05/1307_type72067_90911.shtml?type=72067).

31. Соглашение между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре (ст. 16, часть 1), Санкт-Петербург, 7 июля 2002 г. (http://www.ecrats.com/ru/docs/read/agreement_ecrats).

32. Так, например, по данным официального сайта Федеральной Миграционной Службы России, начиная с 2005 г., статус беженца в РФ получили всего 14 выходцев из стран, входящих в ШОС (см. http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/bezhenci_stat/ack_countries.php).

все возможные методы, включая и незаконные, для достижения цели, прямо заявленной в соглашениях ШОС, - выслать эти лица в страны их происхождения с целью привлечения их к уголовной ответственности.

В частности используются следующие методы:

- Фальсификация обвинений уже после задержания разыскиваемого лица в России для приведения их в соответствие с нормами российского уголовного права;
- Аннулирование полученного ранее иммигрантом российского гражданства с целью ликвидации препятствий для его экстрадиции³³;
- Противоправная подмена официальной, довольно длительной процедуры экстрадиции куда более простой и быстрой процедурой административного выдворения. Одновременно наметилась явная тенденция ускоренного назначения судебных слушаний по кассационным жалобам на решения об административном выдворении. Если обычно между подачей такой жалобы и датой ее рассмотрения в суде проходит, по крайней мере, месяц, то в рассматриваемых случаях этот интервал обычно составляет от 1 до 8 рабочих дней;
- Похищение лиц на территории России, в том числе, силами сотрудников иностранных спецслужб, и последующий незаконный вывоз их на родину при непосредственном участии спецслужб РФ;
- Игнорирование предписаний Европейского Суда о приостановке высылки заявителя. Россия уже дважды – в октябре 2006 г. и в декабре 2007 г., – нарушила предписания Страсбурга воздержаться от высылки заявителей в Узбекистан. В обоих случаях власти РФ объясняли это недостатком времени, необходимого им для информирования соответствующих должностных лиц. Однако если в первый раз интервал между направлением уведомления Уполномоченному РФ при Европейском Суде и вылетом самолета, на котором был отправлен заявитель, составлял около 5 часов, то во второй раз он превышал сутки.

Также имели место случаи прямого нарушения национального законодательства, в частности высылка лиц до того, как соответствующие судебные решения вступали в силу. Отдельно следует отметить, что деятельность правозащитников по оказанию юридической помощи беженцам, требуемым к выдаче, вызывают в последнее время активное противодействие. Спецслужбы пытаются скрыть факты задержания беженцев и места их содержания под стражей. Как следствие, адвокаты не имеют свободного доступа к таким лицам, которые из-за этого лишаются возможности воспользоваться правом на обжалование решений об их выдворении.

О масштабах данной проблемы можно судить по заявлениям высокопоставленных чиновников российских силовых структур. Так, в марте 2006 г. заместитель директора ФСБ России Сергей Смирнов по завершении заседания совета Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС заявил: «В этом году мы задержали и экстрадировали в Узбекистан 19 человек, которые причастны к деятельности «Хизбут-Тахрир». Г-н Смирнов, фактически, подтвердил незаконный характер этих 19 экстрадиций, поскольку принятие решений о выдаче лиц иностранным государствам находится в исключительной компетенции Генеральной прокуратуры. Она же, в свою очередь, в ответ на запрос «Гражданского содействия» о фамилиях выданных сообщила, что предоставить их не может, т.к. не ведет соответствующего учета – очевидный абсурд, поскольку решения об экстрадиции принимаются индивидуально по каждому из запрашиваемых лиц и могут быть обжалованы в судебном порядке.

В ноябре того же года министр МВД РФ Рашид Нургалиев, выступая в Государственной Думе, сообщил, что «за последний год с территории России экстрадировано более 370 эмиссаров международных террористических организаций «Хизб ут-Тахрир» и Исламское движение Туркестана». С учетом изложенных выше методов осуществления экстрадиций и степени «обоснованности», а точнее – полной необоснованности обвинений в терроризме в случаях, расследованных правозащитниками, нетрудно прийти к выводу,

33. Экстрадиция российских граждан категорически запрещена законодательством РФ.

что подавляющее большинство из этих более чем 370 человек были высланы, минуя процедуру экстрадиционной проверки, и что им не была предоставлена гарантированная законом возможность обжаловать решения об их выдаче.

Кроме того, имела место попытка полностью незаконной высылки в страну происхождения гражданина Северной Кореи страны, не имеющей отношения к ШОС. Этот пример показывает, что практика беспрепятственных противоправных действий спецслужб, основанных на соглашениях между странами ШОС, выходит и за пределы «Шанхайской шестерки».

I.5 Злоупотребления, допускаемые в рамках борьбы с экстремизмом

Миссия получила информацию о злоупотреблениях, допускаемых в ходе применения анти-экстремистского законодательства, которое, как считают правозащитники, используется для посягательств на свободу слова. Приходится констатировать, что контуры законодательства нечетки и позволяют весьма широкие толкования, что может привести к нарушениям прав человека. Представляется важным рассмотреть и само законодательство, и практику его применения³⁴.

Федеральное законодательство в сфере борьбы с экстремизмом было принято в 2002 г. Его критики сразу обратили внимание на крайнюю неточность определения экстремистской деятельности, которое покрывает довольно широкий спектр действий – от таких серьезных преступлений, как терроризм, до действий, которые не наказуемы даже по Кодексу РФ об Административных правонарушениях³⁵. За экстремистские деяния предусмотрены различные меры наказания: от закрытия или приостановки работы НПО или органа печати, признанных судом экстремистскими, до 6 лет лишения свободы. Физическому же лицу за публичные призывы к любой экстремистской деятельности (даже если сама эта деятельность не считается преступной) может грозить до 5 лет лишения свободы (ст. 280 Уголовного кодекса).

Изначально предназначенный для борьбы с фашизмом, расистскими и ультранационалистическими группировками, этот закон часто используется вовсе против них. Отметим, однако, что с недавних пор его применение против групп скинхедов участилось. Так, в Москве прошел суд над группой из 14 человек, в т.ч., 9 несовершеннолетних, обвиняемой в убийстве двух человек и девяти нападениях. Мотивы «расовой и этнической ненависти» фигурировали в обвинительном заключении и в приговоре. Однако, учитывая тяжесть совершенных преступлений, приговор не был самым суровым: лидер банды получил 10 лет лишения свободы; а участники младше 18 лет – от 3 до 9 лет лишения свободы в колонии для несовершеннолетних³⁶.

В целом, закон против экстремизма привел к неоправданным ограничениям прав и свобод, что получило подтверждение в ряде конкретных случаев. К аналогичным результатам могло привести и принятие более поздних предложений о внесении в него поправок. Они, с одной стороны, были направлены на ужесточение наказаний (хотя ранее ни один суд не назначал за подобные преступления максимальных наказаний, предусмотренных соответствующими статьями Уголовного кодекса); с другой же стороны, предлагалось расширить понятие преступления на почве ненависти. К первоначальному определению преступления, совершенного на почве расовой, этнической и религиозной ненависти, предлагалось добавить ненависть и вражду политического, идеологического и социального характера.

34. Мы основываемся, в частности, на материалах, представленных экспертом Александром Верховским - директором Информационно-аналитического центра «СОВА» (см., <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4208/AC00A73>, и <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4208/B577A2C>).

35. Кодекс правонарушений, фиксируемых административным органом, которые наказываются либо этим же административным органом, либо судьей.

36. Пресс-релиз центра СОВА, 22 сентября 2008 г.

Была также предложена поправка, криминализирующая оправдание экстремистской деятельности. Если бы эти поправки были приняты, стало бы возможным их использование против любого протестного общественного движения. Кроме того, в проектах поправок предлагалось внести в Кодекс РФ об административных правонарушениях статью о распространении материалов экстремистского толка.

Вместе с тем, позитивным моментом было предложение сделать обязательной публикацию списков организаций, упраздненных или запрещенных за экстремистскую деятельность: действительно, в отсутствие таких списков, граждане не могут знать, какая организация считается экстремистской, а какая – нет.

Анти-экстремистское законодательство создало правовую базу, в том числе, и для преследования религиозных групп – в основном, мусульманских. Достаточно легкое в использовании, поскольку оно может быть направлено как против письменных, так и против устных высказываний - т.е. против намерений, а не совершенных действий, - законодательство по борьбе с экстремизмом оказалось весьма эффективным для преследования мусульманских организаций³⁷. Пополнение списков «запрещенных» экстремистских публикаций происходит день ото дня: в них даже включены тексты, озаглавленные «Основы Ислама», причем, без каких-либо библиографических данных. Создается впечатление, что посредством данного закона государство создало механизм политического и идеологического контроля, крайне губительного для свободы слова и свободы вероисповедания.

Так, например, миссия FIDH и «Гражданского Содействия» констатировала неправомерное использование этого законодательства против последователей Саида Нурси, переводы произведений которого на русский язык были объявлены экстремистской литературой (что вызвало многочисленные протесты в России, в том числе, и со стороны Уполномоченного по правам человека в России В. Лукина).

Миссия также сочла тревожными факты того, что в делах, касающихся письменных высказываний (книг, газет, листовок), обвинение систематически прибегает к религиозной, лингвистической, психологической и др. экспертизам, назначаемым исключительно стороной обвинения, тогда как ходатайства защиты о назначении экспертиз почти всегда отклоняются.

Миссия также ознакомилась со случаями злоупотреблений при использовании анти-экстремистского законодательства - в частности, для посягательств на свободу слова (например, см. ниже об уголовном преследовании Юрия Самодурова).

Между тем, после ряда скандалов и радикального пересмотра поправок, предложенных в 2006 г., реформа анти-экстремистского законодательства продолжилась в 2007 г. - вплоть до вступления 12 августа 2007 г. в силу нового законодательства. Мы рассмотрим ниже самые существенные изменения, которые оно претерпело.

Так, было дано определение «преступлений, совершаемых на почве ненависти»; была дополнена ст. 63 Уголовного кодекса: к отягчающим обстоятельствам, кроме расовой, этнической и религиозной ненависти, добавилась также ненависть политического и идеологического толка, а также ненависть к «определенной социальной группе». Результатом этих перемен может быть ужесточение наказаний за незначительные правонарушения, допущенные например, в ходе политических событий. К тому же, определение «социальной группы» крайне неточное и представляется малопригодным в судебной практике. Это новое определение преступления, совершаемого на почве ненависти, применимо к целому спектру преступлений и правонарушений (их число выросло), наказания за которые могут теперь ужесточиться, поскольку совершение преступления на почве ненависти является обстоятельством, отягчающим вину.

В качестве примера можно привести понятие «хулиганство», получившее новое определение: теперь это «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых

37. Антитеррористические и анти-экстремистские меры могут пересекаться. Антиэкстремистский закон более легок в применении для преследования подозреваемых за их предполагаемые намерения.

в качестве оружия (п. «а»), либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б»)).³⁸ Под это определение попадают любые проявления общественного, политического, идеологического протеста, к которым действительно стало применяться понятие «хулиганство». Таким образом, возможные меры наказания могут оказаться более тяжелыми.

То же самое касается и понятия «вандализм»³⁹: без отягчающего обстоятельства, каковым является мотив ненависти, тюрьма обвиняемому в вандализме не грозит, но тот, кто, скажем, пишет политические лозунги на административных зданиях, отныне может оказаться за решеткой.

Анти-экстремистское законодательство позволяет прослушивание и запись телефонных разговоров в случае, если лицо подозревается в совершении преступлений «небольшой тяжести», к которым относится большинство преступлений и правонарушений, в том числе, и экстремистские.

Надо отметить, что расширение понятия ненависти «политическим и идеологическим» мотивами не затрагивает статью 282 Уголовного кодекса: возбуждение вражды политического и идеологического толка преступлением не является⁴⁰. Тем не менее, ненависть политического и идеологического характера может считаться отягчающим обстоятельством любого другого преступления, фигурирующего в Уголовном кодексе.

Поправки к закону позволили уточнить определение экстремистской деятельности - они разъясняют список мотивов (в соответствии со статьей 63 Уголовного кодекса). Таким образом, анти-экстремистское законодательство ставит своей целью искоренение любого преступления или правонарушения идеологического характера (в широком смысле), к которым относятся как правонарушения, совершенные по «традиционным» мотивам ненависти (расовой, этнической, религиозной), так и некоторые другие. Ряд пунктов был изъят из закона – либо потому, что они были сочтены слишком нечеткими и расплывчатыми, либо из-за того, что они уже упоминаются в других законах. Отметим, что некоторые преступления, подпадающие скорее под антитеррористическое законодательство, были изъяты из сферы анти-экстремизма, что должно упростить юридическую ситуацию - хотя бы на уровне правового текста. Речь идет о таких преступлениях, как участие в незаконном вооруженном формировании или посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, и т.д.

Кроме того, надо отметить, что оправдание экстремистской деятельности больше не считается экстремизмом; защитники экстремистов теперь автоматически не считаются экстремистами.

Наконец, обратим внимание на то, что запрет на воспрепятствование законной деятельности правительства отныне распространяется и на аналогичные действия в отношении местных властей, ассоциаций, действующих на общественных началах, а также религиозных и других организаций; что провокации в адрес сотрудников правопорядка недвусмысленно запрещены; что публикация списков организаций, запрещенных или ликвидированных за экстремистскую деятельность, является обязательной (даже если у издания нет главного редактора, что могло бы объяснить отсутствие публикации); что распространение материалов, признанных судом экстремистскими, является правонарушением только в случае массового распространения (однако определение «массового»

38. Ст. 213 Уголовного кодекса. «Хулиганство» фигурирует среди статей, посвященных нарушениям общественной безопасности, а не посягательствам на личность или собственность.

39. Ст. 214 Уголовного кодекса предусматривает наказание за осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества в общественном транспорте или в иных общественных местах.

40. Ст. 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: ч.1: «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации». Отметим, что в отличие от возбуждения ненависти по политическим или идеологическим причинам, разжигание ненависти против определенной социальной группы фигурирует в формулировке ст. 282 – причем, с 2003 г.

в законе отсутствует). В связи с последним пунктом, список материалов, признанных судом экстремистскими, впервые опубликованный «Российской газетой» в июле 2007 г. и с тех пор постоянно обновляемый, является официальным документом, который может служить основанием для уголовного преследования лиц за распространение включенных в него материалов.

Хотя текст нового закона кажется юридически более обоснованным, пригодным к применению на практике и содержит (несмотря на некоторые недостатки) меньше запретов, представляющих угрозу основным свободам и правам, необходимо внимательно следить за тем, чтобы мотивы «ненависти», добавленные в Уголовный кодекс, не привели к злоупотреблениям (см. случаи «хулиганства» и «вандализма» выше). Очевидно, что судьи имеют очень широкую – слишком широкую – свободу его интерпретации⁴¹. В любом случае, даже если преследования не всегда заканчиваются осуждением лиц к лишению свободы, этот закон способствует созданию климата запугивания, еще больше усугубляя ситуацию.⁴²

Следует особо отметить использование непрозрачного понятия «предостережений о недопустимости нарушения анти-экстремистского законодательства», которые выносятся организациям и СМИ. В частности, такое предостережение было вынесено в 2006 г. обществу «Мемориал», опубликовавшему на своем Интернет-сайте заключение муфтия о том, что некоторые тексты, распространяемые «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», не носят экстремистского характера.

Рассматриваемые законодательные акты узаконили практику, которая существовала на протяжении уже многих лет, в частности, в условиях чеченского конфликта. Они также используются для значительного усиления репрессий, особенно против специфических групп – таких как некоторые мусульманские общины. Связанная с чеченской войной пропаганда сыграла важнейшую роль в распространении негативного образа ислама, ассоциируемого с «ваххабитской» угрозой. Впоследствии к этому добавились и сотрудничество в рамках Шанхайской организации (ШОС) с авторитарными государствами, враждебными к так называемым «нетрадиционным» мусульманским движениям (в частности, с Узбекистаном), и общая атмосфера, сложившаяся на международном уровне и способствующая подозрительности по отношению к исламу. В результате, и на Северном Кавказе, и в остальных регионах России – в частности, в Волжско-Уральском регионе, – сформировалась политика, все более агрессивная по отношению к мусульманам.

В следующей части доклада будут рассмотрены случаи, иллюстрирующие злоупотребления нормами антитеррористического и анти-экстремистского законодательства, а также многочисленные нарушения прав человека, допущенные в ходе отправления «обычного» правосудия при применении Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, модифицированных в то же самое время, когда было принято антитеррористическое законодательство. Тексты различных статей УК, используемых в этих случаях, имеются в *Приложении I*. В следующих разделах мы опишем отдельно дела, связанные с преследованием различных групп мусульман, инициированные под флагом антитерроризма и/или анти-экстремизма, и другие уголовные дела политического характера.

41. Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Элла Памфилова, подчеркнула в ходе своей встречи с миссией, что Президент и федеральная власть глубоко уважают основные права человека. По ее мнению, недостатки, которые наблюдаются в правоприменительной практике, объясняются нехваткой опыта и средств на нижних уровнях судебных и исполнительных органов, представители которых, возможно, не вполне понимают важность уважения основных прав. Тем не менее, различные источники указывают на проведение регулярных обучающих семинаров для представителей разных уровней этих органов власти, встреч и т.д., с целью повышения их квалификации.

42. Напомним о случае блогера Саввы Терентьева, приговоренного к году тюремного заключения условно городским судом г. Сыктывкар (Республика Коми), 7 июля 2008 г. за разжигание ненависти против определенной социальной группы (ст. 282§1 Уголовного кодекса) за напечатанные в его блоге высказывания, признанные оскорбительными для милиции.

II «Поддержание порядка» на Северном Кавказе

II.1 Северный Кавказ: «выплескивание» конфликта за пределы Чечни

Чечня и весь Северный Кавказ – это первые и самые показательные примеры систематического применения юридических механизмов антитеррористической борьбы, будь то широкое пространственно-временное определение «зоны контртеррористической операции», возбуждение уголовных дел по сфабрикованным обвинениям в Чечне или операции по поддержанию порядка в Кабардино-Балкарии и Ингушетии.

Одной из главных забот администрации всего региона стала борьба против терроризма и экстремизма, заключающаяся в преследовании лиц, исповедующих так называемый «нетрадиционный» ислам, которому, по убеждению власти, привержено чеченское вооруженное сопротивление. И антитерроризм, и анти-экстремизм используются для усиления репрессивных методов поддержания порядка, политического и общественного контроля.

Механизмы и методы «антитеррористической операции» в Чечне и ее последствия для гражданского населения региона в том, что касается прав человека, были многократно описаны и проанализированы различными российскими и международными правозащитными организациями - в частности, в различных докладах FIDH, в большинстве случаев, подготовленных совместно с Правозащитным Центром «Мемориал»⁴³.

В настоящем докладе мы ограничимся выявлением некоторых фактов и событий, относящихся к неправомерному применению нового антитеррористического законодательства, которое приводит к росту судебных дел, сфабрикованных на основе обвинений в терроризме, в Чечне и в соседних республиках, - Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Особенное беспокойство внушает положение дел в Дагестане, но сложная ситуация в этой республике, страдающей от насилия, не представлена в рамках данного доклада. Можно, тем не менее, привести в качестве примера характерный случай дагестанского села Гимры, в котором режим КТО поддерживался в течение нескольких месяцев, и все село было в этот период - зимой и весной 2008 г., - полностью отрезано от мира.⁴⁴ Более подробная информация о ситуации в Дагестане представлена в докладах Правозащитного центра «Мемориал»⁴⁵.

II.1.1 Чечня: рост числа сфабрикованных уголовных дел по обвинениям в терроризме

Учитывая юридические механизмы, существовавшие до 2006 г., обвинения и приговоры, вынесенные в отношении жителей Чечни, в основном, опирались на статью 208 Уголовного кодекса («Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»), а не на статью 205 («Терроризм» - до июля 2006 г.). Антитеррористическое зако-

43. FIDH-Мемориал, «Пытки в Чечне: «Стабилизация» кошмара», 2006-2007 гг.; FIDH и др., «Parliamentary Elections in a Climate of Fear» (*Парламентские выборы в атмосфере страха*), FIDH и др., 2005 г.; Tchetchenie. «La normalisation: un discours de dupes» (*Чечня. Стабилизация: риторика обмана*), март 2003 г.; «Tchetchenie: Terreur et impunité, Un système organisé» (*Чечня: террор и безнаказанность как система*), FIDH 2002 г. и др.

44. <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1203843.html>; <http://www.zaprava.ru/content/view/1227/2/>

45. <http://www.memo.ru/2008/10/16/1610081.htm> и другие доклады, www.memo.ru

нодательство 2006 г., с введением «правового режима антитеррористической операции», узаконило увеличенный срок содержания под стражей до предъявления обвинений, обыски без ордеров и т.п., которые, впрочем, использовались на деле и до 2006 г. В результате, правозащитникам и адвокатам стало намного сложнее выявлять злоупотребления, допущенные после вступления в силу этого закона. Но и он не разрешает прибегать к пыткам и жестокому обращению, которые продолжают широко практиковаться в этом регионе.

Участники миссии встретилась с адвокатами Абу Гайтаевым, практикующим в Москве, и Магомедом Абубакаровым, который работает в Чеченской Республике. Г-да Гайтаев и Абубакаров осуществляли защиту по ряду дел, в которых сфабрикованные обвинения опирались на показания, полученные под пытками, и были «легализованы» с помощью нового антитеррористического законодательства. Многие из таких уголовных дел расследовались оперативно-розыскным бюро ОРБ-2, известным жесткостью своих методов, в т.ч., использованием пыток для получения показаний⁴⁶. Довольно часто после ареста подозреваемого его родственникам и адвокатам не сразу удается узнать, где он содержится. Как правило, именно в это время человека допрашивают и под пытками принуждают подписать признание вины. Позднее - когда задержание оформляется официально (санкционируется прокуратурой) и когда судом избирается мера пресечения, - задержанный уже не может отказаться от своих первоначальных показаний. Это крайне затрудняет работу адвокатов, т.к. крайне сложно (а часто и просто невозможно) доказать, что эти показания были получены от арестованного незаконными методами.

Как достаточно редкий пример того, что иногда это удается, можно привести случай Али Течиева. Али Течиев был обвинен в терроризме и хранении оружия, но был оправдан Верховным судом ЧР 12 декабря 2006 г.

Течиев был арестован 30 ноября 2005 год, после того как уже однажды был приговорен к условному наказанию в сентябре этого же года за участие в нелегальных формированиях. Эти обвинения он всегда отрицал и обвинительные показания были получены под пытками. На этот раз Али Течиев обвинялся в участии в нападении на Грозный в 2004 году. 17 ноября 2006 года прокурор потребовал приговора к 17 годам заключения. С помощью ПЦ «Мемориал» и адвокатов, Течиев смог собрать достаточно свидетельств, доказывающих, что первоначальные показания были получены под пытками, а сам судебный процесс сопровождался многочисленными нарушениями, в том числе нарушением права на защиту.

Распространенная методика следователей заключается в вызове адвоката «по назначению», который подписывает протокол допроса, придавая, тем самым, видимость законности показаниям, полученным от арестованного под давлением, и предлагает свои «услуги» его семье, пытаясь склонить родственников к «финансовой сделке» с органами правосудия. Т.е., попросту советует заплатить за освобождение арестованного или за более мягкий приговор. Коллегия адвокатов Чечни исключила из своего состава двух адвокатов, «прославившихся» такой практикой и регулярным сотрудничеством с ОРБ-2 – но это редкий случай.

Законодательство 2006 г. позволяет вести «специальные операции» среди бела дня в центре города, даже не эвакуируя жилые здания. Один из собеседников миссии был непосредственным свидетелем операции, которая проводилась 31 декабря 2007 г. в жилом доме в Грозном. Квартира была обстреляна из тяжелого оружия, 3 человека убиты, а их тела увезены органами безопасности, действовавшими на основании антитеррористического законодательства, которое позволяет не выдавать тела убитых террористов (или тех, кого таковыми «назначили» силовики) их семьям для похорон.

В уголовных делах рассматриваемой категории обычно используются статьи 205 (террористический акт), 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), 222 (незаконное приобретение и хранение оружия). До 2005 г. текущей практикой было удвоение меры наказания, если лицо обвинялось в нескольких терактах. Дела

46. См. среди прочих «Пытки в Чечне: “Стабилизация” кошмара», см. выше.

Баширова, Абубакарова и Мизаева (см. Приложение II) стали редким исключением, скорее подтверждающим правило.

II.1.2 Ингушетия

В Ингушетии - соседней с Чечней республике, - крайне напряженная уже несколько лет ситуация значительно ухудшилась в 2007-2008 гг., став даже более опасной и кровопролитной, чем в Чечне.

Если начиная с прихода в 2002 г. к власти в республике М.М.Зязикова - бывшего генерала ФСБ и приближенного В. Путина, - можно было наблюдать распространение спецопераций, проходивших в Чечне, на ингушскую территорию (многочисленные похищения перебравшихся в Ингушетию чеченцев различными службами безопасности – российскими или про-российски настроенными чеченскими), то в 2007 г. конфликт приобрел собственную специфику.

С одной стороны, для него характерны вооруженные нападениями группировок ингушских боевиков - зачастую радикально настроенных молодых людей, - на представителей сил правопорядка или республиканскую администрацию; с другой - увеличение числа «специальных операций», проводимых силовыми структурами на разных уровнях против гражданского населения Ингушетии. От всего этого страдали близкие подозреваемых лиц, граждане, пытавшиеся в ходе мирных демонстраций протестовать против репрессивной политики властей, и просто случайные жертвы.

Нынешние юридические рамки (см. выше) позволяют «законно» проводить карательные операции, которые участились в процессе проведения антитеррористических мероприятий, предусмотренных, в частности, ст. 11 нового закона. В результате, нередки трагедии - так, в ходе специальной операции в ноябре 2007 г. был убит 6-летний мальчик Рахим Амриев, а в феврале 2008 г. сотрудники ФСБ подожгли дом брата разыскиваемого лица, чтобы принудить последнего придти на помощь к родственникам и при этом его арестовать.

Растущая напряженность и, как минимум, бездействие гражданских властей Ингушетии, а скорее - даже одобрение ими подобной практики спецслужб, - вызвали волну протестов и консолидацию населения на ее фоне. Однако все попытки мирных и законных манифестаций были жестоко подавлены.

Именно в этих условиях и было применено непосредственно антитеррористическое законодательство.

В январе 2008 г., накануне митинга протеста против произвольных арестов и пыток задержанных, организаторы которого, в соответствии с законом, заявили о его проведении⁴⁷, службы безопасности после нескольких попыток воспрепятствовать проведению митинга решили объявить «зоной КТО» часть территории республики в том числе, центр ее столицы – г. Назрани. Их действия были, таким образом, вписаны в законные рамки. Митинг, тем не менее, состоялся 26 января. Он завершился насилием и разрушениями - в частности в помещении местной газеты «Сердало» произошел пожар.

В феврале были арестованы многие лидеры оппозиции, в том числе, Макшарип Аушев Муса Аушев и Руслан Хазбиев. Их обвинили в участии в беспорядках и поджоге редакции. Уголовное дело в отношении предполагаемых участников было направлено в Верховный суд Ингушетии 19ого февраля 2009 г.

О прекращении режима КТО было официально объявлено 3 февраля 2008 г. «Специальные операции», проводимые на основании антитеррористического законодательства, до сих пор идут в Ингушетии, не прекращаясь, почти каждый день⁴⁸, по-прежнему вызывая недовольство населения и ответные репрессии властей, которые намеренно

47. В России законом предусмотрен уведомительный характер организации митингов и демонстраций. На деле же, будь то на Северном Кавказе, в Москве или в других регионах страны, власти часто запрещают демонстрации или требуют изменить их маршрут, утверждая, например, что демонстрация представляет угрозу общественной безопасности.

48. Lenta.ru: Новости: <http://lenta.ru/news/2008/09/15/militia/>

смешивают политическое и социальное недовольство с вооруженными повстанческими операциями⁴⁹.

В 2007 г. региональная НПО «Чеченский комитет национального спасения» (ЧКНС)⁵⁰, находящаяся в г. Назрань в Ингушетии, стала мишенью обвинений в экстремизме: в августе 2007 г. ФСБ, заподозрившая ЧКНС в том, что он получает финансирование от иностранных экстремистских организаций, инициировала внеочередную проверку его деятельности Управлением Федеральной регистрационной службы по Республике Ингушетия. Об этих подозрениях стало известно в апреле 2008 г. в ходе слушаний в районном суде Назрани, который рассматривал жалобу организации на незаконную внеочередную проверку. В письме главы ФСБ Ингушетии Игоря Бондарева говорилось: *«По полученной информации, прикрываясь правозащитной деятельностью, РОД ЧКНС преследует иные цели, чем указано в его учредительных документах, а именно: представителями РОД ЧКНС ведётся сбор негативных материалов о социально-экономической и политической ситуации в Ингушетии, которая в последующем в заведомо искажённой форме публикуется на сайте «Ингушетия.ру»*. На основании того, что Чеченский комитет национального спасения является *«получателем грантов международных структур»*, полковник ФСБ не исключил возможность *«получения ими средств от зарубежных экстремистских организаций»*. Что и предполагалось выявить в ходе проверки.

Летом 2008 г. Ингушетия снова оказалась в фокусе «борьбы с экстремизмом», и в результате события вокруг интернет-сайта «Ингушетия.Ru» приняли трагический оборот. Этот независимый информационный ресурс, который публиковал правдивую информацию о случаях репрессий и пыток, применяемых силами правопорядка и федеральными властями против гражданского населения, был закрыт 6 июня 2008 г. по решению Кунцевского районного суда г. Москвы⁵¹. Суд прекратил его деятельность, удовлетворив иск прокуратуры Ингушетии, по мнению которой сайт распространял информацию экстремистского характера. Представители сайта подали кассационную жалобу на решение суда о прекращении деятельности интернет-ресурса.

Одновременно с процессом в отношении сайта начались преследования его владельца Магомеда Евлоева и главного редактора Розы Мальсаговой. Против последней было возбуждено несколько уголовных дел, которые, по мнению ее адвоката Калоя Ахильгова, *«без сомнения, связаны с ее деятельностью на сайте «Ингушетия.Ru»*⁵². В начале августа Роза Мальсагова покинула Россию и попросила политического убежища во Франции.

12 августа Московский городской суд подтвердил решение Кунцевского районного суда г. Москвы о незаконности деятельности сайта «Ингушетия.Ru». Роза Мальсагова, находившаяся в это время в Париже, заявила, что сайт будет работать, несмотря на решение суда.

25 сентября 2008 г. сотрудники сайта «Ингушетия.Ru» получили письмо из Регионального центра регистрации доменов, в котором сообщалось, что после вступления в силу решения Кунцевского районного суда право использовать домен у них было изъято⁵³. Следует отметить, что на деле ингушские интернет-провайдеры начали блокировать доступ к сайту еще в апреле 2007 г.

31 августа 2008 г. Магомед Евлоев, который знал, что Ингушетия небезопасна для него, но рискнул приехать в республику, погиб, находясь в руках представителей сил правопорядка, арестовавших его при выходе из самолета. По официальной версии след-

49. Напомним, что ранее были жестоко подавлены и другие демонстрации - например, 24 ноября 2007 г. За день до этого в Назрани произошел серьезный инцидент: трех журналистов съемочной группы канала REN-TV и представителя правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова среди ночи насильно вывезли из гостиницы «Асса» за город, избивали, угрожали убить и, в конце концов, оставили на безлюдной проселочной дороге. См. заявление FIDH, «Intimidations et violence délibérée» («Угрозы и умышленное насилие»), <http://www.fidh.org/spip.php?article4972>

50. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/134455>

51. <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1220464.html>

52. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/140389>

53. <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1229662.html>

ствия, озвученной сразу после гибели Евлоева, это был несчастный случай – результат произвольного выстрела. Общественность Ингушетии, российские и международные правозащитные организации выразили серьезные сомнения в этом и потребовали проведения объективного и беспристрастного расследования причин гибели Евлоева⁵⁴, потрясшей всю Ингушетию.

Под давлением общественности властям, которые вначале пытались, было, «спустить дело на тормозах», пришлось отнестись к нему более серьезно. В ноябре 2008 года Назрановский районный суд Ингушетии признал задержание Магомеда Евлоева незаконным и совершенным с нарушением норм УПК РФ⁵⁵. Сторона обвиняемого ходатайствовала о переносе судебного процесса в другой регион России, однако в апреле 2009 года Верховный суд республики посчитал, что дело должно рассматриваться в Ингушетии – по месту совершения преступления.

Вызванные этим убийством волнения, очевидно, стали одним из факторов, приведших к смене высшего руководства республики: вместо Мурата Зязикова, занимавшего этот пост более 6 лет, в октябре 2008 г. президентом Ингушетии был назначен Юнус-Бек Евкуров.⁵⁶

II.1.3 Кабардино-Балкария

В республике Кабардино-Балкария также наблюдается – особенно, начиная с 2005 г., – все более напряженная обстановка, которая характеризуется политикой систематических репрессий против мусульманских общин. Многие их представители были арестованы, подвергались пыткам, некоторые были убиты без суда и следствия. В этих крайне напряженных условиях в октябре 2005 г. произошли трагические события в столице республики, г. Нальчике.

13 октября 2005 г. группы вооруженных людей совершили нападение на ряд государственных учреждений Нальчика. По официальному мнению российских властей, оно было делом рук боевиков-экстремистов, возглавляемых Шамилем Басаевым, с целью дестабилизировать основы государства. Эти действия были представлены как новый этап подрывной стратегии Басаева после дестабилизации Чечни. После событий 13 октября множество граждан было арестовано и оказалось в заключении⁵⁷.

Защита представила совершенно иную версию событий, заявив, что нападение было реакцией на политику целенаправленных репрессий мусульман, обвиняемых в «ваххабизме», которую проводили власти Кабардино-Балкарии, и в частности, министерство внутренних дел, долгое время возглавляемое Х. Шогенов. Характерными чертами этой политики были закрытие мечетей, аресты и грубое, унижающее достоинство обращение со многими мусульманами, ставшими объектом преследований.

Новое антитеррористическое законодательство упростило репрессии такого рода: введенное в него понятие «специальной операции» узаконило действия, практиковавшиеся и ранее, но до того считавшиеся противоправными.

Участники миссии встретились с адвокатом, осуществляющим защиту по уголовным делам, возбужденным после событий. Из 59 таких дел миссия ознакомилась с особо значимым делом Расула Владимировича Кудаява - инвалида, бывшего узника Гуантанамо. В день нападения он находился у себя дома под капельницей, что подтверждают и его знакомые, видевшие его в тот день, и московские журналисты, с которыми он говорил по телефону. Тем не менее, 23 октября 2005 г. он был арестован у себя дома по подозрению в участии в нападении на пост «Хассания». Его избивали и подвергали пыткам

54. См. заявление российских правозащитных организаций по поводу общего ухудшения ситуации во всем Северокавказском регионе <http://www.memo.ru/2008/09/09/0909081.htm>.

55. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/153234><http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/153234>

56. О ситуации в Ингушетии см. Доклад ПЦ «Мемориала»: «Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Зима 2008 – 2009 г.» <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>

57. «Кабардино-Балкария: На пути к катастрофе. Предпосылки вооруженного выступления в Нальчике 13-14 октября 2005 года», ПЦ Мемориал, Москва, 2008г. и другие доклады ПЦ Мемориал, www.memo.ru

в «б-м отделе»⁵⁸, пытаясь заставить сознаться в причастности к нападению 13 октября (подробности по этому делу в *Приложении II*).

II. 2 Два знаковых дела: Зара Муртазалиева и Заурбек Талхигов

II.2.1 Дело Зары Муртазалиевой

Дело Зары Муртазалиевой – наглядный пример распространения на другие регионы России злоупотреблений и фабрикаций обвинений в контексте борьбы с терроризмом в Чечне.

Зара Хасановна Муртазалиева родилась 4 сентября 1983 г. в станице Наурская Наурского района Чечено-Ингушской АССР. В 2003 г., после смерти отца, Зара - студентка третьего курса Пятигорского лингвистического университета, - была вынуждена перевестись на заочное обучение, чтобы работать и помогать матери содержать семью, т.к. ее младшие сестры закончили школу и тоже хотели получить высшее образование. 20-летняя девушка переехала в Москву и, благодаря хорошему знанию английского языка, быстро нашла работу в страховой компании.

Вскоре с ней познакомилась две молодые москвички, незадолго до того принявшие ислам - Аня и Даша. Девушки подружились, и поскольку Аня и Даша хотели жить независимо от родителей, то они решили поселиться вместе с Зарой.

Дружба москвичек с чеченкой была отмечена спецслужбами, наблюдавшими за Зарой. (Самостоятельность молодой чеченки и факт ее приезда в Москву без сопровождения родственников, нехарактерные для традиций ее народа, сами по себе, уже привлекли внимание спецслужб). Сотрудник Управления борьбы с организованной преступностью Саид Ахмаев по приказу своего руководства начал «протезировать» Заре. Однажды он помог ей при задержании ее милицией для проверки регистрации, затем стал всячески опекать ее и подруг. Он предложил девушкам «бесплатную» квартиру, которая, как выяснилось позднее, была предварительно буквально нашпигована устройствами для прослушивания и видеонаблюдения.

В течение более чем двух месяцев органы безопасности непрерывно наблюдали за девушками – за каждым их словом и жестом; за Зарой постоянно велась слежка, даже на улице. Тем не менее, не было выявлено ничего предосудительного: в знакомствах, встречах, телефонных разговорах Зары отсутствовало что-либо, представляющее интерес для спецслужб. Позже, во время суда, прокурор будет впустую прокручивать многочасовые записи, сделанные в квартире Зары, прослушивать разговоры девушек о будущем замужестве, песни Высоцкого и чеченского барда Тимура Муцураева, безуспешно пытаясь найти хоть что-нибудь, что могло бы подтвердить обвинения. Какие-то высказывания, обращающие на себя внимание, можно обнаружить на пленках в двух-трех разговорах о Чечне, но они всегда исходили от Ани и Даши. Факты доказали, что Зара непричастна ни к каким нарушениям закона.

Тем временем, прошел срок, на который судом была дана санкция на прослушку, а результатов активной оперативно-розыскной работы так и не появилось. И тогда - 4 марта 2004 г., - сотрудники милиции задержали Зару для проверки документов, когда она выходила с работы в центре Москвы, в районе Китай-город. Хотя паспорт у девушки был при себе, ее привезли в отделение милиции в отдаленном от центра районе проспекта Вернадского для установления личности. Там у нее взяли отпечатки пальцев и уже якобы намеревались отпустить. Однако, когда, помыв руки, Зара вернулась из туалета, она обнаружила, что ее сумка стала объемнее. Зара отказалась открывать сумку – это сделали сотрудники милиции, которые и «обнаружили» там завернутую в фольгу взрывчатку. В отсутствие других доказательств, эти два пакетика, на которых даже не проверили наличия отпечатков пальцев Зары, записи песен Тимура Муцураева и фотографии

58. Подразделение УБОП, специализирующееся на борьбе с терроризмом.

торгового центра «Охотный ряд», который девушки посетили в первые дни после Нового года, послужили «уликами», якобы доказывающими ее намерение совершить теракт и вовлечь в него двух своих подруг.

Уголовное дело против Зары Муртазалиевой сначала было возбуждено по статье 222 ч.1 Уголовного кодекса РФ – за незаконное приобретение, хранение и перевозку взрывчатых веществ

Начала расследование Никулинская районная прокуратура г. Москвы, но из-за «особой важности» дело было передано в отдел по расследованию убийств и бандитизма прокуратуры г. Москвы, а затем - в Управление ФСБ по Москве и Московской области.

По полученной миссией информации, Аня, Даша и их родители под угрозой, что девушки «окажутся на скамье подсудимых рядом с Зарой», были вынуждены дать показания о том, что Зара якобы подталкивала их к совершению терактов.

В октябре 2004 г. мать Ани обратилась за помощью в правозащитные организации, жалуясь на угрозы и давление на нее и ее дочь, исходящие от ведущих расследование служб. Но ее жалоба в прокуратуру осталась без ответа.

Мать Зары рассказала, что у нее возникли сложности с первым адвокатом, который оказался вымогателем. Этот адвокат потребовал значительную сумму денег в обмен на обещание удовлетворительного судебного решения при условии, что Зара признает себя виновной. Чтобы избавиться от него, матери пришлось заплатить ему «неустойку».

Дело рассматривал Московский городской суд под председательством судьи Марины Комаровой. 17 января 2005 г. она вынесла приговор, которым Зара Муртазалиева была признана виновной в «подготовке терроризма» (ст.30 ч.1, 205 ч.1 УК РФ); в «вовлечении других лиц в совершение преступлений террористического характера» (ст. 205-1 ч.1 УК РФ) и в «незаконном приобретении и хранении взрывчатых веществ» (ст. 222 ч.1 Уголовный кодекс) и осуждена на 9 лет лишения свободы.

17 марта 2005 г. Верховный суд России в связи с изменением формулировки одной из статей Уголовного кодекса сократил срок наказания на 6 месяцев.

В июне 2005 г. адвокат Зары, В.К.Суворов подал надзорную жалобу в Президиум Верховного суда на приговор Мосгорсуда от 17 января 2005 г. и на кассационное определение коллегии по уголовным делам Верховного суда от 17 марта 2005 г., однако добиться пересмотра дела не удалось.

В сентябре 2005 г. была направлена жалоба в Европейский Суд по правам человека (дело №36658/05 «Муртазалиева против России»).

Российские правозащитники неоднократно информировали общественность о том, что обвинение в терроризме чеченской студентки было полностью сфабрикованным. «Мы убеждены, что Зара Муртазалиева осуждена незаконно и по политическим мотивам», - говорится в декларации правозащитников. «Единственной ее «виной» и единственным «преступлением» оказалась принадлежность к чеченскому народу. Никаких иных доказательств ее преступных намерений обвинение представить не смогло»⁵⁹. 8 февраля 2005 г. Инициативная группа «Общее действие» обратилась к организации «Международная Амнистия» с просьбой признать Зару Муртазалиеву политзаключенной.

В колонии, где Зара Муртазалиева отбывает наказание, она регулярно подвергается необоснованным наказаниям за мелкие или даже вовсе вымышленные нарушения режима. Из-за этого в октябре 2008 г. суд отказал ей в условно-досрочном освобождении.

II.2.2 Дело Заурбека Талхигова

Заурбек Юнусович Талхигов родился 22 июля 1977 г. в селе Шали Шалинского района Чечено-Ингушской АССР. В 1995 г., во время первой чеченской войны, Заурбек временно перебрался в Дагестан вместе со своей семьей - матерью и тремя сестрами. Семья Талхиговых вернулась в Чечню только в июне 1996 г. В 1999 г. Заурбек уехал в Санкт-Петербург, где начал зарабатывать себе на жизнь доставкой мясных продуктов.

59. <http://grani.ru/Society/Law/m.84282.html>

В день захвата заложников в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 г. Талхигов оказался в Москве по своим коммерческим делам. Утром 25 октября он откликнулся на призыв депутата Госдумы Асланбека Аслаханова, который в прямом телеэфире предложил всем чеченцам, находившимся в этот момент в Москве, придти к театру на Дубровке, окружить его «живым кольцом» и заставить террористов сдаться. Надо отметить, что этот план не увенчался успехом – слишком немногие откликнулись на призыв.

Тогда Аслаханов попросил Заурбека связаться с боевиками-террористами по телефону, чтобы убедить их освободить хотя бы часть заложников, и дал ему номер их лидера – Мовсара Бараева. Голландские журналисты, присутствовавшие при этом, и гражданин Голландии российского происхождения Олег Жиров, чья жена и ребенок находились среди заложников, также обратились в Заурбеку с этой просьбой. Талхигов позвонил Бараеву, поговорил с боевиками, пытаясь завоевать их доверие и добиться уступок в отношении заложников. Для этого ему пришлось дать террористам все сведения о себе и координаты своей семьи. Все эти переговоры Талхигов вел в присутствии работников спецслужб, которые внимательно их слушали и не делали ему никаких замечаний.

По свидетельству очевидцев, переговоры Заурбека Талхигова с террористами об освобождении иностранных граждан были успешными. Так, 25 октября, за день до штурма здания, он вместе с депутатом украинской Рады О. П. Беспаловым добился предварительной договоренности о немедленном освобождении украинских граждан.

Однако довести переговоры до конца Заурбеку не удалось: в тот же день, через полтора часа после последнего разговора с боевиками, он был задержан представителями ФСБ, которые обвинили его в пособничестве террористам.

Несмотря на то, что во время судебных слушаний по делу о захвате заложников в театре на Дубровке все свидетели подтвердили невиновность подсудимого, 20 июня 2003 г. Московский городской суд признал 25-летнего Заурбека Талхигова виновным в «пособничестве террористам и захвате заложников» (статьи 30, 205 и 206 Уголовного кодекса РФ) и приговорил его к 8,5 годам в колонии строгого режима. 9 сентября 2003 г. кассационная инстанция Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда, подтвердила приговор, в тексте которого прямо отмечено, что когда Заурбек Талхигов пришел к Театральному центру, «умысла на оказание пособничества террористам у него не было».

По словам адвоката, во время судебных слушаний представители ФСБ объявили, что «часть распечаток переговоров Талхигова с боевиками была уничтожена «за ненадобностью». Поэтому суд смог ознакомиться только с малой долей телефонных переговоров Заурбека, а основная их часть, которая касалась освобождения заложников и могла служить оправданию его действий, осталась для суда недоступной. Прокурор признал это, заявив, что «только часть разговоров была представлена суду, но это произошло потому, что сотрудники ФСБ не сразу получили приказ записывать их». Злоключения Заурбека продолжились и в исправительной колонии. После того, как Европейский суд сделал официальный запрос по его делу в Россию, администрация колонии подала заявление в суд об ужесточении режима его содержания в связи со злостными нарушениями им режима содержания заключенных. 11 августа 2005 г. суд удовлетворил это заявление.

Талхигову было предъявлено обвинение в 23 нарушениях режима. Среди них такие: Заурбек обратился к охраннику на «ты»; отказался есть грязной деревянной ложкой, по словам охранника, специально для него принесенной из туберкулезного барака, и сломал ее; не выполнил команду «отбой», потому что не закончил молитву; вышел на построение в новой одежде без нашивок, которые получил за минуту до построения, при этом нитки и иголки ему не дали. За все эти «нарушения» он получил и отбыл дисциплинарные наказания. Тем не менее, суд принял решение о переводе Талхигова на 2 года из колонии в тюрьму⁶⁰.

22 декабря 2005 г. обозреватель «Новой газеты» Анна Политковская напечатала интервью с адвокатом Талхигова, С. А. Насоновым. Чуть позже она направила в компе-

60. <http://www.memo.ru/hr/jbl/nov/talhigovru20060630.html>

тентные органы запрос о разрешении ей посетить Талхигова в колонии, но получила отказ, мотивированный тем, что дело Талхигова находится в Европейском суде по правам человека и что, в связи с этим, любые публикации до его рассмотрения могут расцениваться как давление на суд.

13 июня 2006 г. Талхигов был вызван в администрацию исправительного учреждения, где ему настоятельно посоветовали отказаться от встречи с журналистами. Заурбек на это не согласился. Через неделю он заболел и обратился к врачу. Анализы показали, что он страдает серьезным инфекционным заболеванием печени. Заурбек Талхигов не получает необходимой ему медицинской помощи и его жизнь находится под угрозой.

III Гонения на мусульманские организации, обвиняемые в экстремизме

III.1 Дело «Исламского Джамаата» (Татарстан)

Краткая справка о ситуации в Татарстане

Ислам занимает важное место в жизни татар, составляющих 48% населения Республики Татарстан, которая находится в самом центре Российской Федерации. Возведение в 2005 г. Соборной мечети в Казанском Кремле рядом с православными храмами символизирует, по мнению российского правительства, усилия по достижению межконфессионального согласия.

С 1991 года республику, богатую природными и промышленными ресурсами, возглавляет Минтимер Шаймиев, который после нескольких попыток получения большей автономии стал сторонником национальной политики В. Путина. Шаймиев является одним из лидеров про-президентской партии «Единая Россия».

Представленная ниже информация основывается на материалах уголовного дела и сведениях, полученных от опрошенных участниками миссии лиц в Москве, Казани и Набережных Челнах. За редкими исключениями, наши собеседники пожелали не разглашать свои имена.

Дело об «Исламском Джамаате» весьма показательно: оно помогает понять приоритеты российских властей в области борьбы с терроризмом после трагедии в Беслане в сентябре 2004 г. Оно также иллюстрирует стремление региональных руководителей показать хорошие результаты в этой сфере в ответ на критику В. Путиным недостаточного контроля за ситуацией в регионах, а также напряженность, связанную с подготовкой празднования в 2005 г. символического историко-политического события тысячелетия основания Казани.

В приговоре наличествуют и доказанные уголовные преступления, и недоказанные факты, опирающиеся на показания, полученные в результате применения пыток и многочисленных нарушений в отправлении правосудия. Если некоторые из действий, вменяемых в вину осужденным, действительно имели место, то наличие масштабного исламистского заговора представляется плодом вымысла - мистификацией, осуществленной следственными органами и принятой на веру судом.

В единое целое были связаны реальные уголовные преступления (убийства), предполагаемый заговор в Волжско-Уральском регионе России, вторая чеченская война и исламистская угроза, якобы идущая из стран Центральной Азии - Казахстана и Узбеки-

стана. Была установлена и криминализована связь (вымышленная или реальная) между настоящими уголовными преступниками и теми, чьими «преступлениями» являются их религиозные и политические взгляды.

14 февраля 2008 г. Верховный суд Республики Татарстан вынес приговор 17-ти обвиняемым по делу «Исламского Джамаата». Это произошло через два с половиной месяца после вынесения присяжными вердикта, оглашение которого заняло 2 дня - 28 и 29 декабря 2007 г. миссия FIDH и Гражданское содействие смогла присутствовать на суде накануне – 13-го, когда последний из подсудимых произносил «последнее слово»

Дело «Исламского Джамаата» началось в ноябре 2004 г., когда в г. Набережные Челны и других районах Татарстана были арестованы около 50 человек, подозревавшихся в приверженности к радикальному исламу. Впоследствии обвинения в преступлениях террористического характера были предъявлены 23-м задержанным, в том числе, пяти несовершеннолетним, дело в отношении которых позднее выделили в отдельное производство. Эти пятеро молодых людей были осуждены 2 августа 2006 г.

Фактической основой дела было обвинение Хафиза Раззакова в убийстве 9 человек по религиозным мотивам. Его жертвами были влюбленные пары, встречавшиеся в лесопарке, что казалось ему недопустимым. В одном из убийств он сознался.

Ранее Раззаков проходил военное обучение в лагере боевиков «Кавказ» в Чечне. В конце 90-х в этом же лагере побывали еще четверо из фигурантов дела об «Исламском Джамаате», однако, в отличие от Раззакова, их учеба там не продвинулось далее изучения канонов ислама; двое из них были взяты в плен боевиками по подозрениям в сотрудничестве с российскими спецслужбами (через несколько месяцев им удалось бежать из плена и вернуться домой).

Кроме того, был арестован бывший спортсмен и «криминальный авторитет» из г. Азнакаево, принявший ислам за год или полтора до ареста. Он добровольно сообщил следствию о наличии у него разнообразного стрелкового оружия, оставшегося, по всей видимости, после его сомнительного прошлого в 90-е годы.

Все эти разрозненные факты были вплетены следствием в историю о тайной преступной организации, в которую якобы входили и ревностные мусульмане, и молодые люди, завербованные, по версии обвинения, упомянутым выше «криминальным авторитетом» (некоторые из них ранее побывали в медресе в Таджикистане).

Описание следствия по делу и судебного процесса

Описанные выше исходные данные послужили основой для предъявления арестованным обвинения в участии с 2001 по 2004 год в «незаконном вооруженном формировании» под названием «Исламский Джамаат», которое якобы возглавлялось Ильгамом Гумеровым, который, по версии следствия, также руководил «Малым военным советом «Маджлисуль шура»⁶¹. Группировка, как утверждало обвинение, готовила теракты, проведение которых планировалось во время празднования тысячелетия Казани в августе 2005 г. Кроме того, обвиняемым инкриминировалось планирование на 2008 г. взрывов на заводе грузовиков «КАМАЗ» и водоочистительной станции в Набережных Челнах и на авиастроительном заводе в Казани. В этих целях якобы было закуплено оружие, а сами члены «Джамаата» проходили военную подготовку в специально созданном военном лагере в лесах горной части Башкортостана, где они готовили свои диверсии.

Согласно обвинительному заключению, это формирование вело пропаганду радикальной версии ислама, возбуждающей ненависть на религиозной почве, что наказуемо по российскому законодательству. Так, например, Назара Мухамедова обвинили в том, что он заставлял молиться сотрудников цеха, где работал поваром, а за отказ от совершения намаза требовал штрафа в размере 100 рублей, и в том, что как член «Джаамата», он разжигал конфликты между верующими и неверующими работниками.

61. Военный совет боевой группы.

Аргументы обвинения

Следствие доказало, что пятеро из обвиняемых были в военном лагере, что, впрочем, и не оспаривалось защитой: некоторые подсудимые действительно вернулись в 1999/2000 гг. из лагеря «Кавказ» в Чечне и с тех пор находились под регулярным надзором ФСБ (с ними велись «профилактические беседы»).

Кроме того, трое молодых людей из г. Азнакаево в 2001 г. ездили учиться в медресе в Таджикистане. Родители вскоре увезли их домой, но с пор эти молодые люди находились под наблюдением спецслужб.

Несколько человек из числа обвиняемых, желавшие переехать в мусульманскую страну (по их утверждению, в Афганистан), создали тренировочный лагерь в горно-лесистой местности в Башкортостане и взяли туда пистолет и винтовку.

Знакомство между собой некоторых из обвиняемых использовалось стороной обвинения, чтобы установить связь между всеми фигурантами дела и создать видимость организованной банды: так, Ильмир Шайдуллин знал Гумерова, поскольку они посещали одну и ту же мечеть; он попросил у последнего помочь ему найти жену-мусульманку. Гумеров же обратился к Шайдуллину с просьбой познакомить его с состоятельными мусульманами. Ильмир Шайдуллин свел Гумерова с бывшим «криминальным авторитетом» г. Азнакаево Нафисом Калимуллиним, который, в свою очередь, привлекал к себе молодежь, и в том числе, Ильмира, тем, что занимался с ребятами спортом. Калимуллин же сохранил в своем распоряжении оружие, приобретенное в 90-е годы. Именно он привез в тренировочный лагерь в Башкортостане молодых людей, ранее побывавших в Таджикистане.

Аргументы защиты

Защита категорически отрицает версию, по которой эта группа лиц представляла собой «незаконное вооруженное формирование».

Улики, подтверждающие подготовку группой терактов, отсутствуют. Защита не признает существования «незаконного вооруженного формирования» как такового. Следствие доказало, что пятеро обвиняемых ездили в так называемый военный лагерь. Были предоставлены доказательства хранения оружия: зарегистрированное охотничье ружье (законная собственность Калимуллина), автоматы АК 47, некоторые из которых – старые пистолеты и пять гранат⁶². В ходе следствия на месте предполагаемых «военных тренировок» было найдено всего 9 патронов. Защита подчеркивает, что и самой прокуратуре было затруднительно представить какие-либо данные о количестве оружия в лагере – так, в обвинительном заключении указано, что обвиняемые «настолько хорошо запрятали оружие, что не смогли его обнаружить»⁶³. Обвинение, к тому же, признает, что оружие было приобретено Калимуллиним до его обращения в ислам.

Неубедительной считает защита и теорию о подготовке Раззаковым терактов, что, по версии следствия, якобы доказывает его записная книжка со схемами электрических устройств (так, схему обычного фонарика обвинение представило как коммутатор взрывного устройства), книга советов туристам «Как разжечь костер?» и т.п. Защита оспаривает обвинение в «подготовке теракта»: не было обнаружено никакого плана, никакой схемы распределения обязанностей между участниками, ими не было приобретено никаких средств для осуществления терактов. Что касается финансирования этих операций, то «в качестве общака фигурируют... 6 тысяч рублей (менее 200 евро), которые один из подсудимых — бизнесмен Салават Латыпов — передал Гумерову»⁶⁴. Нет никаких следов финансирования организации из-за границы.

Наблюдатели по этому делу не отрицают наличия ряда правонарушений и преступлений (убийства, незаконное хранение оружия и т.д.). Но чрезвычайно важен тот факт, что они вменены обвиняемым не сами по себе, а служат, только лишь, предлогом для

62. Пистолет Иж 9 м.м. ; Автомат Калашникова АК-74 , 1979 года выпуска; карабин «Тигр»; пистолет «ТТ», 1943 г.в.; пистолет «Вальтер»; пистолет «Люгер»; автомат Калашникова АК-74; три гранаты Ф-1; две гранаты РГД-5; патроны различного калибра к перечисленному оружию.

63. Ирина Бороган, « Джамаат в два хода », *Новая газета*, 7 февраля 2008 г.

64. Ирина Бороган, « Джамаат в два хода », *Новая газета*, 7 февраля 2008 г.

«разоблачения» масштабного заговора, якобы задуманного с целью подорвать основы российской государственности.

Несмотря на слабость доказательной базы обвинения, подсудимые были приговорены к длительным срокам лишения свободы в наказание за якобы планировавшиеся преступления. Группа, в которой, по версии обвинения, они состояли, не совершила ни одного террористического акта. Между тем, многие из них даже познакомились друг с другом только после ареста, во время расследования уголовного дела.

Нарушения прав человека в ходе следствия

Полученные миссией свидетельства говорят о многочисленных нарушениях прав человека - дурном обращении и пытках, - которые применялись, в основном, при задержании обвиняемых и во время расследования дела. Многие из них находились в изоляторе временного содержания (ИВС) г. Набережные Челны по два месяца, тогда как законом разрешено содержать там арестованных не более 10 дней. Следует отметить, что, по утверждениям как родственников и адвокатов арестованных, так и лиц, ранее содержавшихся в набережночелнинском ИВС, этот изолятор пользуется особенно плохой - «пыточной», - репутацией.

Ниже мы в основном рассмотрим нарушения, допущенные в отношении двух обвиняемых по этому делу.

Назар Мухамедов - повар на предприятии Латыпова (другого обвиняемого, которого следствие считало финансистом «Джамаата»). В ноябре 2004 г. Мухамедова арестовали в 11 часов утра в мечети, где он был со своим 3-летним сыном. Ранее Назар не имел судимостей и никогда не бывал в милиции. Кроме работы поваром на предприятии Латыпова, он готовил еду для религиозных церемоний и работал в книжном киоске в мечети. Специфика истории Назара в том, что он родом из Узбекистана: его родители – этнические татары – в сталинские времена были депортированы в Узбекистан. Назар переехал в Россию в 90-ые годы, женился на гражданке РФ и намеревался принять российское гражданство, в связи с чем, как требует закон, направил в посольство Узбекистана заявление об отказе от узбекского гражданства. Получить гражданство России он перед арестом не успел. Обвинение использовало его происхождение, чтобы усилить видимость «международного исламистского заговора». Кроме того, Назару угрожали экстрадицией, считая его гражданином Узбекистана.

Ильмир Шайдуллин - студент Академии государственной противопожарной службы МЧС России в Екатеринбурге, арестованный 4 февраля 2005 г. Его отец, Ильгиз Шайдуллин, дал свидетельские показания FIDH-KГС (см. ниже). Младший брат Ильмира, Рустем также был осужден как «участник «Джамаата», но в рамках отдельного дела – вместе с еще четырьмя молодыми людьми, которые были несовершеннолетними в инкриминируемый период⁶⁵.

Арест и обыск

Рассказ об аресте жены одного из обвиняемых, арестованного в декабре 2004 г.:

«С самого утра люди стали звонить в дверь, но я их не пустила. Они вернулись после обеда, я была дома одна с дочкой и открыла. Это была милиция из УВД; они меня спросили, где мой муж. Я ответила им, что он в мечети. Тогда они заявили, что они его арестовали и хотят обыскать дом, т.к. ищут оружие. Они привели соседей в качестве понятых, и те выразили беспокойство, что их соседка «террористка». Обыскав дом, милиционеры не нашли оружия, но взяли книги на арабском языке, которые вернули через полгода. Затем меня увезли в отделение. Там они оскорбляли меня, угрожали отправить дочку в детский дом и сказали, что допрашивают моего

65. Уголовная ответственность в России предусмотрена с 14 лет.

мужа. Потом они меня отпустили и сказали, что муж вернется на следующий день. Больше я его на свободе не видела».

Пытки и жестокое обращение во время предварительного заключения

Получить доказательства пыток крайне сложно, т.к. обычно их применяют на самом начальном этапе следствия - до того, как жертвы успеют пригласить адвоката по своему выбору. В качестве примера можно привести случай из другого дела рассматриваемой категории: в 2005 г., в начале новогодних праздников, один из обвиняемых⁶⁶ подвергался пыткам. В течение почти двух недель после этого он скрывал их следы, чтобы ему не пытались заживить раны: он хотел показать их своему адвокату, когда тот придет к нему в первый рабочий день после праздников. Адвокат разослал телеграммы во все органы прокуратуры – от республиканской до Генеральной, - и добился немедленного проведения судебно-медицинской экспертизы. Только таким образом ему удалось доказать факт применения пыток к подзащитному.

Назар Мухаммедов:

- 1 – Ему надевали полиэтиленовый мешок на голову и перекрывали доступ воздуха.
- 2 – В течение месяца его неоднократно пытали электрическим током, угрожая арестовать его жену и заставить ее рассказать, где спрятано оружие.
- 3 – Его подвешивали за руки в камере - так, что ноги не доставали до пола.
- 4 – В течение длительного времени его лишали пищи и воды.

Ильмир Шайдуллин:

- 1 – Во время авиаперелета из Екатеринбурга его везли с черным мешком на голове, приставив дуло пистолета к виску. От него требовали сознаться в участии в «Джамаате».
- 2 – По прибытии в Набережные Челны он был помещен камеру размером в 1 квадратный метр, где в течение 9 дней оставался без пищи, закованный в наручники и подвешенный над полом. Его отец Ильгиз узнал о пытках Ильмира, когда в качестве законного представителя младшего сына – несовершеннолетнего Рустема, арестованного 29 декабря 2004 г., - участвовал в судебном заседании по продлению срока содержания Рустема под стражей. Рустем рассказал отцу об условиях, в которых Ильмир содержался к тому моменту уже 5 дней. Тогда семья пригласила нового адвоката; отец обвиняемого попросил ее пойти к сыну и внимательно осмотреть его ноги. Защитница, глубоко потрясенная увиденным во время визита к подзащитному 14 февраля 2005 г., потребовала немедленно перевести Ильмира в госпиталь, что, однако, было сделано только через неделю. Отец подал жалобу о применении к сыну пыток («незаконные методы допроса»); местная прокуратура отказалась расследовать дело, но постановление об отказе было впоследствии отменено прокуратурой Татарстана, которая приказала провести расследование. Тем не менее, никакого ответа по результатам расследования за последующие три года получено не было, о чем упоминалось в суде при рассмотрении дела об «Исламском Джамаате».
- 3 – Когда Ильмира опять вызвали на допрос с участием трех оперативников, которые снова ему угрожали и избивали его, он разбил форточку и куском стекла попытался вскрыть себе вены. Ему вызвали «Скорую помощь», которая отвезла его в больницу, но уже через час после оказания первой помощи его снова вернули в изолятор.
- 4 – После того, как Ильмир снова направил жалобу в прокуратуру Татарстана, последняя отказалась возбуждать уголовное дело против оперативников, а вместо этого самому Ильмиру было предъявлено обвинение в том, что он выломал кусок

66. Свидетельство получено 15 февраля 2008 г. в Татарстане. Свидетель пожелал остаться неизвестным.

стекла с целью напасть на сотрудников милиции (преступление, предусмотренное статьей 317 Уголовного кодекса РФ).

5 – Страдающий от болезней почек и желудка, Ильмир провел 50 дней во изоляторе временного содержания, что намного превышает предусмотренный законом 10-дневный срок. Только после этого его перевели в СИЗО (следственный изолятор) в г. Бугульме.

Фальсификация расследования: фабрикация улик

В уголовном деле имеется ряд свидетельских показаний против Назара Мухамедова, которые, возможно, были получены от тех, кого «выкупили» родственники (добились за взятки перевода их из подозреваемых в свидетелей), или от некоторых из обвиняемых в обмен на обещание освободить их. Не исключено, что другие арестованные работники предприятия, где работал Назар, свидетельствовали против него и «купили» таким образом свою свободу. Близкие Назара утверждают, что лично знают, как минимум, трех таких «свидетелей», и по крайней мере, один из них был во освобожден время следствия.

Проблема доступа к защите

По крайней мере, одно из собранных свидетельств позволяет с уверенностью говорить о коррумпированности адвокатов, назначенных следствием: так, одна из них, будучи обязанной участвовать в деле безвозмездно для своего подзащитного⁶⁷, заявила члену его семьи⁶⁸: «Твой родственник стоит 70 тысяч рублей, ты можешь его выкупить». По словам нашего собеседника, некоторые из 50 человек, арестованных в декабре 2004 г., заплатили за то, чтобы выйти на свободу, при этом, им было приказано молчать обо всем, что стало им известно за время пребывания под стражей. Многие из них покинули регион. Свидетель также заявил миссии FIDH-KГC, что назначенные адвокаты предлагают семьям арестованных сделку, по которой намеревались работать в интересах клиента, только если его родственники им заплатят. И если в ряде случаев такие адвокаты действительно начинали исполнять свой долг в интересах своих подзащитных, то иногда они даже после этого продолжали работать на обвинение.

Суд и вердикт: давление на присяжных и попытки влиять на приговор

Дело об «Исламском Джамаате» рассматривалось судом с участием присяжных заседателей под председательством судьи И.З.Салихова.

Во время слушаний было допущено множество процессуальных нарушений. Самые явные из них касались манипулирования присяжными и нарушения прав защиты в ходе процесса.

Суд

Проходивший с февраля 2007 г. по февраль 2008 г., суд над «Исламским Джамаатом» начался неудачно для обвинения. Было вызвано около 300 свидетелей, из которых явилась в судебное заседание и была допрошена только половина. Многие из них свидетельствовали в пользу защиты, хотя считались свидетелями обвинения. Это объясняется тем, что следователи регулярно искажают протоколы допросов свидетелей в пользу версии обвинения, и поэтому при допросах в суде случаются сюрпризы. Сторона обвинения вызвала в суд в качестве свидетелей множество сотрудников милиции и ФСБ, и даже они дали показания, умаляющие значимость обвинения и заметно отличающиеся от тех, что были зафиксированы в протоколах предварительного следствия.

67. Работа адвокатов, назначенных для оказания безвозмездной правовой помощи подозреваемым и обвиняемым, оплачивается из бюджета по тарифам, утвержденным соответствующими государственными органами.

68. Свидетельство получено 15 февраля 2008 г. в Татарстане. Свидетель пожелал остаться неизвестным.

В свою очередь, обвинение пыталось повлиять на присяжных, предъявляя вещественные доказательства (оружие), но наталкиваясь на затруднительные вопросы защиты. Также имело место манипулированием материалами предварительного следствия в отношении братьев Ильмира и Рустема Шайдуллиных: государственный обвинитель приводил данные, относившиеся не к Ильмиру, а к ранее осужденному Рустему, но называл только его фамилию, тем самым, вводя присяжных в заблуждение.

Вердикт присяжных заседателей

Хронология завершающей части судебного процесса позволяет с очевидностью выявить технику фальсификации.

Сразу же подчеркнем: при формировании коллегии присяжных, кроме 12 основных членов жюри, был составлен также «корпус» из 11 запасных. В течение 9 месяцев судебных слушаний в составе коллегии произошла только одна замена. В целом, присяжные в процессе были активны - задавали много вопросов, в особенности, старшина.

По утверждениям многих свидетелей, в заключительный период процесса имели место попытки повлиять на решение жюри. В частности, прямо перед началом обсуждения присяжными будущего вердикта, в эфире телеканала НТВ прошла передача, в которой упоминалось, что «Джаамат» готовил не только теракты в Татарстане, но еще и теракт против Путина. Также по местному каналу телевидения показали интервью с прокурором.

20-21 ноября 2007 г. судья зачитал список из 307 вопросов, на которые присяжные должны были ответить в письменной форме. Ответы в опросном листе должны записываться старшиной, который заверяет их своей подписью. Для обсуждения вердикта был предусмотрен месячный срок, заседания проходили ежедневно с 9.00 до 18.00.

В течение этого месяца в составе жюри произошли ключевые изменения: сначала – 5 декабря, - были заменены четверо присяжных во главе со старшиной, и позднее уже новая старшина опять была заменена. По словам судьи, первая старшина покинула Татарстан, другие же члены жюри отказались от дальнейшего участия из-за проблем со здоровьем. Таким образом, в заполнении опросного листа должны были участвовать три старшины, а значит, он должен был быть заполнен тремя разными почерками и содержать 3 подписи.

24 декабря коллегия присяжных вынесла вердикт о виновности подсудимых, который был оглашен 28-29 декабря.

Получив копии опросного листа, адвокаты обнаружили, что он заполнен одним почерком и в нем присутствует одна подпись, что вызвало серьезные сомнения в законности вердикта. Также многочисленные вопросы возникли и относительно работы жюри в процессе его вынесения, т.к. вопросы в опросном листе были составлены таким образом, что, сами по себе, подразумевали обвинительный вердикт. Возражения адвокатов по поводу этих формулировок судья не принял во внимание.

Приговор

Даже учитывая относительную мягкость наказаний, назначенных некоторым из подсудимых (в ряде случаев они оказались меньше минимума, предусмотренного соответствующими статьями Уголовного кодекса), нужно подчеркнуть, что все были приговорены к реальному лишению свободы. Одновременно с этим, приговоры другим подсудимым явно оказались чересчур строгими - несмотря на то, что в суде не было доказано существование заговора, а часть эпизодов и часть инкриминированных обвиняемым статей УК была исключена из состава преступлений.

Отметим, что аналогичное ранее имело место и при вынесении приговоров пятерым молодым людям, дело в отношении которых было выделено в отдельное производство и рассматривалось отдельно. Брат Ильмира Шайдуллина, Рустем и двое других обвиняемых, которые были несовершеннолетними в инкриминируемый период, осуждены на 6 лет лишения свободы, еще два молодых человека, которых судили вместе с ними, получили по 5 лет.

Некоторые данные из приговора

Раззаков Хафиз Хамзаевич, признанный виновным в убийстве 9 человек (он сознался только в одном из них), прошедший боевую подготовку в лагере «Кавказ» в Чечне, был приговорен к пожизненному заключению в тюрьме строгого режима для особо опасных преступников.

Гумеров Ильгам Шарикович, предполагаемый «амир» «Джамаата» (в июне 1999 г. побывал в лагере «Кавказ» в Чечне, был принят боевиками за агента ФСБ и взят ими в плен, откуда потом бежал и вернулся в Набережные Челны; планировал уехать в Афганистан), приговорен к 12 годам в колонии строгого режима.

Шарафуллин Ильшат Маратович (вместе с Гумеровым был взят в плен боевиками в Чечне в 1999 г., потом вернулся в Набережные Челны), который в ходе судебного процесса содержался отдельно от остальных подсудимых и выглядел, как сотрудничавший с обвинением, приговорен к 3 годам 6 месяцам лишения свободы. Освободился в мае 2008 г. по отбытии срока наказания.

Калимуллин Нафиз Музагитович, имевший в г. Азнакаево репутацию бывшего «криминального авторитета» 90-х годов (оставшееся у него с тех времен оружие следствие расценило как арсенал «Джамаата»), приговорен к 10 годам колонии строгого режима.

Шайдуллин Ильмир Ильгизович (студент Академии МЧС в Екатеринбурге, арестованный в учебном классе), который познакомил Гумерова с Калимуллиным, приговорен к 8 годам колонии строгого режима.

Тамимдаров Шамиль Гамбарович (при произнесении им последнего слова в суде присутствовала миссия FIDH-KGC – перед этим он в течение 30 дней держал голодовку, протестуя против обвинительного вердикта присяжных), который, по версии следствия, занимался оборотом средств между Казахстаном, где он проживал, Чечней и Татарстаном, приговорен к 7 годам колонии строгого режима.

Латыпов Салават Мирзагитович, который передал 6000 рублей Гумерову (это стоило ему обвинения в легализации средств, полученных преступным путем (ст. 174-1 ч.2 УК РФ) и намеревался переехать вместе с ним в Афганистан, приговорен к 6 годам колонии строгого режима. В феврале 2009 г. освобожден условно-досрочно.

Мухаммедов Назар Мидхатович, повар на предприятии Латыпова. Приговорен к 5 годам 6 месяцам строгого режима.

Весной 2008 г., кроме Шарафуллина, были освобождены еще 4 человека, приговоренные к срокам от 3 лет и 3 месяцев до 3 лет и 6 месяцев лишения свободы.

Назар Мухаммедов не обжаловал приговор в надежде получить условно досрочное освобождение, однако ему это не удалось.

30 декабря 2008 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отклонила кассационные жалобы остальных осужденных, и приговор вступил в законную силу.

III.2 Гонения на предполагаемых участников движения «Хизб ут-Тахрир»: импорт теории межнационального врага как катализатор международного сотрудничества

Объектами абсолютного большинства антитеррористических и существенной доли антиэкстремистских операций в России являются лица, исповедующие ислам. Власти осуществляют уголовное преследование реальных и гипотетических участников фундаменталистских исламских организаций, в особенности, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (что в переводе означает «Партия исламского освобождения»). «Хизб ут-Тахрир» является международной панисламской суннитской политической партией, которая ставит своей целью объединение всех мусульманских стран в единое исламское государство (халифат), где правил бы исламский закон и во главе которого стоял бы избранный глава государства – халиф. В России эта организация внесена в список террористических и официально запрещена – власти относят к ее целям насильственное свержение нынешнего государ-

ственного строя. Однако насильственный характер деятельности «Хизб ут-Тахрир» не только не подтвержден - он ставится под вопрос как многими светскими экспертами, так и религиозными деятелями. Интернет-сайт Agentura.ru считает, что преследование исламистских группировок, и в том числе, «Хизб ут-Тахрир», часто объясняется их тесными связями с базирующимися в Узбекистане организациями, которые режим И.Каримова расценивает как угрозу своему существованию.

Любопытно, что и сотрудники российских правоохранительных органов и спецслужб, и судьи редко способны различать такие исламские течения, как ваххабизм и приверженность идеям «Хизб ут-Тахрир», и используют их как синонимы, тогда как многие специалисты, с которыми мы беседовали, считают их трудно совместимыми.

Формально членство в «Хизб ут-Тахрир», как таковое, не запрещено - наказуемыми являются только организация ее деятельности и/или участие в ней. На практике же против лиц, подозреваемых в членстве этой организации, возбуждаются уголовные дела, в рамках которых часто фабрикуются «доказательства» деятельности.

Нарушения, допущенные при расследовании и судебном рассмотрении одного из таких дел – в отношении Эдуарда Хусаинова, - были проанализированы известным российским адвокатом Юрием Костановым. Он также отметил, что пропагандистская деятельность, не сопровождающаяся призывами к насилию (а таких призывов Верховный Суд также не усмотрел в своем решении о запрете «Хизб ут-Тахрир»), при отсутствии других, предусмотренных законом обстоятельств, не может служить основанием для признания организации террористической.

Эдуард Хусаинов, молодой нефтяник из Тюменской области, в январе 2004 г. направил в Верховный Суд обращение с просьбой предоставить ему текст решения Верховного Суда РФ о запрете «Хизб ут-Тахрир» для последующего его обжалования в соответствии с законом, но ответа не получил. В 2004 г. Комитет «Гражданское содействие» также запросил текст судебного решения, но получил его только через год, – после повторного запроса, за две недели до встречи своего руководителя Светланы Ганнушкиной с президентом РФ. Повторный же запрос самого Хусаинова летом 2004 г. привел к тому, что против него было возбуждено уголовное дело. Этот достаточно выразительный случай - только один из целого других, иллюстрирующих карательный и дискриминационный характер действий властей РФ против предполагаемых участников «Хизб ут-Тахрир».

Не менее характерно и первое в России уголовное дело этой категории – против Юсупа Касымаханова и его жены. Юсуп Касымаханов - проживавший в России гражданин Узбекистана, объявленный в розыск узбекскими службами безопасности. В феврале 2004 г. он был арестован российскими спецслужбами, которые при допросах склоняли его к сотрудничеству, запугивая возможной экстрадицией в Узбекистан его самого и незаконной высылкой туда же его жены – гражданки России, и их новорожденной дочери. Одним из основных доказательств в уголовном деле были показания журналистки, сыгравшей роль провокатора. После ареста жены Касымаханова летом 2004 г. их 8-месячная дочь была помещена в детский дом; только по достижении девочкой 3-летнего возраста бабушке было разрешено забрать ее на воспитание. В суде Касымаханов подтвердил свое членство в «Хизб ут-Тахрир», но категорически отрицал причастность к терроризму – и свою собственную, и организации в целом. Судья заявил, что все понимает, но не может ничего сделать, т.к. должен руководствоваться решением Верховного Суда, которым эта партия признана террористической. В итоге, Касымаханов был осужден на 8 лет лишения свободы, а его жена, категорически отрицавшая свое участие в «Хизб ут-Тахрир» - на 4,5 года (она отбыла срок наказания полностью).

Затем начались аналогичные уголовные дела. Кампания активизировалась после теракта со взятием заложников в школе г. Беслан в сентябре 2004 г. и объяснялась необходимостью борьбы с международным терроризмом, хотя явно служила политическим целям. Обвиняемым инкриминировались (в разных сочетаниях) организация в деятельности «Хизб ут-Тахрир», участие в ней, вербовка новых членов и создание преступного сообщества. Согласно полученной информации, подозреваемым часто подкладывались оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества. В зависимости от предъявленного набора

обвинений и региона, в котором рассматривалось дело, наказания, назначаемые судами, варьировались от штрафа (всего 4 случая в 2005 г. - на самом начальном этапе кампании) или условного наказания с испытательным сроком до 8,5 лет лишения свободы. Позже – в 2006 г. – по одному из уголовных дел арестованным было предъявлено обвинение в подготовке насильственного захвата власти, за что Уголовным кодексом предусмотрено наказание от 12 до 20 лет лишения свободы.

Особое беспокойство вызывают факты преследований лиц, выступавших в защиту обвиняемых в принадлежности к «Хизб ут-Тахрир» и другим организациям, признанным террористическими. Необходимо отметить также, что все такие организации являются мусульманскими.

Неоднократно свидетели, вызванные в судебные заседания стороной обвинения, признавали, что их показания на предварительном следствии были ложными и давались ими под давлением. В ряде случаев такие признания имели для свидетелей негативные последствия – в частности, в 2006 г. в Тобольске (Тюменская область) возбудили уголовные дела против трех человек, воспользовавшихся своим правом заявить в суде о давлении, которое оказывалось на них следственными органами во время расследования уголовного дела. Все троих осудили за дачу ложных показаний в суде – именно так были расценены их признания. Один из них был приговорен к штрафу, а двое других – к обязательным работам.

Выходцев из государств Центральной Азии неоднократно под угрозой депортации принуждали к даче показаний, подтверждающих версию обвинения. Подобная форма давления использовалась, в частности, в 2005 г. во время судебного разбирательства по одному из дел в г. Казани (Республика Татарстан). Сотрудники УБОП (Управление по борьбе с организованной преступностью) удерживали у себя паспорт свидетеля до тех пор, пока не истек срок его легального пребывания в России, тем самым, лишив его возможности продлить этот срок; таким образом, были искусственно созданы условия для вынесения судебного решения о его административном выдворении. Информация о нем была направлена в Узбекистан, и его задержали сразу же по прибытии в Ташкент. В течение 10 дней после этого не удавалось получить никаких сведений о нем. Многочисленные акции российских и международных правозащитных организаций в защиту этого человека позволили добиться его освобождения, однако при этом у него была взята подписка о невыезде. С тех пор – уже более 3 лет, - он не может вернуться в Россию, где живет вся его семья, получившая российское гражданство.

Аналогичным образом, и тоже в Казани, угрожали депортацией гражданину Таджикистана за его отказ дать ложные показания. В отличие от предыдущего случая, в этот раз дело закончилось не депортацией свидетеля, а предъявлением ему обвинений по тому же уголовному делу, по которому он отказался лжесвидетельствовать.

Такие методы используются против лиц, опасющихся возвращаться в страны исхода из-за религиозных преследований, и в первую очередь – против граждан Узбекистана. Практика незаконной высылки лиц, подозреваемых или обвиняемых в запрещенной исламской деятельности, описана в докладе Комитета «Гражданское содействие»⁶⁹. Из 14 человек, которые были, по данным авторов⁷⁰, незаконно экстрадированы или депортированы из России с июля 2003 г. по август 2008 г., семеро подозревались в причастности к «Хизб ут-Тахрир». Это Фарход Зулунов, Шерзод Ниезов, Марсель Исаев и Рустам Муминов, высланные в Узбекистан; Акрамжон Маматкаримов и Умид Абдуллаев, высланные в Киргизию. Все они преследовались за их религиозные убеждения.

По имеющимся сведениям, обвиняемые по рассматриваемой категории дел неоднократно становились жертвами жестокого обращения: их принуждали пить алкоголь, употреблять в пищу запрещенные исламскими нормами продукты, оскорбляли их религиозные чувства

69. <http://www.publicverdict.org/eng/articles/library/1050908.html>

70. КГС полагает, что реальное число лиц, незаконно высланных из России по рассматриваемым причинам, существенно – возможно, на порядки, - выше, однако приводят только те случаи, по которым КГС располагает достоверной информацией.

и пытали, добиваясь признательных показаний. Запугивание, а в ряде случаев, и пытки, применялись даже к свидетелям.

Использование многих из этих методов «расследования» подтверждается в информационной справке Комитета «Гражданское содействие»⁷¹, где говорится о «кампании фабрикаций уголовных дел об «исламском экстремизме», которая, начиная с 2004 г., активно проводится в ряде регионов РФ⁷²: в Центральной России, Поволжье, на Южном Урале и в Западной Сибири». КГС приводит многочисленные свидетельства применения к подследственным, осужденным и даже свидетелям по рассматриваемым уголовным делам пыток и других, запрещенных Конвенцией ООН, методов жестокого обращения.

Пытки поощряются «сверху», поэтому правоохранительные органы могут делать с заключенными все, что угодно. Применялись избиения, удушение с помощью противогаза, который надевали человеку и перекрывали доступ воздуха или подносили к шлангу противогаза зажженную сигарету (иногда для удушения использовался просто пластиковый пакет), угроза сексуального насилия над допрашиваемым или его женой. Широко распространены «растяжка» или «шпагат»: «человека ставят лицом к стене, к которой он должен прислонить вытянутые вверх руки, вынуждают широко расставить ноги и бьют по ним, раздвигая их до тех пор, пока он не начнет испытывать боль. В таком положении его заставляют стоять длительное время, предупреждая при этом, что если его колени коснутся пола, его будут бить снова». В Татарстане часто используется «клетка» размером примерно 1х1м², в которую помещают задержанного на несколько дней, иногда пристегивая его к ней наручниками и подолгу отказывая ему в возможности отправления естественных нужд; в результате у него отекают конечности, нарушается кровообращение и т.д.

В июле 2008 г. впервые арестованным по подозрениям в принадлежности к запрещенной организации «Хизб ут-Тахрир» было предъявлено обвинение в подготовке террористического акта в городе Челябинск (Южный Урал). Вооруженные сотрудники службы безопасности через окно ворвались в квартиру на 5-м этаже многоэтажного дома, где находилось несколько человек, один из которых ранее был осужден условно за членство в «Хизб ут-Тахрир». Согласно информации, переданной в КГС, в ходе обыска в одну из комнат была подброшена завернутая в газету граната. Всех, кто находился в квартире, доставили на допрос в прокуратуру. При обыске на квартире одного из них – этнического чеченца, проживающего в Челябинске, – изъяли еще несколько гранат, которые, по полученным КГС сведениям, тоже были подброшены. На следующий день арестовали еще одного жителя Челябинска, также ранее осужденного условно по обвинениям в причастности к «Хизб ут-Тахрир» – как утверждается, ему при обыске была подброшена брошюра с инструкцией по изготовлению взрывчатых веществ. Троем из задержанных – двум ранее осужденным и этническому чеченцу, – предъявили обвинение в подготовке теракта; через несколько месяцев арестовали по тому же обвинению еще двух человек, которых до этого допрашивали как свидетелей.

Ниже описаны несколько дел, с которыми миссия ознакомилась во время ее пребывания в Казани и в Набережных Челнах, где она встречалась с близкими обвиняемых и адвокатами.

III.2.1 Дело Алишера Усманова, Казань (Республика Татарстан), 2004–2005 гг.

30 сентября 2004 г. в Казани был задержан преподаватель высшего медресе им. 1000-летия принятия ислама Алишер Усманов – выходец из Узбекистана, проживавший в России с 1995 г. и принявший в 1999 г. гражданство РФ. В том же 1999 г. узбекские правоохранительные органы обвинили его в посягательстве на конституционный строй Республики Узбекистан и объявили в розыск.

71. Пытки подследственных и осужденных в рамках кампании фабрикаций уголовных дел об «исламском экстремизме». Август 2008 г. <http://hro1.org/node/2971>

72. В настоящей справке не затрагивается Северный Кавказ, где ситуация имеет свою ярко выраженную специфику.

При обыске в помещении медресе и в деревенском доме, в котором Усманов не проживал более года (он передал дом в распоряжение медресе для устройства пасеки), были изъяты литература запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир» и ноутбук с файлами об этой организации. Кроме того, в ящиках с пчелиными сотами нашли гранату, взрыватель и тротилловую шашку.

На следующий день Кировским РОВД г. Казани в отношении Усмано́ва было возбуждено уголовное дело по ст. 222 ч.1 УК РФ, а 3 октября 2004 г. старший следователь УФСБ России по Республике Татарстан К.М.Трофименко возбудил в отношении Алишера Усмано́ва и жителя Казани Азата Хасанова дело по ст. 205-1 УК РФ о склонении ими жителей Татарстана к участию в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир». Оба дела были объединены и расследовались следственным отделом УФСБ. (В феврале 2005 г. дело в отношении Азата Хасанова и двух других подозреваемых – Азата Гатауллина и Рафиса Сабитова, - выделили в отдельное производство).

Позднее Усманову была также инкриминирована организация деятельности ячейки партии «Хизб ут-Тахрир» в Татарстане, хотя он открыто заявлял, что вышел из этой организации еще в 2000 г., т.е, задолго до ее запрета в России.

По свидетельству родных Алишера, литература и боеприпасы были подброшены в его дом сотрудниками правоохранительных органов⁷³. Ни на одном из этих предметов не оказалось отпечатков пальцев Усмано́ва.

Что касается содержимого компьютера, то, комментируя материалы уголовного дела, адвокат Усмано́ва упоминает показания коллеги своего подзащитного по работе в медресе о том, что файлы, касающиеся «Хизб ут-Тахрир», он записал на жесткий диск задолго до передачи ноутбука Усманову, а потом по просьбе Алишера сам же и удалил их.

В октябре 2004 г. сотрудники ФСБ забрали из дома и привезли в Казань троих жителей Чувашии, которые были знакомы с Усмановым – Михаила Андреева и братьев Салимзяновых. Ильдар Салимзянов сообщил, что пытать его начали еще в дороге, требуя дать показания о членстве Усмано́ва в «Хизб ут-Тахрир». Попытки продолжились по прибытии в Казань, в здании ФСБ, где он слышал, как в соседнем помещении кричал от боли его брат Рустем (позднее выяснилось, что Рустему сломали 2 ребра). Аналогичным образом добивались показаний против Усмано́ва и от Михаила Андреева. Продержав всех троих под стражей в течение 3 дней, 2 из которых они находились в ИВС, их отпустили.

Доказательная база обвинения строилась, в основном, на присланных из Узбекистана документах. В них Усманову инкриминировались абсурдные обвинения, относящиеся к 1991-1999 гг., и нарушалась хронология описываемых событий. Там, например, было указано, что в 1995 г. Усманов прибыл в Россию, скрываясь от уголовного преследования на родине, возбужденного против него четырьмя годами позднее – в 1999 г. Кроме того, узбекские документы не соответствовали требованиям законодательства РФ к доказательствам, полученным за границей, для пригодности их к рассмотрению в российском судопроизводстве. Тем не менее, следователь УФСБ по Татарстану включил их в список материалов, подтверждающих виновность Усмано́ва.

Правоохранительные органы приняли также меры к устранению препятствий в передаче Усмано́ва узбекским спецслужбам, что было невозможным при его российском гражданстве. В частности, на основании заявления паспортно-визового управления МВД Татарстана Вахитовский районный суд г. Казани 31 декабря 2004 г. установил «факт» предоставления Усмановым подложного документа и заведомо ложных сведений о себе при принятии гражданства РФ. 25 апреля 2005 г. Верховный суд отклонил жалобы Усмано́ва и его адвоката на это решение, и оно вступило в законную силу, а уже 27 апреля ПВУ (паспортно-визовое управление) МВД Республики Татарстан аннулировало российское гражданство Усмано́ва, отложив, однако, на месяц отправку ему соответствующего уведомления: оно датировано 27 мая 2005 г.

Как следует из надзорной жалобы адвоката, во всей этой процедуре были проигнорированы явные признаки фальсификации документов, на основании которых суды принимали

73. Из интервью, записанного Е.Рябининой в мае 2006 г. в Казани.

указанные выше решения. Был также бездоказательно констатирован «факт» принадлежности Усманова к гражданству Узбекистана, которого он никогда не принимал и не имел. Тем не менее, Верховный Суд Республики Татарстан оставил без удовлетворения и надзорную жалобу.

Уголовное дело по обвинению Усманова по статьям 222 ч.1, 282-2 ч.1 и 205-1 ч.1 УК РФ рассматривалось Ново-Савиновским районным судом г. Казани. Приговором от 1 июня 2005 г. он был оправдан по статьям 282-2 ч.1 и 205-1 ч.1 УК РФ в связи с непричастностью к предусмотренным ими преступлениям (организация деятельности ячейки «Хизб ут-Тахрир» и вовлечение в нее других лиц) и осужден по ст. 222 ч.1 (незаконное хранение боеприпасов) на 9 месяцев лишения свободы в колонии–поселении. 27 июня 2005 г. Верховный суд Республики Татарстан оставил приговор без изменений, а кассационную жалобу адвоката – без удовлетворения.

Утром 29 июня 2005 г., когда жена Усманова приехала к СИЗО, чтобы встретить мужа при его освобождении по окончании срока наказания, сотрудники следственного изолятора сообщили ей, что он был освобожден в 5 часов утра и уехал вместе со встречавшими его лицами⁷⁴.

В этот день авиакомпания «Татарстан» выполняла очередной регулярный рейс по маршруту Казань–Ташкент с вылетом из казанского аэропорта в 11-00.

В октябре 2005 г. СМИ сообщили со ссылкой на пресс-службу СНБ Узбекистана, что Алишер Усманов был «этапирован из Казани в Узбекистан согласно совместному с ФСБ России плану по борьбе с международным терроризмом»⁷⁵. Достоверно известно, что Генпрокуратура РФ, к чьей компетенции относятся вопросы экстрадиции, решения о его выдаче не принимала.

Известно также, что 24 июня 2005 г. на открытии мечети «Кул-Шариф» в Казани присутствовала делегация высоких гостей из Узбекистана⁷⁶.

В ноябре 2005 г. Алишер Усманов был осужден в г. Намангане (Узбекистан) на 8 лет лишения свободы.

Миссия встретила с родственником Алишера, давшим пояснения по этому делу.

«У Усманова было российское гражданство. Этого гражданства его лишили на 9-ом месяце его заключения, непосредственно перед его высылкой в Узбекистан. Когда он приехал в Россию, у него был советский паспорт. Официально экстрадиции быть не могло – ведь он был гражданином России. Когда его лишили российского гражданства, никому об этом не сообщили».

«Мы долго не могли понять, как его вывозили – в самолете, которым он должен был лететь, не было пассажира с такой фамилией. Скорее всего, его перевозили по фальшивым документам».

«Мы узнали о судьбе Алишера в октябре 2005 г., когда его отец передал нам сведения о нем. Я думаю, что Алишер был одной из первых жертв активизации антитеррористического сотрудничества между Россией и Узбекистаном после андижанских событий».

«После его осуждения в Узбекистане, он сначала в течение 18 месяцев содержался в колонии рядом с г. Карши, потом его перевели в другую, возле Ташкента. Он имеет право на посылки, письма и два посещения близких в год. Никакого досрочного освобождения не предусмотрено. Единственная надежда – это помилование президента, но для этого нужно признать свою вину».

74. Пресс-релиз ПЦ «Мемориал» от 01.07.2005 г.

75. <http://www.rian.ru/politics/20051024/41873300.html>

76. <http://www.tatar.ru/?full=17786>

III.2.2 Дело о «Хизб ут-Тахрир», Казань (Татарстан), 2006-2009 гг.

5 декабря 2006 г. следственный отдел управления ФСБ РФ по Республике Татарстан возбудил уголовное дело по статьям 205-1 ч.1 и 282-2 ч.1 и ч.2 УК РФ в отношении 9 человек. Подозреваемыми в участии в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир» являлись: Алмаз Хасанов, Фархат Файзулин, Тагир Нурмухаметов, Диас Рафиков, Шавкат Ахмедов, Азат Сабиров, Рафаэль Сабитов, Рустам Гимранов и Радик Зарипов⁷⁷.

7 декабря 2006 г.⁷⁸ были проведены обыски в квартирах подозреваемых, а также в ряде других жилых помещений (в общей сложности, более чем по 20 адресам), в том числе, у гражданина Таджикистана Умеджона Джураева. Впоследствии он сообщил, что был задержан и избит сотрудниками УБОП, которые заявили, что «удушат его законным путем, если он им не поможет». После допроса Умеджона отпустили, удержав, однако, его паспорт.

В ходе обысков изымалась исламская литература, в т.ч., относящаяся к «Хизб ут-Тахрир», компьютеры, CD и DVD-диски, личные записные книжки и т.д. Около 15 человек были задержаны, 9 из них оставили под стражей. Через несколько дней, по словам их родственников, следователь ФСБ объявил, что задержаны очень опасные террористы, слежка за которыми велась более года.

26 декабря 2006 г. всем девятерым было предъявлено обвинение по указанным выше статьям, а также в приготовлении к действиям, направленным на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации (ч.1 ст.30, ст.278 УК РФ).

Мотивировка применения этой статьи в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых строилась исключительно на том, что идеология организации «Хизб ут-Тахрир» считает порочными любые формы государственного устройства, кроме халифата. Следственный отдел УФСБ РФ по РТ счел, что из этого прямо вытекает подготовка государственного переворота⁷⁹. Каких-либо иных аргументов, подтверждающих, что деятельность подследственных была направлена на насильственное изменение конституционного строя РФ, в указанных документах не приведено.

В начале 2007 г. трое обвиняемых – Сабиров, Гимранов и Нурмухаметов, – были освобождены под подписку о невыезде.

16 мая 2007 г. уголовное дело по тем же статьям УК РФ было возбуждено против Марселя Гималиева – руководителя регионального правозащитного центра «Нова», который занимался защитой прав мусульман⁸⁰. 22 мая у него был проведен обыск, а 29 мая его вызвали на допрос в качестве подозреваемого в управление ФСБ по Республике Татарстан, где и задержали. 30 мая суда избрал Гималиеву меру пресечения в виде заклю-

77. Четверо из девяти – Хасанов, Ахмедов, Рафиков и Зарипов, - ранее, в марте 2005 г., задерживались за участие в пикете в защиту репрессированных мусульман (см. ниже); Алмаз Хасанов и Шавкат Ахмедов в мае 2005 г. были среди лиц, задержанных в мечети и осужденных на 7 суток административного ареста; кроме того, Алмаз Хасанов в сентябре 2005 г. был приговорен к 1 году лишения свободы условно по обвинению в участии в деятельности «Хизб ут-Тахрир».

78. В этот же день аналогичные обыски прошли по ряду адресов в Чувашской Республике, 8 декабря – в г. Магнитогорске (Челябинская обл.), а 11 декабря – в г. Туймазы (Башкортостан)

79. Выдержка из постановления о привлечении в качестве обвиняемого: *NNN, «являясь членом международной террористической организации «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), в период с января 2005 г. по декабрь 2006 г., действуя совместно и согласованно с <...>, с целью приискания новых лиц и вступления с ними в сговор для участия в нелегальной незаконной деятельности, основанной на идеологии неперемогания устранения правительств и изменения устройства в государствах, не соответствующих требованиям, предписанным партийными документами данной незаконной организации, принципиального отрицания иных форм правления, необходимости захвата власти в таких государствах и установления на их территории теократического государства в форме «Всемирного Исламского Халифата», умышленно создавал условия для распространения, развития и функционирования структуры данной незаконной организации в Республике Татарстан, организовал и проводил последовательную конспиративную деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации».*

80. Марсель Гималиев неоднократно обращался в государственные органы Республики Татарстан с запросами относительно нарушений закона в отношении лиц, обвиняемых или осужденных по обвинениям в участии в «Хизб ут-Тахрир». Кроме того, он участвовал в качестве общественного защитника в предыдущем процессе по делу Алмаза Хасанова. Он также предоставлял правозащитному сообществу информацию о фактах произвола правоохранительных органов в отношении задержанных или арестованных мусульман.

чения под стражу, позднее ему предъявили обвинение. В августе 2007 г. стационарная судебно-психиатрическая экспертиза установила, что Марсель Гималиев вследствие обнаруженных у него заболеваний не мог сознавать фактический характер своих действий в отношении инкриминируемых ему деяний.

22 мая взяли под стражу Ильнара Зялилова, который в течение 5,5 месяцев проходил как свидетель по уголовному делу. Позднее ему были предъявлены те же обвинения, что и остальным. 25 мая 2007 г. – через 6 дней после собственной свадьбы, – на улице возле мечети был задержан Умеджон Джураев, который не смог вовремя оформить регистрацию по месту пребывания из-за того, что в декабре сотрудники УБОП удержали у себя его паспорт. Умеджона снова доставили в УБОП, где допрашивали с применением пыток.

Миссия смогла встретиться с женой У. Джураева, 21-летней Муккадам, которая рассказала нам об аресте мужа и о методах расследования уголовного дела, типичных для дел такого рода – в частности, об оказании давления на выходцев из Центральной Азии, которым угрожают депортацией⁸¹.

Муккадам – гражданка России родом из Таджикистана, – практикующая мусульманка; она работает в магазине, который торгует товарами для ее единоверцев. Ее познакомили с Умеджоном, который искал исповедующую ислам девушку, и после 6 месяцев знакомства они решили пожениться.

За несколько дней до ареста Умеджона к родителям его жены пришли сотрудники УБОП, которые заявили, что их зять – террорист, что он участвовал в теракте, и в доказательство показали смонтированные фотографии. Отец девушки, бывший милиционер, работавший в Таджикистане в угрозыске, поверил им, хотя до свадьбы родители Муккадам осведомились на родине о семье Умеджона и получили позитивные отзывы.

25 мая, когда молодожены находились в кафе после молитвы, они встретили мать Муккадам. Перепуганная женщина, увидев дочь рядом с зятем, о котором ей сообщили, что он террорист, позвонила в УБОП:

«Когда мы вышли из кафе, три субъекта заковали его в наручники, заявив «ну что, попался, теперь попляшешь»... Моя мать плакала, я была потрясена. Они потребовали у него документы, и он ответил, что его паспорт находится у них. Я спросила, где их ордер на арест и кто они такие. Они ответили, что они из ФСБ, но в действительности это были сотрудники УБОП (6-ого отдела). Они начали избивать его еще в машине, потом отвезли в отдел, где потребовали сотрудничать с ними, давая показания против других. Потом они ему сказали: «Мы тебя уьем, и нам это сойдет с рук. Мы имеем на это право». Когда он отказался лжесвидетельствовать против других, ему надели противогаз и перекрыли доступ кислорода, продолжая его избивать. Он подумал, что ему конец. Они били его по голове, по плечам, по всему телу. Когда я позвонила, они сказали мне: «Мы его выпустили, он скоро приедет». Они лгали. Я пригрозила позвонить в прокуратуру. Затем они заявили мне, что Умеджон находится в специальном центре для лиц, подлежащих депортации⁸². Он провел там неделю, я попросила у них его паспорт, чтобы купить билет на самолет в Таджикистан, но они не дали. В течение нескольких дней ему предъявили обвинения. Тогда он объявил голодовку, которую держал 10 дней, и письменно потребовал проведения медэкспертизы, чтобы зафиксировать нанесенные ему травмы. 8 июня его увезли на экспертизу. Когда он потребовал, чтобы ему выдали заключение медэкспертизы, сотрудники УБОП ответили, что убьют его, если он будет настаивать. Тогда он направил жалобу в прокуратуру и, все-таки, добился своего⁸³. В июне или июле 2007 г. его жалоба была рассмотрена

81. Интервью 13 февраля 2008 г., Казань.

82. Не добившись от него показаний против других лиц и согласия на сотрудничество с «органами», на следующий день его доставили в суд, который вынес постановление о его административном выдворении, и поместили в депортационный центр.

83. Миссия получила копии медэкспертиз и жалоб У. Джураева в прокуратуру, среди которых одна экспертиза, проведенная в июне 2007 г., действительно подтверждает следы ударов и ранений, нанесенных по разным частям тела в период от нескольких недель до нескольких дней до экспертизы.

судом, который отказал в ее удовлетворении, несмотря на все усилия адвоката. Сотрудники УБОП заявили, что в этот день они были в отпуске, и прокурор это подтвердил. До декабря 2007 г. я могла навещать мужа два раза в месяц, но потом они мне запретили с ним видеться, никак не объяснив причину запрета. С января 2008 г. я больше не получаю писем, мы теперь узнаем о нем от адвоката».

22 июня 2007 г. У.Джураеву предъявили обвинения по следующим статьям УК РФ: организация деятельности экстремистской организации и участие в ней (ст. 282-2 ч.1 и ч.2); содействие террористической деятельности (ст. 205-1 ч.1); приготовление к насильственному захвату власти (ст.30 ч.1, ст. 278). Позднее, в ноябре 2007 г., обвинение было дополнено статьей 150 ч.4 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений).

Миссия также встретила с родственником Диаса Рафикова.

Диас поступил в казанское медресе в сентябре 2004 г. В марте 2005 г. его друзья из медресе позвали его принять участие в пикете в защиту репрессированных мусульман, проходившем на площади Свободы в Казани. ФСБ вела видеосъемку пикета; в течение месяца после этого за Рафиковым велась слежка. В апреле 2005 г. администрация медресе написала ему письмо с просьбой «покинуть учебное заведение добровольно». Диас решил поступить в Исламский университет, однако, несмотря на успешно сданные им вступительные экзамены, его не зачислили из-за того, что он не прошел 2-летнего курса обучения в медресе. В итоге, в сентябре 2006 г. он поступил на факультет психологии педагогического института.

«7 декабря его неожиданно арестовали. Он был очень болен в это время и накануне пропустил занятия в институте. В 5.55 утра в дверь постучали; вошли 8 человек из УБОП, ФСБ, областной милиции. С ними были двое соседей в качестве понятых. Предъявили ордер на обыск и потребовали убрать собаку, пригрозив, что застрелят ее. Диас вывел собаку на балкон. Его комнату обыскивали в течение 6 часов. Милиция подбросила листовки «Хизб-ут Тахрир» и журнал. Они забрали все его записи и все письменные документы на арабском языке, оставшиеся после учебы в медресе.

Милиция хотела забрать также семейный Коран (фамильную ценность), но семья Рафиковых этого не позволила, и тогда было изъято новое издание Корана. Диаса увели, сказав, что отпустят через 48 часов.

8 декабря семья нашла адвоката, который рекомендовал добиваться освобождения на основании медицинской справки, т.к. Диас страдает целым комплексом серьезных хронических заболеваний.

«Адвокат отправил специальное письмо, в котором говорилось, что Диас не может находиться под стражей, но было слишком поздно - врачей уже запугали представители ФСБ, которые просмотрели историю его болезни и объявили Диаса ваххабитом. В последующие 3 месяца здоровье Диаса ухудшилось. Мы не могли его видеть, но он писал, что чувствует себя все хуже и хуже. Когда мы впервые увидели его в марте, а затем 13 апреля, он едва держался на ногах. Он сказал, что его ноги распухли из-за инфекции, занесенной клещами».

Родители приобрели дорогое французское лекарство, но в своем следующем письме их сын написал, что лекарство ему не передали. Тогда в мае Комитет «Гражданское содействие» направил по этому поводу обращения в Генеральную прокуратуру и в Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН), в чьем ведении находится СИЗО.

«Диас сказал, что потом к нему приходил главный генерал и дал ему лекарство, и что после этого его состояние немедленно улучшилось. Раньше его держали в общей камере, где было 70 человек, а после этого визита перевели в 12-местную камеру.

Дважды у него отбирали его вещи. Первый раз их вернули ему после визита генерала. Второй раз Коран и витамины были, скорее всего, отняты в отместку за его жалобы и обращения к правозащитникам – он написал 19 жалоб, которые остались без ответа. Ему было запрещено видеться с близкими, однако его семье

разрешилось отправить ему 3 посылки в месяц общим весом до 30 кг. У него отобрали электрический чайник и плитка для приготовления халяльной пищи.

В конце концов, Диаса обвинили по тем же статьям, что Умеджона Джураева и всех остальных подследственных по этому делу. Получилось, что его «вина» состояла в хранении литературы «Хизб ут-Тахрир», что, само по себе не является, нарушением закона – в отличие от производства и распространения такой литературы.

Случай Диаса Рафикова был упомянут спецдокладчиком ООН по свободе религий или убеждений⁸⁴.

Миссия также зафиксировала рассказ жены Фархата Файзулина, Гульнары. Она врач, выпускница Казанского университета, который окончил и ее муж. В семье трое детей. Фархат основал в Казани мусульманскую организацию «Ансар» (в переводе – «Помощники», которая занималась просветительской деятельностью и с сентября 2006 г. начала издавать общественно-политическую газету «Саффат». Газета задумывалась как общественно-политическая, раскрывающая проблемы исламской общины. Успело выйти два номера - третий был подготовлен к печати, когда Фархата арестовали.

Гульнара говорит, что они оказались жертвами стереотипов о том, что мусульмане – ваххабиты, экстремисты, террористы и тому подобное. Она считает, что их семья пострадала из-за доносов, вызванных завистью бывших уголовников и наркоманов, т.к. в «Ансар», в основном, входили люди благополучные. По ее мнению, их оклеветали полукриминальные элементы, у которых были связи с правоохранительными органами, - они извратили содержание проповедей, которые Фархат читал в мечети.

7 декабря 2006 г. в 6 часов утра к Файзулиным явились с обыском 8 человек – сотрудники ФСБ, УБОП и ОМОН. При обыске, продолжавшемся 6 часов, изъяли записи проповедей Фархата, аудио- и видеоматериалы – все это потом вернули. Это, само по себе, подтверждает, что там не было ничего предосудительного и что эти материалы не годились для использования их в качестве доказательств по уголовному делу. С точки зрения закона, обыск у Файзулиных проходил корректно – Гульнара слышала, как проводившие его сотрудники спецслужб говорили друг другу, что надо быть поаккуратнее, иначе потом хозяева дома *«будут писать жалобы»*.

Также были изъяты несколько номеров журнала «Аль-Вай», имевшего отношение к «Хизб ут-Тахрир», которые запрещено распространять (но не хранить!). Фархат интересовался и такой литературой, т.к. ему, как человеку, читавшему проповеди в мечети, необходимо было знакомиться с разными взглядами единоверцев. Обвинение было, по словам Гульнары, разочаровано результатами обыска, поэтому и придумало версию о «конспирации».

Фархата арестовали вместе с 8 другими подозреваемыми по делу. По мнению его жены, многие из них представляют активную часть общества – это студенты казанских вузов, молодые люди, находящиеся в интеллектуальном поиске.

В январе 2007 г. родственники арестованных провели пикеты, чтобы разъяснить общественности, что подследственные – никакие не террористы, не имеют отношения ни к чему подобному, не проходили обучения в каких-либо лагерях, и т.д. Выяснилось, однако, что даже единоверцы опасались их защищать – по мнению Гульнары, это явилось прямым следствием сформировавшейся в обществе атмосферы страха. Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что только через 2 месяца после ареста Фархата его жене с трудом удалось найти адвоката, согласившегося заниматься делом, которое контролирует ФСБ.

В течение первых трех месяцев Гульнаре не давали свиданий с мужем, а через год их и вовсе прекратили.

В августе 2007 г., когда нескольких обвиняемых везли из СИЗО на следственные действия, одного из них сильно ударил конвоир. Двое других, в т.ч., Фархат, направили жалобу на действия охранника. От них потребовали забрать ее, а когда они отказались, отправили их 7 дней на в карцер. Там над ними издевались: заставляли носить грязную

84. См. документ A/HRC/7/10/Add.1 от 28.02.2008 г.

тюремную форму, нестираную после прежних заключенных, по 12 часов транслировали по тюремному радио правила внутреннего распорядка в изоляторе и при этом объясняли им, что они находятся в карцере «повышенного комфорта».

Позднее в возбуждении уголовного дела по факту избития подследственного было отказано – проверка, якобы, показала, что «факты не подтвердились».

Гульнара рассказала также, что следователи оказывали на нее давление, допрашивая ее в качестве свидетеля в апреле 2007 г. Когда она воспользовалась ст.51 Конституции РФ о праве не свидетельствовать против себя и своих близких, обращение с ней стало крайне грубым, ее даже пытались обвинить в том, что она намеревалась ударить сотрудника ФСБ. Она почувствовала, что у нее резко поднялось давление, и заявила, что сразу после допроса пойдет к врачу, который зафиксирует ухудшение состояния ее здоровья. После этого ее попросту выгнали.

Она знает также, что и на ее мужа оказывалось психологическое давление с целью вынудить его подписать признания о том, что он член международной террористической организации.

Миссия встретила также с одним из близких Алмаза Хасанова, который рассказал, что первое дело против Алмаза было заведено в декабре 2004 г. Приговор ему был вынесен в сентябре 2005 г. – он получил тогда 1 год условно за участие в «Хизб ут-Тахрир».

В марте 2005 г. А.Хасанов участвовал в том же пикете, что и Диас Рафиков - в нем принимали участие 20 человек (2 женщины и 18 мужчин), все они были задержаны. По словам родственника, всех привезли в отделение милиции, где попытались заставить подписать заявление о том, что они собрались около Кремля и отказались разойтись. Ни одно из этих утверждений не соответствовало действительности: они не могли разойтись, т.к. были окружены милицией, и не находились поблизости от Кремля (для этого им потребовалось бы разрешение властей). Поэтому они отказались подписать заявления и вернули пустые бланки. Всех участников пикета держали в одном помещении и по очереди вызывали на допрос. Их продержали полтора дня без пищи и воды, во время допросов подвергали унижениям. У них не было адвокатов, телефоны у всех отняли, родственников к ним не допускали; молиться было крайне тяжело. Затем суд вынес постановления о наложении на каждого из них по тысяче рублей административного штрафа, и через 4 часа после этого их отпустили.

Перед празднованием 60-ой годовщины дня Победы (9 мая 2005 г.) власти использовали инцидент, произошедший несколькими днями ранее в мечети: 3 мая имам запретил Алмазу и его друзьям, желавшим выступить с обращением к верующим, приходить в мечеть. Когда они, вопреки этому, пришли в мечеть, имам вызвал сотрудников ФСБ, которые их задержали и отпустили только через 7 дней. Во время содержания под стражей Алмаза избивали⁸⁵. По мнению свидетелей, с которыми встретила миссия, этот инцидент показывает, что между имамами и ФСБ существуют соглашения, в соответствии с которыми имамы должны сотрудничать с органами при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории.

Летом 2005 г., по свидетельству близких семье Алмаза людей, опрошенных представителями миссии и попросивших остаться неназванными, жена Алмаза родила ребенка и на время уехала к своей матери в Набережные Челны. В августе несколько мужчин постучали в квартиру матери. Когда она отказалась открыть, они через дверь объяснили, что пришли проверить, не готовился ли в их доме теракт в преддверии празднования тысячелетия Казани (см. выше «Дело «Исламского джамаата»). Она заявила, что без предъявления ордера на обыск не впустит их в квартиру.

В сентябре 2005 г. Алмаз Хасанов был осужден на 1 год условно. После вынесения ему приговора слежка за его женой не прекратилась. В ноябре вся семья вернулась в Казань; Алмаз каждую неделю ходил отмечаться в милиции.

85. Об этом Алмаз Хасанов рассказал представителю КГС в мае 2005 г.

Дело получило продолжение в декабре 2006 г.

В четверг 7 декабря 2006 г. в 6 часов утра мать Алмаза открыла входную дверь сотрудникам ФСБ и УБОП, вооруженным автоматами. Они пришли обыскать квартиру и предъявили ордер, на котором, однако, отсутствовала печать. В качестве понятых милиция привела с собой соседа и человека с улицы. В доме, кроме Алмаза, находились его мать, жена и полуторагодовалые дети-близнецы, жена брата Алмаза – Азата, отбывающего в колонии наказание по приговору за участие в «Хизб ут-Тахрир», ее двухлетняя дочь и трехлетний ребенок Азата от первого брака. Всех их – четверых детей, трех женщин и мужчину, – поместили в одну из комнат и запретили ее покидать без разрешения. Они начали обыскивать комнату за комнатой с помощью ищеек. Сотрудники милиции отказались представиться и запретили членам семьи пользоваться телефоном. Они сопровождали домочадцев даже в туалет. Обыск длился с утра до 5 часов вечера; была обнаружена разная литература, в т.ч., исламская. Составление описи изъятого заняло несколько часов. Милиция забрала компьютер вместе с монитором и клавиатурой, CD-диски и флэш-карту, личные дневники и мобильные телефоны всей семьи. Они не дали связаться с адвокатом и выразили удивление тем, что у семьи вообще есть свой адвокат. Алмаза они увели с собой. В 12 ночи семье позвонили, чтобы сообщить, что Алмаз арестован. В течение последующих нескольких дней семья подала жалобу на незаконный обыск, т.к. он был проведен на основании ордера без печати, и ходатайствовала об освобождении Алмаза как отца двух малолетних детей. Жалоба была отклонена.

26 декабря 2006 г. Алмазу Хасанову предъявили обвинение по статьям 282-2 ч.1 и ч.2, 205-1 ч.1, 30 ч.1 и 278 УК РФ. В ноябре 2007 г. к списку обвинений была добавлена ст. 150 ч.4 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

Алмаз направил 12 обращений в посольства разных стран, но ответ получил только из посольства Германии, которое посоветовало ему обратиться в ООН.

В ноябре 2007 г. А.Хасанов, Ш.Ахмедов, Д.Рафиков, Р.Зарипов, Ф.Файзулин, У.Джураев и А.Сабилов были обвинены также в вовлечении несовершеннолетних в преступную группу с целью совершения тяжкого или особо тяжкого преступления (ст. 150 ч.4 УК РФ). В апреле 2008 г. такое же обвинение было предъявлено и Р.Гимранову.

К окончанию предварительного следствия материалы дела составили 66 томов. Объем обвинительного заключения – 1500 страниц. Обращает на себя внимание, что среди изъятых у 12 обвиняемых и ряда свидетелей вещественных доказательств по делу о подготовке насильственного захвата власти (ст. 278 УК РФ), которое расследовалось 1,5 года, фигурирует только литература на различных носителях – книги, брошюры, листовки, блокноты с записями, оптические диски, жесткие диски компьютеров и т.д. Напомним, что указанная статья УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет.

26 февраля 2009 г. в Верховном суде Татарстана началось рассмотрение уголовного дела. Началу процесса предшествовали события, в результате которых подсудимые лишились возможности предстать перед судом присяжных.

Решение по их ходатайствам о рассмотрении дела судом присяжных должно было быть вынесено в ходе предварительных слушаний, назначенных на 29 декабря 2008 года. За 5 дней до этой даты – 24 декабря, – одного из обвиняемых, Радика Зарипова, экстренно направили в тюремную больницу на медицинское обследование с подозрением на туберкулез. Зарипова вернули в СИЗО (диагноз не подтвердился) уже днем 29 декабря – сразу после того, как в связи с его отсутствием предварительные слушания были перенесены на месяц.

Между тем, 30.12.2008 вступил в силу Федеральный закон от N 321-ФЗ, которым был выведен из-под юрисдикции суда присяжных ряд категорий уголовных дел – в т.ч., связанные с обвинениями по ст. 278 УК РФ.

В результате, дело было передано на рассмотрение коллегии из трех федеральных судей. Если же учесть следующие 2 фактора:

– экстренное обследование Зарипова было назначено, практически, перед самым судебным заседанием, хотя последнее рентгеновское исследование ему проводили в СИЗО за несколько месяцев до этого (в августе 2008 г.);

– доказательная база обвинения в приготовлении к насильственному захвату власти опирается на крайне спорные экспертные заключения по изъятой литературе и показания свидетелей, более 20% из которых (15 из 73) засекречены, а среди остальных – двое сотрудников УБОП и 12 экспертов, участвовавших так или иначе в проведении экспертиз по постановлениям следователей ФСБ (т.е., почти 40% свидетелей, заявленных стороной обвинения, трудно назвать незаинтересованными),

то нетрудно предположить, что совпадение обстоятельств, которые привели к выведению дела из компетенции суда присяжных, оказалось не вполне случайным.

III.2.3 Чувашия, дело о «Хизб ут-Тахрир», 2006-2007 гг.

6 декабря 2006 г. следственный отдел управления ФСБ РФ по Чувашской Республике возбудил уголовное дело по статье 282-2 ч.2 УК РФ по фактам деятельности на территории республики запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир».

7 декабря по ряду адресов в городах Чебоксары и Канаш силами ФСБ и милиции были проведены обыски, при которых изымалась литература, в т.ч., относящаяся к организации «Хизб ут-Тахрир», аудио и видеокассеты, компакт-диски, системные блоки компьютеров. В тот же день лица, в домах которых прошли обыски, были допрошены в ФСБ.

16 января 2007 г. прокуратура Чувашской Республики возбудила в отношении жителей г. Чебоксары Петра Васильева и Сергея Беспалова уголовное дело о возбуждении вражды на религиозной почве (ст. 282 ч.2 п. «в»), которое было 17 января соединено с делом об участии в организации «Хизб ут-Тахрир». В тот же день Васильев и Беспалов были задержаны в качестве подозреваемых в причастности к этой организации и в распространении ее листовок.

28 февраля 2007 г. в г. Канаш были задержаны еще трое подозреваемых по тому же делу: Рустем Салимзянов, Амир Валиуллов и Михаил Андреев.

Позднее всем пятерым были предъявлены обвинения по ст.ст. 282-2 ч.2 и 282 ч.2 п. «в» УК РФ.

По полученным сведениям, во время предварительного следствия на свидетелей по делу оказывалось жесткое давление со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые требовали показаний, подтверждающих версию следствия. Допросы свидетелей сопровождалась угрозами увольнения с работы, ареста и т.д., о чем впоследствии некоторые из них заявили в судебном заседании.

Дело рассматривалось в Ленинском районном суде г. Чебоксары под председательством судьи А. А. Севастьянова.

Подсудимые вину не признали и заявили, что свидетели оговорили их под давлением со стороны следственных органов.

Допрошенные в суде свидетели не подтвердили, что подсудимые проявляли какую-либо нетерпимость к представителям иных конфессий либо делали заявления, возбуждающие религиозную или национальную рознь. Напротив, ряд свидетелей дал показания о доброжелательном отношении подсудимых к людям вне зависимости от их религиозной принадлежности.

Суд, однако, признал их виновными не только в участии в деятельности запрещенной организации (ст. 282-2 ч.2 УК РФ), но и в возбуждении религиозной вражды (ст. 282 ч.2 п. «в» УК РФ) на основании выводов экспертиз, проведенных по изъятой у них литературе по поручению следственных органов.

Приговором от 19 сентября 2007 г. пятеро подсудимых были осуждены:

- Рустем Салимзянов – на 4 года 6 месяцев лишения свободы в колонии общего режима;
- Михаил Андреев – на 4 года 3 месяца лишения свободы в колонии общего режима;
- Амир Валиуллов – на 4 года 4 месяца лишения свободы в колонии строгого режима;

- Петр Васильев – на 4 года 4 месяца лишения свободы в колонии общего режима;
- Сергей Беспалов – на 4 года 5 месяцев лишения свободы в колонии общего режима.

Следует отметить, что это – первый в России приговор, которым лица, обвиняемые в принадлежности к запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир», признаны виновными в возбуждении религиозной вражды.⁸⁶

Кассационным определением Верховного суда Чувашской Республики приговор оставлен без изменений, кассационные жалобы осужденных – без удовлетворения.

III.2.4 Дела о «Хизб ут-Тахрир», Набережные Челны, 2004–2007 г.г.

6 ноября 2004 г., в разгар проходивших в ряде городов Татарстана обысков и арестов мусульман по подозрениям в причастности к уголовному делу, впоследствии ставшему известным как дело об «Исламском джамаате», в квартире жителя г. Набережные Челны Баходира Шукурова был проведен обыск, при котором изъяли литературу и листовки партии «Хизб ут-Тахрир». 15 ноября Баходира задержали, а 16-го суд вынес постановление об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу.

25 ноября Шукурова отпустили под подписку о невыезде, но уже 3 декабря снова задержали – теперь в рамках нового уголовного дела об участии в запрещенной религиозной организации, возбужденного против него в тот же день. Это новое дело было объединено в одно производство с делом «Исламского джамаата» (см. выше).

Во время предварительного следствия были получены показания свидетелей, утверждавших, что 15 ноября 2004 г. Шукуров раздавал листовки «Хизб ут-Тахрир» в одной из мечетей города, чего не отрицал и сам Баходир.

В течение почти 3 месяцев Шукуров являлся обвиняемым в причастности одновременно к «Исламскому джамаату», который, по мнению следствия, являлся организацией «ваххабитского» толка, и к партии «Хизб ут-Тахрир»⁸⁷. Кроме того, ему инкриминировались возбуждение национальной и религиозной вражды (ст.282 п.2 ч.«в» УК РФ) и приготовление к терроризму (ст.ст.30 ч.1 и 205 ч.3 УК РФ).

28 февраля 2005 г. уголовное дело об участии Шукурова в партии «Хизб ут-Тахрир» и возбуждении национальной и религиозной вражды (ст. 282-2 ч.2 и ст. 282 п.2 ч.«в» УК РФ) выделили из дела об «Исламском джамаате» в отдельное производство.

Обвинительное заключение было составлено следователем по особо важным делам отдела по расследованию убийств и бандитизма прокуратуры Республики Татарстан, младшим советником юстиции В.А.Максимовым, утверждено заместителем прокурора Республики Татарстан, старшим советником юстиции Ф.Х.Загидуллиным.

Дело слушалось в мае 2005 г. в Набережночелнинском городском суде Республики Татарстан под председательством судьи А.Г.Сахипова. Имеются сведения⁸⁸ об ограничениях на присутствие публики в зале суда, хотя процесс был открытым.

Обвинения в возбуждении национальной и религиозной вражды не были доказаны в суде, в связи с чем по ст. 282 п.2 ч.«в» Шукурова оправдали.

Приговором от 1 июня 2005 г. он был признан виновным по ст. 282-2 ч.2 УК РФ и осужден на 1 год лишения свободы в колонии-поселении.

По нашим данным, это первый в РФ случай, когда обвиняемый только в участии в деятельности запрещенной общественной или религиозной организации (ст.282-2 ч.2 УК РФ) был приговорен к реальному лишению свободы.

86. Ранее ст. 282 ч.2 п.«в» УК РФ вменялась Баходире Шукурову, осужденному по обвинению в участии в «Хизб ут-Тахрир», однако в суде возбуждение им религиозной вражды не нашло подтверждения, и по этой статье он был оправдан.

87. Религиозные и политические взгляды т.н. «ваххабитов» и «хизбиев» существенно различаются – настолько, что последователи одного из этих направлений в исламе не могут быть одновременно приверженцами второго. По свидетельству Е.Рябининой, ей неоднократно приходилось слышать от представителей одного из них (причем, любого), что второе «придумано специально, чтобы расколоть исламский мир».

88. Из заявлений жителей г. Набережные Челны.

Кассационным определением Верховного суда Республики Татарстан от 12 августа 2005 г. приговор был оставлен без изменения, кассационные жалобы Шукурова и его адвоката – без удовлетворения.

4 апреля 2005 г. из уголовного дела в отношении Баходира Шукурова о причастности к партии «Хизб ут-Тахрир» выделили аналогичное дело в отношении ряда неустановленных лиц. 4 июня 2005 г. производство по нему приостановили, а уже 22 июня оно было возобновлено.

В тот же день в качестве подозреваемого был задержан Виктор Сычев. При обыске в его деревенском доме вблизи г. Набережные Челны изъяли общедоступную исламскую литературу, которую впоследствии вернули владельцу. В течение двух суток Сычева допрашивали о его предполагаемом членстве в партии «Хизб ут-Тахрир» и требовали назвать других лиц, имевших к ней отношение. По имеющимся сведениям, прямого физического воздействия к нему не применяли, но поместили в «клетку» размером примерно 1х1 м, в которой невозможно ни лечь, ни сесть⁸⁹. Через 48 часов после задержания его выпустили под подписку о невыезде, а 30 июня предъявили обвинение по ст. 282-2 ч.2 и ст. 282 п.2 ч.«в» УК РФ.

6 июля в Мамадышском р-не республики при обыске в придорожном кафе, где работал Артур Искандеров, сотрудники УБОП изъяли листовки и литературу «Хизб ут-Тахрир», а самого Артура задержали на 48 часов. Из его заявления следует, что его возили в РУБОП в Казани, где избивали, требуя признаний в совершении терактов.

22 июля 2005 г. Баходир Шукуров, отбывавший наказание по ранее вынесенному приговору об участии в «Хизб ут-Тахрир», написал из ИВС г. Набережные Челны прокурору города жалобу на то, что накануне сотрудник 6 отдела УВД запер его на ночь в «клетку» и, чередуя угрозы с посулами облегчить ему условия содержания до конца срока и впредь не применять пытки, вынудил его дать показания о причастности к «Хизб ут-Тахрир» Виктора Сычева, Марата Муллаганиева, а также некоего Ильдара из Альметьевска. Теми же методами от него добились обещания по мере надобности давать показания об их якобы террористической деятельности. В связи с этим, Шукуров просил впредь у прокурора не принимать от него ни явки с повинной, ни показания, содержащие оговоры других людей. Как выяснилось позднее, эта жалоба якобы она не поступила в спецчасть ИВС и в результате, не была отправлена в прокуратуру.

23 июля 2005 г. сотрудники милиции снова задержали Артура Искандерова – его увезли из дома, обещав родителям к вечеру отпустить. Как следует из заявления его отца, только через 2 недели ему удалось выяснить, что сын задержан по подозрению в причастности к подрыву опоры ЛЭП в Тюлячинском р-не Татарстана, совершенному незадолго до этого.

В первый месяц содержания под стражей Искандеров, подвергавшийся в это время пыткам в ИВС г. Набережные Челны (он подробно описал их в своем заявлении), побывал подозреваемым сразу по 3 уголовным делам:

- о подготовке и совершении терактов практически во всем Поволжье, в т.ч., подрыве бытового газопровода в г. Бугульма;
- об «Исламском джамаате»;
- об участии в организации «Хизб ут-Тахрир» и возбуждении ее членами религиозной и национальной розни.

В течение этого времени Артур неоднократно отказывался подписать показания о неизвестных ему событиях и людях – даже в обмен на свободу, которую следователь Вадим Максимов обещал ему при выполнении этого условия⁹⁰.

23 августа 2005 г. Искандерову предъявили последнее из указанных обвинений – якобы на следующий день после задержания именно по этому уголовному делу, хотя он уже в течение месяца находился под стражей.

24 августа были задержаны Раис Гимадиев, Ильдар Фасхутдинов и Дамир Халиков из

89. Из интервью, записанных Е.Рябининой в мае 2006 г. в Казани.

90. Из заявлений А. Искандерова и Р. Искандерова.

Набережных Челнов, а 25 августа - Ильдар Шайхутдинов из Альметьевска, ранее условно осужденный по обвинению в участии в «Хизб ут-Тахрир». 6 сентября из Оренбургской области привезли в Набережные Челны и поместили в ИВС Марата Муллаганиева.

Из заявлений и жалоб всех задержанных следует, что на допросах их угрозами (избить, «опустить»⁹¹ и т.д.) принуждали к даче показаний против себя и других, к некоторым применялись пытки.

1 сентября 2005 г. обвинение по ст. 282-2 ч.2 и ст. 282 п.2 ч.«в» УК РФ предъявили Шайхутдинову, 2 сентября – Гимадиеву, Фасхутдинову и Халикову, 16 сентября – Муллаганиеву.

9 сентября был освобожден под подписку о невыезде Фасхутдинов, 16 сентября – Халиков. Позднее уголовное преследование Халикова прекратили, и далее он участвовал в уголовном деле в качестве основного свидетеля обвинения.

Имеются заявления⁹² о том, что во время предварительного следствия жесткое давление оказывалось и на свидетелей: в частности, майор Альметьевского УБОП Александр Верховых и следователь Максимов угрозами вынудили Тагира Файрузова подписать показания против Шайхутдинова, аналогичные тем, которые были у него выбиты по пыткам в 2004 г. при расследовании предыдущего уголовного дела о «Хизб ут-Тахрир» в Альметьевске.

В течение осени 2005 г. Шукуров, все еще находившийся в заключении, также направлял правозащитным организациям сообщения о пытках, с помощью которых от него добывались показания против подследственных.

В ноябре 2005 г. он был освобожден по отбытии срока. Как следует из его заявления, уже через месяц возобновилось давление на него со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые требовали подтвердить данные им под пытками показания против тех же лиц и угрожали новыми пытками.

В феврале 2006 г. к обвинениям Гимадиева, Шайхутдинова, Муллаганиева и Искандерова была присоединена ст. 210 УК РФ, предусматривающая ответственность за создание преступного сообщества и участие в нем.

В апреле обвинение снова изменили в сторону «утяжеления» инкриминируемых статей УК РФ – в частности, добавились вовлечение в деятельность террористической организации (ст. 205-1 ч.1 УК РФ) и «покушение на вовлечение» (ст.ст. 30 ч.3, 205-1 ч.1 УК РФ), при этом дополнительных в деле не появилось. Фасхутдинов и Сычев были взяты под стражу.

2 ноября 2006 г. снова был задержан Баходир Шукуров – на этот раз, по обвинению в нападении на сотрудника милиции, которое, по твердому убеждению людей, лично с ним знакомых, было сфабриковано⁹³.

В жалобах его сокамерников по ИВС сообщается, что когда его доставили из Электротехнического ОВД, сотрудники которого его задержали, у него была сломана кисть руки, на теле – следы жестоких побоев, а сам он неадекватно реагировал на окружающих и не понимал, как и за что оказался в заключении. Потом его поместили в клетку размером 1х1 м² и продержали в ней в течение недели. Сокатерники сообщили, что после медицинского освидетельствования, куда его возили из ИВС, он вернулся в неадекватном состоянии, был подавлен и смог лишь сказать, что ему сделали там какой-то укол. Заключенные из другой камеры указали в своей жалобе в прокуратуру, что Шукуров, приходя в себя, объяснял им свое состояние какими-то уколами, после которых его допрашивали.

Имеются аналогичные по содержанию жалобы лиц, содержащихся в трех разных камерах ИВС г. Набережные Челны, куда помещали Шукурова в течение первых двух недель его заключения.

91. Словом «опустить» в местах лишения свободы заключенные обозначают гомосексуальное насилие, а того, над кем оно совершено, называют «опущенным». Такие заключенные – наиболее ущемленная часть среди всех, кто содержится в местах лишения свободы: общаться с ними считается зазорным, вплоть до того, что человек, дотронувшийся до «опущенного», рискует сам попасть в эту же категорию.

92. Заявления Т. Файрузова и Б. Шукурова.

93. Из интервью, записанных Е.Рябининой в марте 2007 г. в Набережных Челнах

В написанной уже в марте 2007 г. жалобе Шукуров указал, что в тот момент, когда милицейский патруль остановил его на улице для проверки документов, он испугался и пытался убежать. Его поймали, избили и доставили в Электротехническое ОВД г. Набережные Челны, где на следующий день снова потребовали подтвердить показания против подследственных по делу о «Хизб ут-Тахрир». Когда он отказался, его поместили в ИВС г. Набережные Челны и там делали инъекции каких-то препаратов, после которых он видел окружающее в странном и искаженном виде, а позднее заметил ухудшение памяти.

После этого, как он пишет, его перевели в СИЗО г. Бугульмы, где поместили в камеру для заключенных с нарушениями психики, а позднее – в психиатрическую больницу г. Казани, которую Шукуров в своем заявлении назвал «экспериментальным центром». По результатам обследования он был признан вменяемым.

В феврале 2007 г. Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан под председательством судьи И.И.Суханаева вынес приговор, которым Шукуров был осужден по ст. 318 ч.1 УК РФ на 2 года 6 месяцев лишения свободы в колонии общего режима.

В соответствии с обвинительным заключением по делу о причастности 6 человек к партии «Хизб ут-Тахрир», составленным следователем по особо важным делам отдела по расследованию убийств и бандитизма прокуратуры Республики Татарстан В.А.Максимовым по окончании следствия, обвиняемым вменялись:

- Шайхутдинову – ст.ст. 210 ч.1, 205-1, ч.1, 30 ч.3, 205-1 ч.1, 282-2 ч.1 УК РФ;
- Муллаганиеву – ст.ст. 210 ч.1, 205-1, ч.1, 30 ч.3, 205-1 ч.1, 282-2 ч.2 УК РФ;
- Искандерову – ст.ст. 210 ч.1, 30 ч.3, 205-1 ч.1, 282-2 ч.2 УК РФ;
- Фасхутдинову – ст.ст. 210 ч.2, 30 ч.3, 205-1 ч.1, 282-2 ч.2 УК РФ;
- Сычеву – ст.ст. 210 ч.1, 205-1, ч.1, 282-2 ч.2 УК РФ;
- Гимадиеву – ст.ст. 210 ч.1, 282-2 ч.2 УК РФ.

Однако 28 декабря 2006 г. заместитель прокурора Татарстана, которому обвинительное заключение было направлено на утверждение, своим постановлением исключил из него обвинения по ст.ст. 205-1 и 210. УК РФ. Основанием для этого послужил вступивший в силу в июле 2006 г. Федеральный закон РФ № 153-ФЗ, которым была изменена формулировка ст.205-1 УК РФ – в частности, из нее исчезло «склонение лица к участию в деятельности террористической организации». А исключение из состава обвинений ст.205-1 УК РФ повлекло и исключение объективной стороны преступления по ст. 210 УК РФ.

В итоге, от всего комплекса тяжких и особо тяжких преступлений, инкриминированных обвиняемым следственной группой под руководством Вадима Максимова, по которым предусмотрены наказания вплоть до 15 лет лишения свободы, осталось только обвинение Шайхутдинова по ч.1 ст. 282-2 УК РФ, а остальных – по ч.2 ст.282-2 УК РФ.

Дело рассматривалось мировым судьей судебного участка № 10 г. Набережные Челны Г.Г. Халиковой. Она намеревалась провести закрытые слушания, однако соответствующее ее постановление в этой части было отменено городским судом. Не увенчались успехом и попытки судьи не допустить наблюдателей на процесс под предлогом «неприспособленного» для публики зала заседаний.

Свидетель Халиков, дважды допрошенный в судебном заседании, практически на все вопросы отвечал, что ничего не помнит, и ссылался на показания, данные им на предварительном следствии. В показаниях других свидетелей также содержалось много странного – например, в исследуемых на процессе эпизодах одни и те же фигуранты описывались свидетелями то как мужчины, то как женщины

Баходира Шукурова в суд для дачи свидетельских показаний не вызывали. Есть основания полагать, что уголовное дело о «применении насилия к сотрудникам милиции» было сфабриковано в отношении него для того, чтобы исключить возможность его выступления в качестве свидетеля и, тем самым, предать огласке способы получения «доказательств» по уголовному делу в отношении шестерых обвиняемых.

- Приговором от 26 марта 2007 г. подсудимые были осуждены:
- Шайхутдинов – на 2 года лишения свободы в колонии-поселении;
- Гимадиев и Искандеров – на 1 год 7 месяцев лишения свободы в колонии-поселении;

- Муллаганиев – на 1 год 6 месяцев лишения свободы в колонии-поселении;
- Фасхутдинов – на 1 год лишения свободы в колонии-поселении;
- Сычев – на 11 месяцев лишения свободы в колонии-поселении.

Пятерых осужденных (кроме Шайхутдинова) в связи с отбытием ими наказания освободили из-под стражи в зале суда.

16 июля 2007 г. Набережночелнинский городской суд вынес постановление об оставлении приговора без изменений, а апелляционных жалоб осужденных (кроме Муллаганиева, который не обжаловал приговор) – без удовлетворения.

Кассационным определением Верховного суда Республики Татарстан от 28 августа 2007 г., вынесенном по результатам рассмотрения кассационных жалоб Гимадиева и Искандерова, из приговора были исключены упоминания об их участии в преступном сообществе, в остальном приговор оставлен без изменений, а жалобы осужденных – без удовлетворения.

Свидетельства, полученные миссией об обстоятельствах Раиса Гимадиева, Артура Искандерова и Баходира Шукурова, говорят о том, что в ходе ареста, содержания под стражей и расследования уголовного дела были допущены многочисленные нарушения.

Артур Искандеров

«Я работал в придорожном кафе. В тот день, когда меня арестовали – 6 июля 2005 г., - я выходил за продуктами. Мне на мобильный телефон позвонил сосед и сказал, что видел в кафе милицию. Когда я туда вернулся, меня стали оскорблять, заковали в наручники и повезли ко мне домой, чтобы провести там обыск. Дома была моя мать. Меня спросили, где я спрятал взрывчатку и что еще незаконного я у себя держу. Они показали мне ордер и забрали мой ноутбук, диски, листовки исламского содержания (в том числе, две листовки «Хизб-ут Тахрир»). Обыск проводили сотрудники ФСБ. Один из них заявил, что ему «очень жаль, что он не может принести своей жене хороший подарок после обыска», явно намекая на то, что готов получить взятку. Затем они повезли меня в Мамадыш. По пути они арестовали другого мусульманина. Его отправили в УБОП в Казань.

Они привели меня в комнату в УВД и начали кричать, оскорблять, называть террористом. Потом повезли в Казань, в РУБОП. Там стали называть разных людей и спрашивать, знал ли я их. Я ответил, что некоторых из них знал, т.к. работал в кафе и у меня было много знакомых. Их особенно интересовал Муса⁹⁴ Хайруллин (это имя фигурирует в деле о взрыве в Бугульме – см. ниже), которого я не знал. Они предложили мне пройти проверку на детекторе лжи, чтобы установить, действительно ли я знал интересующих их людей и был ли вовлечен в какие-то преступления. Только позже я понял, что тогда согласился на это. А в суде об этом вообще не упоминалось. Я ответил на все вопросы милиции. Меня били, ставили на «растяжку», так продолжалось до утра. Ближе к утру в помещение для допросов, где меня держали, вошел молодой милиционер и ударил меня по шее. Потом меня посадили в машину и повезли в Мамадыш. Приехали туда ночью, продержали до утра; спать было негде. Отпустили 8 июля около 12 часов дня, и я вернулся домой.

Утром 22 июля я был дома с родителями, когда к нам явились сотрудники УБОП и вызвали меня в отделение. Я отказался ехать, однако родители убедили меня не возражать, т.к. милиция обещала привезти меня обратно в тот же вечер. Сотрудники УБОП лгали – я вернулся только через полтора года. Меня привезли в Мамадышское УВД, связали мне руки и спросили, боюсь ли я физической боли. Потом меня повезли в Набережные Челны.

По дороге мне завязали глаза моей же футболкой, потом вытащили меня из машины, сняли веревку, заковали в наручники и передали каким-то людям в другой

94. Муса – мусульманское имя Вильсура Хайруллина. 2 августа 2007 г. он был осужден приговором Верховного Суда Татарстана на 17 лет лишения свободы по обвинениям в подготовке и совершении ряда взрывов в Татарстане, Башкортостане и Кировской области РФ.

машине. Эта машина увезла меня куда-то в лес, там было что-то вроде стройплощадки. Меня привязали к столбу, закрепив руки за спиной. Подошли какие-то люди, которые заявили, что они из узбекских спецслужб (остальные были сотрудниками УБОП г. Набережные Челны) и что мной интересуются и в Узбекистане, и в Москве. Я сам родился в Киргизии, на границе с Узбекистаном, и жил там до 13 лет, а потом вся наша семья переехала в Татарстан. Меня спросили, вхожу ли я в террористическую организацию. Они постоянно меня трясли и били. Узбеки интересовались «Хизб ут-Тахрир». Мне угрожали, что изнасилуют, если я не расскажу им «всю правду» о Мусе и «Хизб ут-Тахрир», спрашивали о взрыве опоры ЛЭП в Тюлячинском районе Татарстана, который произошел недавно. Потом меня раздели, а когда я начал сопротивляться, сказали «давайте отвезем его к нам».

Меня привезли в ОВД в Набережных Челнах и посадили в комнату на верхнем этаже, оставив в наручниках и с мешком на голове. Я почувствовал, что в комнате был кто-то еще. Они сняли с меня мешок, дали воды и начали составлять протокол о задержании; позднее вошли несколько молодых милиционеров и стали угрожать, что избьют меня. Затем меня отвезли в ИВС и поместили, в клетку размером 1х1м². Там меня держали 15 дней – за исключением выходных, на которые переводили в обычную камеру. В туалет ходить разрешалось крайне редко. По ночам меня держали в другой камере, где приковывали за руки к решетке над головой, и я стоял так всю ночь. У меня распухли ноги. По ночам они приходили и угрожали, что будут меня пытать щипцами для сварки, электрическим током, резать пятки, что вырвут ногти. Мне дали лист бумаги, чтобы я написал все, что знаю, и свидетельствовал против других мусульман. Это продолжалось 15 рабочих дней и 4 выходных. Мои родители не знали, где я был эти почти три недели. Все это время их запросы оставались без ответа.

Из Казани в Набережные Челны привезли этого Мусу, чтобы он признал, что знает меня и что он призывал меня к джихаду. Они назвали это «следственным экспериментом».

Наконец мой отец встретился со следователем. Тот разрешил ему увидеться со мной при условии, что отец убедит меня признаться в том, что я знал Мусу. Родителям дали 18 дней, чтобы уговорить меня. Моего отца сопровождал Раис Гимадиев. Отца допустили ко мне, когда вокруг никого не было – возможно, однако, что в помещении были видеокамеры. Отец был потрясен, увидев меня в таком состоянии. Он рассказал о предложении следователя, но не переубеждал меня.

Максимов (следователь) распечатал «мое» заявление и дал мне, чтобы я подписал - он сказал, что отпустит меня в тот же вечер, но я отказался, и меня увели обратно в камеру. Вынесли новое постановление о содержании под стражей сроком на месяц, а мой первый месяц в тюрьме был переоформлен как заключение под стражу по подозрению в терроризме. Мои ноги были в сильных кровоподтеках, на руках следы от наручников. У меня не было хорошего адвоката - только назначенный следователем; он появился впервые, когда мое заключение было уже продлено. Отец надеялся, что я вернусь, и боялся еще больше испортить ситуацию. В конце августа я увидел Раиса Гимадиева в клетке 1х1м², когда меня вели к врачу, т.к. я обварился кипятком, пытаюсь приготовить чай в камере. Это было во время празднования юбилея Казани. Потом меня оставили в тюрьме в покое».

Раис Гимадиев

«Я приехал в Набережные Челны на учебу в 1988 г., обосновался тут, женился, у нас родились двое детей. В 90-е гг. последствия социального кризиса и произвол сил правопорядка стали меня возмущать - я знал многих людей, ставших жертвами этого произвола. Раньше я не был религиозным человеком, но новые обстоятельства подтолкнули меня к духовным поискам. В 2004 г. я принял ислам. Начал посещать мечеть и проводить принципы ислама в жизнь. Это совпало с арестами по делу о «джамате». У прихожан мечети «Тауба» в это время начались проблемы. Я был

возмущен тем, как обращались с мусульманами. В конце 2004 г. я участвовал в двух пикетах - местные СМИ о них ничего не сообщили, зато всех, кто участвовал в пикете, позднее так или иначе привлекли к этому уголовному делу. Весной 2005 г. я почувствовал, что за мной идет слежка. Первым задержали Сычева, затем исчез Артур Искандеров. 24 августа схватили и меня. В тот день я был в деревне, мы с отцом копали картошку. Потом я погрузил ее в машину и уехал вместе с сыном; на перекрестке встретился с родственником, чтобы перегрузить картошку в его машину. К нам подъехал незнакомый автомобиль с затемненными стеклами. Люди из него сказали, что они из милиции, и спросили меня: «ты Раис?» Я спросил, в чем дело, но меня сразу заковали в наручники и затолкали в машину. Мой семилетний сын подумал, что это были бандиты – они не предъявили ордера, были без формы, с кобурой для оружия. Они сказали мне: «Ты попал. В чем дело – узнаешь в отделении». Меня привезли в Набережные Челны, где заявили, что у меня «серьезные проблемы». Из более поздних разговоров я понял, что привезли меня в то же помещение, что и Артура Искандерова. Они ушли, появились какие-то другие милиционеры. Они начали надо мной издеваться, заставляли меня то стоять, то сидеть у стены. Они велели мне рассказать, что я сделал и что произошло. Стали спрашивать о «Хизб ут-Тахрир» - давно ли я вступил в эту организацию. Я все отрицал. Меня допрашивали 5 сотрудников милиции, некоторые из них были пьяны. После угроз началось физическое давление – на меня надели наручники и стали их зажимать. Из соседней комнаты я услышал голоса Дамира и Ильдара и по доносившимся крикам понял, что их избивают. Меня поставили у стены, заставили расставить ноги и начали по ним бить. Это продолжалось довольно долго. Я понял, что Ильдар был в том же положении. Меня задержали в 6 часов вечера, а через час уже пытали.

Протокол о задержании они составляли до 10 утра. Утром моя жена наняла адвоката, он пришел вместе со следователем Максимовым. Последний задавал мне те же самые вопросы. Позже я узнал, что Ильдар заявил, что его пытали, и потребовал провести судебно-медицинскую экспертизу. Мы встретились с адвокатом, когда меня увозили в ИВС. Я сказал ему: «Если ты мне будешь нужен, я тебе сообщу. Если они будут меня допрашивать, они тебе сами позвонят».

Меня поместили в клетку 1х1м2, установленную в комнате с металлическим табуретом и столом. После 6 дней в этих условиях меня перевели в камеру с шестью двойными деревянными нарами, раковиной и унитазом, который не был отгорожен от всей остальной камеры. Окна не было, только маленькое вентиляционное отверстие и решетки – скорее металлическая сетка; свет просачивался только через отверстия над дверью. В комнате же с клеткой окно было, зато свет там горел все время.

Потом на один день меня оставили в покое, а вечером снова заперли в клетку, держали без пищи и воды и не давали спать. Они говорили мне: «Сознавайся, а то мы можем арестовать и твою жену.» Я был настолько измучен, что начал сомневаться в себе и подумал, что, в конце концов, сломаюсь и скажу им все, что они хотят. Я имел дело только с оперативниками, а следователя никогда не было на месте.

После 3 дней в этих условиях я сказал, что готов сделать заявление и чтобы они позвали следователя. Максимов приехал из Казани и пришел в мою камеру. Он меня спросил: «Ты не блефуешь?». Я ответил: «Нет, но я буду говорить только в присутствии адвоката». «Смотри - если блефуешь, тебе не сдобровать», сказал он. Я кивнул, и они позвали адвоката. Увидев меня в клетке, адвокат возмутился, и тогда я сказал ему, что с прошлого раза меня из нее так и не выпустили. Тут Максимов понял мою хитрость и начал угрожать мне пытками, не стесняясь адвоката: «Ты знаешь, что мы еще всего не исчерпали? Есть еще и ток, и другие средства. Ты видел, что мы сделали с людьми из джамаата?». Действительно, я провел два дня в камере с обвиняемыми по делу о джамаате и уже знал об используемых методах.

Адвокат направил жалобу в прокуратуру, она провела проверку. Допрошенные оперативники не отрицали, что посадили меня в клетку, но, по их словам, это было сделано, чтобы предотвратить попытку самоубийства. В жалобе адвокат написал только о содержании меня в клетке, но не об угрозе пыток электрическим током. Я понял, что на адвоката оказывается давление, да он и сам это признал: «Ты можешь мне платить, я буду приходить, но по-настоящему я не могу ничем тебе помочь».

Пока я был в клетке, привели Ильдара и Дамира. У них обоих были назначенные адвокаты. Оба отрицали, что давали показания против меня. Позже Дамир признался, что он против меня действительно свидетельствовал - он «сломался». Ильдар воспользовался статьей 51 (отказ от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ - права не свидетельствовать против себя и своих близких).

Во время пребывания в СИЗО в Бугульме я попросил о медицинской помощи, потому что из-за избиений у меня болели ноги, но мне отказали. Как-то, когда меня везли на следственные действия, я встретил Марата и узнал, что его тоже избивали и не разрешали ходить в туалет.

Мы с Артуром Искандеровым в течение месяца сидели в одной камере. Нас оскорбляли - называли ваххабитами, террористами и т.д. Начальник нашего блока бросил Коран на пол и ходил по нему ногами.

Уже в суде выяснилось много интересного. Например, что во время предварительного следствия свидетелям перед опознанием показывали фотографии подозреваемых, которых они должны были опознать. Одна из свидетельниц рассказала, что к ней приходили милиционеры и требовали, чтобы она дала показания, что в интересующий следствие момент видела мужчину, а не женщину. Во время допроса Дамира я спросил, почему он считает меня членом «Хизб ут-Тахрир» - основываясь на личных убеждениях или на фактах? Дело в том, что единственным свидетельством против меня было вытянутое из Дамира признание, что я был членом «Хизб ут-Тахрир». После оглашения приговора, когда я заявил, что намерен подать апелляционную жалобу, судья и прокурор увели меня в отдельную комнату и сказали, что это только ухудшит положение дел. Они убедили всех остальных не обжаловать приговор.

Эльвира, жена Баходира Шукурова, подтвердила миссии, что показания, которые ее муж дал против подсудимых по этому делу, были выбиты из него под пытками.

«Баходир дал показания против них, но написал жалобы в прокуратуру и в «Гражданское содействие», чтобы сообщить, что показания были даны под пытками. В течение 38 дней его держали в клетке и 18 дней пытали, сжимая на руках наручники. Он написал жалобу в июле, но она не была отправлена из СИЗО. В ней он просил, чтобы от него не принимали показаний даже в присутствии адвоката, т.к. его могли пытать перед допросом.

В ноябре 2005 г. Баходира освободили, в феврале 2006 г. мы поженились. Потом его снова арестовали: когда он возвращался домой поздно вечером, его остановил патруль, а документов у него при себе не было. Его избили. Он попытался убежать, но его ударили так, что он потерял сознание. Я поняла, что он пропал, только когда его приятель позвонил и сказал, что он так и не объявился. Я стала звонить в больницы и везде, нашла его в ИВС. Мне не говорили, в чем его обвиняют, тогда я обратилась в прокуратуру. Там сказали, что он напал на сотрудников милиции и укусил одного за руку, а другого за ногу. Я не поверила, т.к. он совсем не агрессивный. Из милиции его в клетке перевезли в ИВС. Там его увидели Раис Гимадиев и Артур Искандеров. Он был сильно избит. Милиция не дала мне с ним увидеться. Раис Гимадиев написал письмо своей жене, та сообщила жене Артура Искандерова, с которой я знакома - так я узнала о его состоянии.

Оказалось, что милиция вызвала скорую помощь. Он смутно помнит, как женщина в белом халате делала ему уколы в руку и в спину. У него начались галлюцинации. Его привезли в Казань на лечение в клинику. Он провел в Казани 10-15 дней. Его

не лечили, он находился в ужасных условиях. Туда к нему приходил адвокат. Мне посетить его не разрешили.

По словам сокамерников говорили, что после возвращения оттуда он вел себя неадекватно. Адвокат потребовал провести медицинское обследование. В результате его сочли здоровым. Он вел себя неадекватно и тогда, когда его поместили в камеру в первый раз - после того, как его ударили по голове.

Баходира должны были перевести из ИВС под стражу до суда в Бугульму, но там отказались принимать его, потому что он был избит и находился в неменяемом состоянии. В конце концов, его согласились принять в СИЗО, но содержали в специальной психиатрической камере – это было в декабре 2006 г. По просьбе Ильдара Шайхутдинова Баходира перевели к нему камеру, чтобы он мог за ним ухаживать. В феврале 2007 г. перед судом адвоката дезинформировали насчет времени и места рассмотрения дела, и он так и не появился – вместо него Баходиру дали назначенного адвоката. Меня тоже обманули насчет суда, и я на слушания тоже не попала. Судья настоятельно не рекомендовал обжаловать приговор.

Я ездила в Казань на прием к министру внутренних дел Татарстана. Там, как только я назвала фамилию Баходира, тот сразу его вспомнил, но отрицал факт его избития милицией. Я кричала, жаловалась, но совершенно безрезультатно.

Когда мне разрешили свидания с мужем, его память уже улучшилась»

III.2.5 Дело о взрыве бытового газопровода, Бугульма (Татарстан), 2005 г.

После прошедших в Татарстане осенью 2004 г. многочисленных арестов среди мусульман⁹⁵, двое жителей Набережных Челнов – Фанис Шайхутдинов и бывший узник Гуантанамо Равиль Гумаров⁹⁶, – сочли своим долгом передавать продукты для единоверцев, содержащихся в СИЗО г. Бугульмы, где те лишены возможности соблюдать предписанные исламом нормы питания. Позднее Шайхутдинов сообщит правозащитникам, что этим они вызвали крайнее недовольство местного УБОП, сотрудники которого предупреждали их, что такая гуманитарная деятельность добром не кончится.

Одну из передач они сделали 6 января, после чего в тот же день вернулись в Набережные Челны и, по словам Шайхутдинова, до конца января больше в Бугульму не ездили⁹⁷.

8 января 2005 г. на трубе коммунального газопровода низкого давления в Бугульме произошел взрыв, при котором была повреждена тепловая сеть и вылетели стекла в окнах общежития, расположенного поблизости.

31 марта 2005 г. оперативной группой УФСБ России по Республике Татарстан в г. Нефтеюганске Ханты-Мансийского автономного округа был задержан и отконвоирован в Бугульму Рустам Хамидуллин, уехавший из нее 9 января 2005 г. (Ранее он проживал с семьей в Бугульме, осенью 2004 г. переехал в Нефтеюганск, а в начале января приезжал погостить к матери, у которой оставались его жена и ребенок.)

Вечером 5 апреля дежурный адвокат сообщил его матери по телефону, что Рустам дал признательные показания по поводу взрыва газопровода. Вскоре появится информация⁹⁸, что его под пытками вынудили оговорить сводного брата – бывшего «гуантанамовца» Тимура Ишмуратова, а также Равиля Гумарова и Фаниса Шайхутдинова.

95. В Набережных Челнах, Азнакаево, Альметьевске и др. городах.

96. Р. Гумаров и Т. Ишмуратов (речь о котором пойдет ниже), арестованные во время американской операции в Афганистане, по возвращении из Гуантанамо в Россию были признаны невиновными. Тем не менее, они были вынуждены провести несколько месяцев в СИЗО г. Пятигорска (юг России), пока ФСБ вела расследование предположений об их возможном участии в вооруженных действиях в Афганистане. Причины своего пребывания в Гуантанамо, Тимур Ишмуратов объяснил следующим образом: он принял ислам после семейной трагедии и отправился жить в мусульманскую страну. В Афганистане талибы заподозрили его в связях с ФСБ и взяли в плен. Затем, во время американской операции в конце 2001 г. талибы передали их американцам.

97. <http://www.islamnews.ru/news-5649.html>

98. Из заявления Т. Ишмуратова

1 апреля в Бугульме задержали Ишмуратова⁹⁹ и Ильдара Валиева. Обоих доставили в ГРОВД, оформили протоколы об административных правонарушениях – якобы они нецензурно бранились и не реагировали на замечания сотрудников милиции, на основании чего суд вынес в отношении них постановления об аресте на 5 суток.

2 апреля в Набережных Челнах по подозрению в приобретении, хранении и перевозке взрывчатых веществ были задержаны Равиль Гумаров и Фанис Шайхутдинов. 7 апреля обоим было предъявлено обвинение по ст. 222 ч.3 УК РФ. 12 апреля к нему присоединили ст. 205 ч.3 УК РФ.

Расследованием дела занималось управление ФСБ РФ по Татарстану.

Как следует из заявления и ряда интервью Ишмуратова, во время содержания под административным арестом его пытками заставили написать под диктовку сотрудника УБОП «объяснение» о том, как он вместе с Гумаровым и Шайхутдиновым якобы взорвал трубу газопровода, и повторить написанное следователю ФСБ Ломовцеву «под протокол». Когда Тимур ошибался в изложении требуемой версии, его поправляли и вносили в протокол откорректированный вариант.

6 апреля, по окончании срока ареста, Ишмуратова, не выпуская из-под стражи, задержали уже по подозрению в совершении взрыва газопровода. 29 апреля ему было предъявлено обвинение по ст.ст. 205 ч.3 и 222 ч.3 УК РФ.

Через месяц Валиева и Хамидуллина освободили без предъявления обвинений, но постановлений о прекращении уголовного преследования на руки не выдали. Далее их допрашивали уже в качестве свидетелей, периодически напоминая, что от «правильности» показаний их и их родных зависит, останутся ли они свидетелями, или станут обвиняемыми¹⁰⁰.

Во время предварительного следствия Ишмуратов неоднократно отказывался от первоначальных признаний, после чего пытки возобновлялись¹⁰¹. Аналогичным образом были добыты признательные показания Равиля Гумарова, который, по его словам, не выдержав пыток, решил взять на себя роль «организатора», чтобы облегчить участь остальных. Фанис Шайхутдинов, несмотря на пытки, так и не оговорил ни себя, ни других.

В июле 2005 г., когда расследование дела было уже практически завершено, некто Вильсур Хайруллин задержанный по подозрению в совершении ряда терактов, сделал чистосердечное признание о том, что бугульминский газопровод взорвал он. Впоследствии он писал в своих обращениях, что согласился взять на себя вину за этот взрыв в обмен на обещанную ему следователями свободу¹⁰².

Адвокатам Гумарова, Ишмуратова и Шайхутдинова о признании Хайруллина следственные органы не сообщили.

Обвинительное заключение составил старший следователь следственного отдела управления ФСБ РФ по РТ, майор юстиции С.Е. Ломовцев, утвердил исполняющий обязанности прокурора Республики Татарстан, советник юстиции А.Ю. Николаев.

Среди аргументов, якобы подтверждающих виновность Гумарова, Шайхутдинова и Ишмуратова, следствие приводит те самые продуктовые передачи в бугульминское СИЗО: *«Тот факт, что Гумаров Р.Ш.и Шайхутдинов Ф.А. оказывали поддержку лицам, привлекаемым к уголовной ответственности и содержащимся под стражей в Следственном изоляторе № 3 г. Бугульмы за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности <...>, объективно подтверждают данные ими ранее показания, свидетельствующие о том, что целью совершенных ими преступлений было, в т.ч., и оказание воздействия на принятие решения органами власти, для облегчения положения указанных лиц»*¹⁰³.

99. Ишмуратов в день взрыва отсутствовал в Бугульме.

100. Из заявления З. Ишмуратовой

101. Заявления З. Ишмуратовой, интервью с Т. Ишмуратовым в осенью 2005 г. в Москве.

102. Протоколы допросов Хайруллина есть и в деле об «Исламском джамаате» - в них он дает показания против всех обвиняемых.

103. Цитата из обвинительного заключения. Между тем, совершенно очевидно, что теракт во время следствия по другому «террористическому» делу может только ухудшить положение подозреваемых и обвиняемых, как это уже неоднократно бывало.

Кроме того, к существенным обстоятельствам, имеющим отношение к обвинению, отнесено хранение Гумаровым и Шайхутдиновым религиозной литературы, часть которой «с точки зрения многих аспектов относится к ваххабизму по идеологии. Причем, многие книги популярны не только среди приверженцев классического ваххабизма, но и среди «фундаменталистов», радикально настроенных мусульман, участников террористических формирований» - так указано в обвинительном заключении.

И, наконец, там же особо отмечено: «О том, что Гумаров Р.Ш., как и Ишмуратов Т.Р. являются экстремистами, свидетельствуют факты их участия в вооруженном конфликте на территории Исламского государства Афганистан (ИГА) в составе отрядов «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), структурно входящего в состав действовавшего на территории ИГА, так называемого, движения «Талибан <...>», хотя, как указано ранее в том же обвинительном заключении, «Гумаров Р.Ш., а также Ишмуратов Т.Р. около двух лет содержались на американской военно-морской базе Гуантанамо (остров Куба), после чего <...> были переданы компетентным органам Российской Федерации. Управлением Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе Гумаров Р.Ш., а также Ишмуратов Т.Р. привлекались к уголовной ответственности по ст.ст. 322 ч.2; 359 ч.3 УК РФ <...>. Уголовное преследование в отношении Гумарова Р.Ш., а также Ишмуратова Т.Р. прекращено 22 июня 2004 г. по основанию, предусмотренному п.2 ч.1 ст. 24, п.2 ч.1 ст. 27 УПК РФ (отсутствие в деяниях состава преступления).

По версии обвинения, Равиль Гумаров замыслил этот теракт, чтобы запугать власти и привлечь внимание к арестам мусульман и договорился с Ишмуратовым и Шайхутдиновым о том, что 7-ого числа они проведут ночь у Ишмуратова, чтобы устроить взрыв рано утром 8-ого.

Между тем, следует отметить, что в день взрыва ни одно местное СМИ о нем не упомянуло. Кроме того, в суде был допрошен шофер такси, который находился неподалеку в момент взрыва - он заявил, что не видел поблизости ни людей, ни автомобилей.

По словам родственника одного из обвиняемых, с которым встретилась миссия¹⁰⁴, многие факты доказывают, что обвинения были сфабрикованы, в т.ч., с помощью пыток свидетелей, из которых выбивали показания против подсудимых.

Сфабрикованные обвинения и вымогание признаний

- Об этом, в частности, свидетельствуют «признания» Рустама Хамидуллина, которого пытками и угрозами в адрес его беременной жены вынудили дать показания о том, что его сводный брат Тимур Ишмуратов ночевал дома в ночь с 7-ого на 8-ое января, хотя Рустама там не было.
- В ходе суда многие свидетели обвинения перешли на сторону защиты и показали, что изначальные признания были получены от них под пытками. Они также подтвердили алиби всех трех обвиняемых.
- Рюкзак Фаниса Шайхутдинова, который он носил весь январь и после этого стирал, сторона обвинения использовала как улику, т.к. на нем якобы были следы гексогена. Это при том, что следователи впервые осмотрели рюкзак в апреле – через неделю после задержания Шайхутдинова, т.е., через 3 месяца после взрыва.

Пытки и жестокое обращение¹⁰⁵

Обвиняемые сообщали, что к ним, кроме «обычных» пыток, применялись специфические способы жестокого обращения, связанные с издевательствами над их религиозными чувствами:

- Оскорбительные высказывания в отношении ислама;
- Вырывание бороды;
- Насильственное вливание в горло водки.

104. Свидетель попросил не называть его имени.

105. <http://gzt.ru/society/2005/10/11/215519.html>

Это – одно из целого ряда крайне тяжелых последствий того, что многие сотрудники правоохранительных органов и спецслужб «прошли» через участие в спецоперациях и боевых действиях в Чечне, откуда вынесли и исламофобию, и привычку к жестокости в отношении тех, кого они воспринимают как врагов.

Тимур Ишмуратов и Равиль Гумаров заявили, что перенесенные ими истязания были куда страшнее тех, которым их подвергли в Гуантанамо.

В какой-то момент Ишмуратов заявил, что ему все было безразлично и что он хочет только одного – увидеть своего ребенка, который должен вот-вот появиться на свет. Что касается Гумарова, то он, чтобы избавиться от продолжения мучений и себя, и других, «сознался» в том, что якобы был главным организатором теракта, вовлекшим в него всех остальных.

Дело рассматривалось Верховным судом Республики Татарстан с участием присяжных, председательствовал судья А.Ф. Галиакберов. В сентябре 2005 г. вердиктом присяжных подсудимые были признаны невиновными и освобождены в зале суда.

Прокуратура Татарстана обжаловала приговор в день его оглашения.

17 января 2006 г. Верховный Суд РФ отменил оправдательный приговор и направил дело на новое рассмотрение.

В течение последующего месяца возобновилось давление со стороны правоохранительных органов на свидетелей по делу¹⁰⁶ с целью вынудить их дать показания о виновности подсудимых.

В конце января Тимур Ишмуратов, опасаясь нового ареста, пыток и несправедливого осуждения, предпринял попытку бежать на Украину. Сразу после пересечения границы вне пограничного пункта пропуска он был задержан на украинской территории и возвращен в РФ. 11 марта 2006 г. приговором Севского районного суда Брянской области он был признан виновным по ст.322 ч.1 и осужден на 6 месяцев лишения свободы.

22 февраля Верховный суд Татарстана вынес постановление о заключении под стражу Гумарова и Шайхутдинова, которые не явились на предварительные слушания. При этом не было принято во внимание ни то, что их не уведомили должным образом о дате судебного заседания, ни то, что они направили факсом в суд ходатайства о его отложении, т.к. слишком поздно узнали о нем и не успевали приехать из Москвы, где в это время находились.

7 марта 2006 г. Шайхутдинов и Гумаров были задержаны в Москве в результате операции группы захвата с участием сотрудников ФСБ.

5 мая новая коллегия присяжных, с участием которой проходило повторное рассмотрение дела в Верховном суде Республики Татарстан, признала подсудимых виновными по всем предъявленным обвинениям.

12 мая председательствующий в судебном заседании П.М.Кондратьев огласил приговор, которым подсудимым были назначены наказания:

Шайхутдинову – 15 лет 6 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима,

Гумарову – 13 лет лишения свободы в колонии строгого режима,

Ишмуратову – 11 лет 1 месяц лишения свободы в колонии строгого режима.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 29 ноября 2006 г. сроки наказания снижены:

Шайхутдинову – до 10 лет 6 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима,

Гумарову – до 9 лет лишения свободы в колонии строгого режима,

Ишмуратову – до 8 лет 1 месяца лишения свободы в колонии строгого режима,

в остальном приговор оставлен без изменения.

Адвокат Шайхутдинова предпринял ряд попыток оспорить порядок формирования коллегии присяжных, при котором нарушается принцип состязательности и равноправия сторон, т.к. сторона обвинения располагает возможностями получения информации о составе коллегии присяжных заседателей, чего лишена сторона защиты.

106. Заявления Р. Хамидуллина и И. Валиева.

Ход ряда известных судебных процессов, прошедших в последние годы с участием присяжных заседателей, дает веские основания для такой точки зрения.

Фанис Шайхутдинов неоднократно подавал жалобы на условия содержания заключенных под стражей, ни одна из которых не была удовлетворена. Эти жалобы касались:

- Размера камер, в которых на одного человека приходится около 1м2;
- Отсутствия места для молитвы;
- Отсутствия медицинского ухода;
- Отсутствия халяльной пищи.

Случаи Гумарова и Ишмуратова фигурировали в докладе спецдокладчика ООН по пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказаниям¹⁰⁷.

III.3 Дела о последователях Саида Нурси и публикациях его трудов - типичный случай некорректного использования анти-экстремистского законодательства

Российские власти считают экстремистами последователей мусульманского богослова Саида Нурси, переводы 14 произведений которого на русский язык запрещены к распространению в России.

Саид Нурси (1877-1960) был крупным исламским ученым курдского происхождения, родившимся в Турции, автор сочинений «Рисале-и Нур» - толкования Корана, объемом более чем в пять тысяч страниц. Последователи Нурси также называют его «Бадиуззаман», что по-турецки означает «опережающий время».

Репрессии последователей Саида Нурси – так называемых «нурсистов», – начались в России еще до запрета его произведений¹⁰⁸. В сентябре 2004 г. в Омске было возбуждено уголовное дело против Джамбула Исабаева за распространение книги С.Нурси «Плоды веры». Обвинения в хранении взрывчатых веществ, якобы найденных в ходе обыска у Исабаева, во время судебного разбирательства были опровергнуты. Свидетели заявляли о том, что сочинения Нурси оказали на них положительное влияние. Из заключений на книгу «Плоды веры» Совета муфтиев России, ЦДУМ России, религиоведов из МГУ и Института Европы РАН следовало, что книги Нурси могут стать прививкой против идеологии террористов, которые прикрываются Кораном, но не знают его. В итоге 6 апреля 2005 г. Кировский районный суд г. Омска оправдал Джамбула Исабаева. Более того, судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда вынесла частное определение, в котором по поводу действий правоохранительных органов говорится следующее: *«вся обвинительная деятельность по очевидно надуманным обвинениям вызвала возмущение значительной части мусульманского населения, исповедующего ислам, и позволила наиболее радикальным её лидерам утверждать, что мусульман преследуют исключительно за религиозные убеждения. И у них для этого, судя по итогам судебного разбирательства, были веские аргументы»*.

28 марта 2005 г. прокуратурой Татарстана было возбуждено уголовное дело против группы верующих в Набережных Челнах, изучавших книги Саида Нурси, по «факту» возбуждения религиозной и национальной вражды (ст. 282, ч.2, п.«в» УК РФ). 28 марта 2006 г. его расследование приостановили. За год, в течение которого это дело расследовалось, прокуратура Татарстана не выявила ни лиц, подозреваемых в возбуждении вражды, ни самого факта возбуждения вражды. В качестве подозреваемых по этому делу никого привлекли.

12 июля 2005 г. примерно по 20 адресам в Набережных Челнах были приведены обыски – изымали произведения Саида Нурси. По словам Марата Тамимдарова, переводчика трудов

107. Документ A/HRC/7/10/Add.1 от 28.02.2008

108. В описании этих дел, кроме материалов КГС и сведений, полученных миссией и, использованы материалы ИАЦ «СОВА» <http://sova-center.ru/> и «Славянского правового центра»: <http://www.sclj.ru/>

С.Нурси из Набережных Челнов, изначально прокуратура Татарстана возбудила уголовное дело в отношении организации «Нурджулар», якобы распространяющей учение этого богослова, и объявила её членов «причастными к деятельности преступной секты». МИД Турции ответил на запрос прокуратуры, что организации «Нурджулар» в Турции не существует. О том, что такой организации вообще нет, заявляют и сами последователи Саида Нурси, и многие эксперты.

Тем не менее, следователи сочли произведения С.Нурси экстремистскими. Тем, кто изучал его труды, было рекомендовано вместе не собираться, эти книги не читать и не обсуждать. При этом, официальных обвинений прокуратуры Татарстана никто не видел, так как ни у кого не было права знакомиться с уголовным делом.

Один из следователей заявлял почитателям Саида Нурси, что, хотя дело и приостановлено, прокуратура Татарстана добьется признания книг Нурси экстремистскими и тогда привлечёт всю группу мусульман из Набережных Челнов к уголовной ответственности. Кроме того, в феврале 2006 г. о намерении запретить книги Саида Нурси, которые «отрицательно влияют на сознание людей и ухудшают их психологическое состояние», заявлял заместитель начальника отдела ФСБ в Набережных Челнах Сирень Галиакберов¹⁰⁹.

Давление со стороны правоохранительных органов на лиц, изучающих труды Саида Нурси, не прекращалось. В течение 2006 г. в Набережных Челнах сотрудники ФСБ совместно со следователями прокуратуры с помощью угроз и запугивания принуждали «нурсистов» - в основном, пожилых женщин, - давать согласие на «добровольное» прохождение психиатрических экспертиз, по результатам которых делались выводы о «зомбирующем» влиянии книг Нурси.

В апреле 2006 г. прокуратура Татарстана направила в Коптевский районный суд г. Москвы заявление с просьбой признать сочинения Саида Нурси экстремистскими.

Дело рассматривалось в закрытом судебном заседании в течение более чем полугода, и 21 мая 2007 г. суд вынес решение о признании экстремистской литературой переводов на русский язык 14 произведений С.Нурси из собрания «Рисале-и Нур».

18 сентября 2007 г. Московский городской суд отклонил кассационную жалобу на указанное решение, после чего оно вступило в законную силу.

В октябре 2007 г. Генеральная прокуратура провела проверку татарско-турецких лицеев. Искали книги Саида Нурси. Пресса сообщила, что запрещенной литературы не нашли: *«ни одной книги. Дело дошло до курьеза. Требовали прекратить изучать физику, математику, химию на английском языке, изъять оксфордские учебники и даже переводные российские, мотивируя опасностью в них содержания «исламской идеологии».*

3 декабря 2007 г. в Татарстане возобновилось следствие по ранее (в марте 2006г.) приостановленному уголовному делу.

9 декабря в Казани, Набережных Челнах, а также Новосибирске прошли обыски, на которых изымались книги Саида Нурси и другая исламская литература.

15 января 2008 г. обыск был проведен также в одном из книжных магазинов Махачкалы.

10 апреля 2008 года Верховный Суд РФ вынес решение о признании международного религиозного объединения «Нурджулар» экстремистским и о запрете его деятельности на территории России. Это решение вступило в законную силу 25 апреля 2008 года.

Любопытно, что, как уже отмечалось выше, само существование запрещенной этим решением организации вызывает серьезные сомнения.

Миссии стало известно об обыске, проведенном в декабре 2007 г. в доме доцента математики в г. Новосибирске, который числился свидетелем по расследуемому в Татарстане (см. выше) уголовному делу. В процессе обыска производилась фотосъемка изъятой литературы, причем, несколько книг С.Нурси были положены оперативниками сверху на большую стопку различной литературы. События, которыми сопровождался обыск, вызывали серьезную обеспокоенность, т.к. нельзя было исключить, что доцента пере-

109. Анатолий Пчелинцев. «Можно ли в исламе обойтись без религии?», 2006 г., <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=1274>

квалифицируют из свидетеля в подозреваемого или обвиняемого, однако эти опасения, к счастью, не подтвердились.

В том, что касается соблюдения запрета на распространение произведений Саида Нурси, правоприменительная деятельность ведется очень активно. Миссия встречалась с адвокатом, представлявшим подозреваемых в упомянутом выше уголовном деле о «Нурджулар». Он рассказал, что еще с 2000 г. осуществляет – и довольно успешно, – защиту по делам, связанным с нарушениями права на свободу совести, однако в последнее время делать это становится все сложнее и сложнее (см. ниже о деле пятигорского имама Антона Степаненко).

Миссия встретила также с группой мусульман, которых правоохранительные органы допрашивали в связи с этим делом. Это – женщины и дети, которые регулярно собирались, чтобы, по их собственным словам, «читать книги и общаться с единоверцами». В рамках уголовного дела о «Нурджулар» некоторые из них были незаконно подвергнуты психиатрическим экспертизам, на которые или не давали согласия, или соглашались под давлением – в т.ч., под угрозой насильственной «госпитализации». Незадолго до нашей встречи сотрудники правоохранительных органов настойчиво «не рекомендовали» им говорить о чем-либо с представителями FIDH и Комитета «Гражданское содействие»

Миссия получила свидетельство одного из последователей Саида Нурси:

«До 2005 г. у нас была лицензия на преподавание в одном из медресе, но потом ее не продлили. Наши мужчины собирались в мечети, женщины в квартире, которую мы снимали. Особенность нашей общины в том, что в некоторых случаях мы читаем Коран непрерывно – например, если кто-то болеет. Деньги на нужды общины дают сами ее участники; мы учим наших детей, читаем им Коран. Наши преподаватели обучаются в Турции. Мы говорим по-османски, по-татарски и по-русски. Нас считают сектой, но это неправда – мы не секта и не организация, а просто сообщество мусульман, которые придерживаются общих взглядов и почитают Саида Нурси.

Проблемы у нас начались в марте 2005 г., когда было возбуждено дело о «Нурджулар». Было проведено множество обысков, изъяты различные книги, зачастую изданные в Турции. ФСБ очень быстро взяла нашу общину на заметку. После проведения странной психологической экспертизы, которая сделала вывод о том, что эта литература может быть пагубной для психики, ФСБ попыталась вынудить некоторых из наших (пятерых женщин из Набережных Челнов) признать, что они были «жертвами». ФСБ хотела таким образом раскрутить уголовное дело. «Подумай о твоих дочерях», «ты увидишь себя в газете» – такого рода аргументы использовались, чтобы их убедить. В результате этого давления 4 малообразованные женщины согласились подписать требуемое заявление.

В мае 2005 г. прошел обыск в квартире, которую мы снимали для женщин. Моя несовершеннолетняя дочь была там в этот момент, и она пришла в ужас от увиденного. Они взломали дверь, пригнали вертолет, дом был окружен. У дочери забрали телефон, были изъяты компьютеры, девушек фотографировали. Некоторые из них были полуодеты. СМИ так прокомментировали этот обыск «Обнаружено тайное медресе, где шахидов готовят к бою». Впоследствии журналистка сказала мне, что представить все в таком свете потребовала ФСБ. Мы пошли жаловаться. Заместитель начальника местного отдела ФСБ сказал мне: «Вы должны молиться, как ваши бабки. Зачем вы читаете иностранные книги? Мы уже арестовали 20 таких сект, как ваша». Впоследствии они пытались отговорить нас подавать жалобу...

Все это продолжалось в 2006 и 2007 годах – различные ведомства, одно за другим, решали, что речь идет об экстремистской литературе. В декабре 2007 г., после того, как запрет на произведения Саида Нурси вступил в силу, прошли новые обыски. Они не оставляли нас в покое. Во время второго обыска у этих людей был ордер, в котором говорилось об организации и участии в секте, о пропаганде и возбуждении межконфессиональной и межнациональной ненависти. Мы до сих пор не можем

получить обратно наши вещи, которые они у нас изъяли в тот раз. Они задают нам странные вопросы, из которых понятно, что они нас считают сумасшедшими – например: «Боитесь ли вы смерти?» «Что думает ваше окружение о том, что вы читаете?» «Встречались ли вы с этим Нурси?» Нужно ли им объяснять, что он умер много лет назад...

На данный момент по делу нет ни подозреваемых, ни обвиняемых. Если они появятся, у них и их адвоката будет право на доступ к материалам дела. Возможно, следствие старается оттянуть этот момент. Сколько это все будет продолжаться - неизвестно».

III.4 Другие примеры того, как « классические» статьи УК используются против мусульманских организаций

III.4.1 Дело «русского имама» Антона Степаненко из г. Пятигорска. 2006-2007 гг.

Адвокат «нурсистов» рассказал миссии также об уголовном деле против молодого имама Антона Степаненко (мусульманское имя Абдулла), который был видным общественным деятелем, участвовал в митингах и телепередачах. Одного из молодых членов его общины, страдавшего психическим заболеванием и регулярно проходившего курс лечения в клинике, вынудили заявить, что имам Абдулла вымогал у него деньги и что по поручению имама его похитили и держали взаперти. Также его заставили дать показания о том, когда ему исполнилось 18 лет, имам приказал ему начать джихад – убить славянина, чтобы стать «настоящим совершеннолетним мусульманином». Двух свидетелей – 14-15 летних подростков, – задержали однажды ночью и сказали, что изнасилюют их, если они откажутся признать, что видели, как Степаненко угрожал этому юноше. По словам знакомых имама, позднее этот юноша признался, что спецслужбы специально внедрили его в общину, чтобы ее дискредитировать. Во время содержания Степаненко под стражей, пока шло предварительное следствие, его неоднократно избивали и подвергали пыткам. Его права на отправление религиозных обрядов всячески ущемлялись в тюрьме – для этого был задействованы его сокамерники.

Суд снял с Антона обвинение в незаконном лишении человека свободы. В марте 2007 г. Антон Степаненко был осужден на 1,5 года условно по обвинениям в самоуправстве (ст. 330 УК РФ) – так суд переквалифицировал вмененное ему вымогательство, – и за возбуждение ненависти либо вражды на религиозной почве (ст.282 ч.1 УК РФ). В основу приговора по второму обвинению легло заключение назначенной стороной обвинения психолого-лингвистической экспертизы по изъятой у имама книге «Единобожие»¹¹⁰.

При рассмотрении дела судья допускал грубые процессуальные нарушения и некорректное поведение по отношению к защитникам. Так, например, когда они потребовали обеспечить явку в судебное заседание экспертов, ходатайство о допросе которых ранее было удовлетворено, судья в грубой форме прервал их, угрожая вызвать судебных приставов для удаления их из зала.

Защитник обжаловал приговор в кассационном порядке, но безрезультатно. В декабре 2007 г. жалоба по делу Антона Степаненко была направлена в Европейский суд по правам человека.

Правоохранительные органы запугивали и других подзащитных этого адвоката, а также допрашивали его бывших помощников. Была предпринята попытка возбудить уголовное дело об уклонении от уплаты налогов в отношении его коллеги из того же адвокатского бюро. Телефонный номер другого адвоката из этого бюро был поставлен на

¹¹⁰. Первая из запрещенных в современной России мусульманских книг – решение о признании ее экстремистской вынесено Савеловским районным судом г. Москвы от 02.04.2004. Считается одной из основных книг «ваххабитов».

сайт, предлагавший сексуальные услуги, в результате чего этот адвокат не мог нормально работать из-за постоянных звонков.

Адвокат дал свое объяснение преследованиям за религиозное инакомыслие: по его словам, воззрения, расходящиеся с официально принятыми, считаются экстремизмом – аналогично тому, как раньше такие воззрения расценивали как антисоветскую пропаганду. Он заявил также, что группа экспертов попросту издевается над религиозными людьми, делая выводы, опирающиеся на сугубо личные мнения. Адвокаты, практически, не имеют возможности включать в экспертные группы, формируемые для проведения назначенных судом экспертиз, кандидатуры независимых экспертов – суды отказывают им в этом. В результате, заключения таких экспертиз имеют значительно больший вес, чем мнения специалистов, приглашенных защитой, которые суд, фактически, не учитывает. Так, например, для разъяснения понятия «джихад» защита вызвала специалиста – автора докторской диссертации по исламоведению, – но его показания были расценены судом как необъективные.

Адвокат объяснил, что подобное часто происходит не только в делах по обвинениям в «исламском экстремизме», но и в случаях, касающихся других конфессий – за исключением православия, которое в современной России стало, фактически, «государственной религией».

III.4.2 Дело о «Джамаат Таблиг», Астраханская область, 2007 г.

9 июня 2007 г. в Икрянинском районе Астраханской области сотрудниками милиции были задержаны 5 членов мусульманского движения «Джамаат Таблиг»¹¹¹ («Общество проповедников»): двое москвичей, два брата – жители Астрахани и гражданин Таджикистана. Они собрались вместе незадолго до этого, чтобы путешествовать по селам Астраханской области и проповедовать ислам. Перед началом своих поездок по Икрянинскому району они посетили местный РОВД, чтобы сообщить правоохранительным органам о своих намерениях и целях.

В селе Светлое их остановили ночью по дороге из мечети, избили, после чего завели в дом, в котором они остановились – к этому моменту там уже находились сотрудники милиции. При обыске милиционеры выбрали по своему усмотрению 3 сумки из 5, принадлежавших задержанным. Из одной они сразу же извлекли гранату, CD-диски и какие-то листовки, из двух других – пакетики с зеленым веществом, которое, как выяснилось впоследствии, оказалось марихуаной. Задержанные заявили, что найденные запрещенные предметы им не принадлежат. Остальные 2 сумки сотрудники правоохранительных органов проверять не стали, что косвенно подтверждает версию о том, что все это было ими подброшено непосредственно перед обыском.

Троих, чьи сумки были досмотрены, доставили в районный ОВД. На следующий день двух других допросили как свидетелей по возбужденному тут же уголовному делу и отпустили, остальных оставили под стражей. По словам одного из свидетелей, сотрудник РУБОП, беседовавший с ними, заявил, что если они будут продолжать «эти хождения» по селам, то в следующий раз в их вещах «найдут что-то посерьезнее».

В отношении двоих из задержанных были возбуждены уголовные дела о незаконном хранении наркотиков (ст. 228 ч.1 УК РФ). Также уголовное дело было возбуждено в отношении третьего, в чьей сумке оказались граната, листовки и CD-диски.

В течение следующего месяца оставшийся на свободе москвич постоянно находился под наблюдением сотрудников правоохранительных органов. В конце концов, его

111. Джамаат Таблиг – мусульманское движение, члены которого свою цель видят в проповеди ислама. В «Справке», составленной сопредседателем Совета муфтиев России, председателем Духовного Управления мусульман Азиатской части России Н.Ашировым указано: «Общество проповедников твердо придерживается принципа неполитического общественного движения, выступающего против всяких форм насилия над человеком, в т.ч., духовного. При проведении проповедей категорически отказывается от обсуждения политических вопросов. Применение каких-либо военных и вообще насильственных действий в своей деятельности считает греховным и поэтому неприемлемым».

предупредили, что в очередном селе, куда он намеревался приехать с проповедями, его уже поджидает милиция, и если он не хочет снова попасть на «маски-шоу», то ему лучше уехать. Что он и вынужден был сделать

Дело в отношении двоих обвиняемых, в сумках которых столь неожиданно оказалась марихуана, рассматривалось в Икрянинском районном суде Астраханской области под председательством судьи А.С.Сухачева. По словам одного из них, милиционеры, давая свидетельские показания в судебном заседании, путались в «воспоминаниях»: так, один из них заявил, что гранату и литературу на арабском языке изъяли из сумки этого подсудимого.

Приговором от 9 октября 2007 г. этот человек был осужден на 5 месяцев лишения свободы в колонии-поселении.

Аналогичный приговор за «хранение» марихуаны был вынесен и в отношении второго «таблиговца».

CD-диски и литература на арабском языке, изъятые из сумки третьего, были направлены на лингвистическую экспертизу, однако позднее они не использовались в качестве доказательств по делу. Ему было предъявлено обвинение по ст. 222 ч.1 УК РФ за незаконное хранение боеприпасов. Рассмотрение его дела в суде закончилось весной 2008 г. приговором, по которому он был осужден к лишению свободы на срок, проведенный им под стражей во время предварительного следствия и судебного рассмотрения.

IV Другие направления борьбы с экстремизмом

Борьба с экстремизмом ведется по разным направлениям. Не всегда дела заканчиваются судебными процессами и обвинительными приговорами. Вместе с тем, репрессии за мнимый экстремизм, бесспорно, способствуют созданию общего климата запугивания НПО, СМИ, политических движений, профсоюзов и религиозных организаций. Обвинения в политическом экстремизме – один из инструментов, используемых российским правительством с 2000 г., чтобы упрочить посредством партии «Единая Россия» свой контроль над сферой политики и задушить все протестные движения. Так, например, оппозиционные объединения - такие как «Другая Россия» Г.Каспарова или «Национально-большевистская партия» Э.Лимонова, - регулярно становятся жертвами политических и юридических атак, которые прикрываются борьбой с экстремизмом. Партия власти позиционируется как «центристская», при этом власти борются с ультраправыми или ультра-националистами точно так же, как с анархистами или антифашистами. Дела в рамках борьбы с экстремизмом, равно как и дела, описанные выше, ведутся с нарушениями процессуальных норм, и в первую очередь - прав защиты.

IV.1 Дело о взрыве поезда «Грозный-Москва»

Расследование

12 июня 2005 г. в Московской области был взорван пассажирский поезд, следовавший из Грозного (Чеченская Республика) в российскую столицу. Среди его пассажиров было много жителей Чечни, ехавших в Москву на лечение. Взрыв бомбы весом от 4 до 5 кг привел к тому, что 5 вагонов поезда сошли с рельсов. Погибших не было, за медицинской помощью обратились 42 человека.

Под подозрением оказались двое: 47-летний инженер Михаил Клевачев и 48-летний предприниматель, бывший химик-исследователь Владимир Власов. Клевачев в прошлом участвовал в боевых действиях в Боснии на стороне сербов. Среди обнаруженной у него литературы оказались руководство по выживанию в экстремальных условиях, военные книги и сербские националистические издания. Биография Власова менее примечательна: университетская карьера, спокойное существование, отсутствие судимостей. Обвинение использовало против Власова тот факт, что у него нашли экземпляр «Майн кампф» и произведения Э. Лимонова¹¹².

Правозащитные организации (за исключением «Мемориала», который занимался этим делом) на этот раз не особенно стремились защищать обвиняемых, т.к. эти, как впоследствии выяснилось, жертвы судебной произвола воспринимались ими как сторонники или даже активисты националистических группировок. О националистических симпатиях Клевачева можно судить по его участию в боевых действиях в Югославии и по найденной у него литературе. Тем не менее, эти факты, сами по себе, не могут быть основой обвинения или служить прикрытием его лакун.

По версии обвинения, Власов и Клевачев действовали как организованная группа, движимая расовой ненавистью к лицам неславянского происхождения, которая в течение длительного времени и при разделении обязанностей планировала преступление – убить

112. В России «Майн кампф» легко приобрести, так же, как и произведения Эдуарда Лимонова, который, в свою очередь, сражался в Югославии и который является одним из лидеров оппозиционной Кремлю коалиции.

множество людей и нанести значительный ущерб. Аргументация опирается также на обвинения в терроризме (т.е. совершение взрыва, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба в целях воздействия на принятие решения органами власти).

Родственники осужденных считают, что при расследовании дела о подготовке и проведении теракта не был принят во внимание ряд существенных обстоятельств – например, таких как отсутствие отпечатков пальцев обвиняемых на вещественных доказательствах. Обвинение в приготовлении взрывчатых химических веществ опирается на сомнительную экспертизу и не учитывает личных данных одного из обвиняемых. В частности, наличие химической продукции, обнаруженной при обыске у Власова, объясняется тем, что он – профессиональный химик, основавший предприятие по производству химикатов. Уже после вынесения приговора адвокат одного из обвиняемых отметил, что рельс, который эксперты осматривали для определения использованной взрывчатки, в ходе суда любопытным образом «изменился» в размерах.

Судебный процесс

30 ноября 2006 г. по итогам процесса в Московском областном суде и 3-часового обсуждения присяжные предоставили судье письменный вариант вердикта, после чего должно было начаться его оглашение. Изучив его, судья сообщила, что в вердикте допущены серьезные ошибки, и потребовала их исправить. Примерно через час присяжные передали судье исправленный вариант, однако она заявила, что ошибки остались неисправленными, и объявила о переносе заседания на следующий день. Однако тут старшина присяжных взяла самоотвод по семейным обстоятельствам, и в результате, вердикт был аннулирован. На следующий день присяжные должны были выбрать нового старшину и снова уйти в совещательную комнату.

На следующем заседании суда прокурор заявил ходатайство о роспуске коллегии присяжных, т.к., по его утверждению, члены коллегии общались с адвокатами обвиняемых, в связи с чем они не могли вынести объективный вердикт. Суд удовлетворил ходатайство прокурора, и коллегия была распущена. Уже после этого некоторые из ее членов заявили журналистам, что подсудимые были ими оправданы большинством голосов.

По мнению ряда свидетелей этого процесса, его итог стал результатом манипуляций. По словам родственников одного из подсудимых назначенное на 1 декабря заседание суда было перенесено судьей из одного зала в другой, о чем ни присяжные, ни адвокаты не были предупреждены. В коридорах и на лестницах они помогали друг другу найти нужный зал – эти их разговоры и дали прокурору «основания» объявить о сговоре между ними. Газета «Коммерсант», в свою очередь, предположила, что ходатайство прокурора о роспуске коллегии было вызвано тем, что на его глазах адвокат одного из потерпевших чеченцев нарочно обращался к одному из присяжных.

Некоторые члены жюри впоследствии сообщили о давлении на них со стороны судьи в ходе процесса: он якобы просил их «не подводить» его и учитывать, что обвиняемые были в действительности куда опаснее, чем могли показаться. По их словам, он говорил: *«Государство тратит на вас деньги (членам жюри выплачивается денежная компенсация) - нужно, чтобы вы признали их виновными, не давайте им вас обмануть».*

Были сообщения и о фактах манипуляций присяжными: *«судья заменил 7 присяжных запасными из-за недостатка объективности. Для сравнения, во время второго процесса не было отведен ни один из присяжных, но 4 приняли решение о самоотводе».*

Близкие обвиняемых считают, что главным критерием при отборе новой коллегии присяжных была их сговорчивость. В марте 2007 г. эта коллегия 10 голосами из 12 признала обвиняемых виновными по всем предъявленным статьям. 10 апреля Владимир Власов и Михаил Клевачев были приговорены, соответственно, к 18 и 19 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Дело о взрыве поезда «Грозный-Москва» получило широкий резонанс в СМИ. Первый канал телевидения дал в эфир репортаж, в котором слово было предоставлено семье Власова, его адвокату и членам первой коллегии присяжных, вынесшей оправдательный

вердикт. Газета «Коммерсант» – одно из авторитетных российских изданий, – посвятила этому делу ряд публикаций с изложением версии обвиняемых о произошедшем. Одновременно процесс освещался и изданиями, имеющими репутацию ультранационалистических, например газетой «Завтра».

IV.2 Дела о выставках в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова

Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова – единственное в своем роде учреждение, которое одновременно является и общественным правозащитным центром, и неправительственным музеем. С момента его открытия, центр им. Сахарова имеет довольно большую свободу действий по сравнению как с музеями, работающими по более строгому уставу, так и с другими НПО. Он имеет юридический статус независимого культурного учреждения и зарегистрирован как международная НПО. Традиционно Центр предоставляет помещения для встреч оппозиционных движений. Кроме того, в нем проходят художественные выставки.

С самого его основания и вплоть до августа 2008 года исполнительным директором Фонда Сахарова и директором Центра являлся Юрий Самодуров.

Две из проведенных Центром выставок вызвали весьма бурную общественную реакцию. В первом случае она была довольно неожиданной – речь идет об представленной в 2003 г. экспозиции «Осторожно, религия!», которая призывала задуматься об опасностях, связанных с клерикализацией общества. 40 художников свободно выразили свое мнение на эту тему. Авторы выставки ставили вопрос не о вере как таковой, а скорее, о месте института церкви в государстве. Пресса активно комментировала ее – вышло около 1200 публикаций.

Вместе с тем, частью православного сообщества экспозиция была воспринята как антирелигиозная. Вскоре после ее открытия на нее совершили налет лица, которые решили, что эта экспозиция, хотя она была выставлена в отдельном изолированном помещении, оскорбляет их религиозные чувства. Выставку не просто разгромили – было выдвинуто требование возбудить уголовное дело против ее организаторов и участников.

После 2-летнего расследования дело против директора Центра Юрия Самодурова, музейного хранителя Людмилы Васильевской и художницы Анны Михальчук было передано в суд. Во время процесса Самодуров снова и снова старался объяснить цели выставки. Социологи и уважаемые в профессиональной среде историки искусства также пытались это сделать, но все это не убедило сторону обвинения – прокуроры потребовали трех лет лишения свободы для организатора, двух лет для музейного хранителя, а также уничтожения произведений.

Приговором, оглашенным 28 марта 2005 г., Анна Михальчук была оправдана, а Самодуров и Васильевская признаны виновными в возбуждении вражды и унижении достоинства группы лиц по признакам национальности и отношения к религии, совершенным публично и с использованием своего служебного положения (п.«б» ч.2 ст.282 УК РФ), каждому из них было назначено наказание в виде штрафа в размере 100 тысяч рублей. 27 из 40 произведений были признаны «орудием преступления». Решение, судя по всему, принималось на самом высоком уровне.

Выставка была открыта в течение всего 4 дней; ее посетили около 60 человек (художники и их друзья) на открытии, к ним можно добавить еще 20 посетителей, успевших осмотреть выставку до того, как она была разгромлена. Большинство тех, кто ее обсуждал, не видели ни одного экспоната.

После такого финала в среде художников возникли резонные опасения, а директора музеев стали проявлять осторожность и отказываться от некоторых проектов. История «осужденной выставки» выявила тенденцию к запугиванию культурных кругов под прикрытием борьбы с экстремизмом: ведь преследования были начаты по обвинениям в «возбуждения ненависти по признаку отношения к религии».

В свою очередь, откликаясь на эти процессы в обществе, Самодуров решил провести новую выставку «Запретное искусство - 2006». Ее куратором стал Андрей Ерофеев – заведующий отделом новейших течений Третьяковской галереи. Выставка проходила в музее им. Андрея Сахарова с 7 по 31 марта 2007. Перед экспонатами была выстроена стена с отверстиями, сквозь которые предлагалось посмотреть на фотографии, картины, коллажи и другие предметы искусства, отвергнутые на других выставках. Это были произведения весьма известных современных российских художников, выставляемых в России и во всем мире - таких как Илья Кабаков, Александр Косолапов, Александр Савко, Михаил Рогинский, группа «Синие носы» и т.д. Некоторые разделы выставки были запрещены для просмотра детьми младше 16 лет. Таким образом, лица старше 16 лет, приходившие на выставку и потом посчитавшие себя оскорбленными, знали, что именно они идут смотреть, и делали это исключительно по собственной инициативе.

Тем не менее, в адрес выставки последовал ряд угроз. Два пикета - фашисты и националисты, - пытались преградить путь к центру им. Сахарова. На этот раз к выставке, на которой были собраны предметы искусства как советской эпохи, так и современности, были предъявлены следующие претензии:

- 1) использование религиозных образов (икон) – абсурдное обвинение, т.к. над сакрализацией идеологии насмеялись еще художники советской поры ;
- 2) присутствие в произведениях мужских и женских обнаженных тел, демонстрируемых в залах, разрешенных детям до 16 лет;
- 3) игра слов из ряда ненормативной лексики, которые, тем не менее, имеются в словарях и повсеместно используются; в детских рисунках использовались слова, признанные грубыми - например «пенис».

Самодуров призвал бороться против цензуры, выступив на радио«Эхо Москвы». Реакция была бурной: кто-то опубликовал в Интернете призыв сжечь экспозицию, было разбито окно, в офисе обнаружены следы распылителя.

В мае 2008 снова было возбуждено уголовное дело по статье 282 ч.2 п. «б» УК РФ; в качестве обвиняемых по нему были привлечены Юрий Самодуров и Андрей Ерофеев.

В обвинительном заключении, утвержденном таганским межрайонным прокурором г. Москвы, говорится: «На выставке демонстрировались произведения, содержащие унижительные и оскорбительные изображения в отношении к христианской религии и к гражданам, исповедующим эту религию, в особенности православным». Следствие назначило несколько экспертиз, в том числе, экспертам-филологам и психологам, на которые были переданы выставленные экспонаты. Одна из них – эксперт по иконографии, – указала: «Отрицательные импульсы, исходящие от экспонатов, могут спровоцировать агрессию или, по меньшей мере, отсутствие уважения в отношении религиозных объектов, представленных на выставке, или любых других предметов религиозных культов». Без каких-либо дальнейших объяснений эксперт сделала заключение, что подобные предметы искусства склоняют людей к поджогам домов религиозных лидеров и к убийству их самих, а также их детей.

В июне 2008 г. Андрея Ерофеева уволили из Третьяковской галереи. Менее чем через 2 месяца, в августе, Юрий Самодуров принял решение уйти в отставку с поста директора Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова.

В июле 2008 г. уголовное дело было направлено в суд, однако в конце августа в связи с болезнью Андрея Ерофеева производство по нему приостановили на неопределенный срок.

3 апреля 2009 г. в Таганском районном суде Москвы состоялись предварительные судебные слушания. Защита просила вернуть дело в прокуратуру из-за неправильно составленного обвинительного заключения, но суд это ходатайство не удовлетворил. «Обвинение по существу абсурдно, нельзя судить людей за организацию выставки», – сказала адвокат одного из обвиняемых. Защита настаивала также на повторном проведении ряда судебных экспертиз – суд отклонил и это ходатайство.

В ходе последних лет были возбуждены и доведены до суда также многие другие дела, связанные с обвинениями в экстремизме. Упомянуть обо всех в этом докладе невозможно. Информационно-аналитический центр «СОВА» ведет постоянный мониторинг таких дел и выпускает доклады по его результатам. Можно констатировать, что антиэкстремистское законодательство, хоть и недостаточно, но все же применяется против организаций, действительно являющихся политически экстремистскими и призывающими к религиозной или расовой ненависти, для борьбы с которыми эти законы и были созданы. Вместе с тем, очень часто это законодательство используется не по назначению, а именно – для создания препятствий деятельности правозащитных организаций или оппозиционных политических движений. В приложении фигурируют случаи, относящиеся и к первой категории (взрыв на Черкизовском рынке в Москве), и ко второй (дело о поезде «Нева-экспресс» и об Обществе российско-чеченской дружбы).

V Заключение и рекомендации

Террористические акты и совершенные против мирного населения преступления не могут иметь не малейшего оправдания. Ответственные за них лица должны предстать перед правосудием, при строжайшем соблюдении универсальных норм защиты прав человека. Но несмотря на то, что борьба с терроризмом оправдана и необходима, внимательный анализ региональных и национальных механизмов показывает, насколько такая борьба может быть использована для ущемления прав и основных свобод населения. Принимая во внимание то, что в борьбе с терроризмом необходима конфиденциальность рассматриваемых сведений, а иногда и методов расследования, злоупотребления этой «непрозрачностью» действий правоохранительных органов должны строжайше пресекаться. Предлагаемый отчет международной миссии описывает многочисленные примеры грубейших нарушений прав человека, допущенных в ходе антитеррористических операций, или же просто неправомερных действий, совершаемых под предлогом антитеррористических мер.

Внимание миссии было сосредоточено на различных институциональных механизмах, действующих в стране, а также на главных объектах антитеррористической борьбы в РФ.

В России создан «многослойный» юридический механизм, состоящий из:

- антитеррористического законодательства, подвергнувшегося существенной правке в 2006г.;
- законов против экстремизма, принятых в 2002 г. и пересмотренных в 2007 г. (они широко используются проти политической оппозиции, СМИ и религиозных объединений);
- Уголовного Кодекса, периодически изменяемого в целях его адаптации к требованиям двух вышеупомянутых законов. Некоторые статьи Уголовного кодекса часто используются в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Этот «многослойный» механизм направляют против различных групп в разных регионах страны. Причиной многих институциональных и юридических нововведений стало, в первую очередь, происходящее на Северном Кавказе. Объектом масштабных преследований – с использованием всех трех элементов вышеупомянутого юридического механизма, – являются мусульманские организации. Наконец, законодательный комплекс направлен на борьбу с радикальными политическими организациями – от скинхедов-неонацистов до антифашистов-анархистов.

Новое антитеррористическое законодательство, принятое в 2006 г., содержит ряд пунктов, угрожающих правам человека. Это, в частности, относится к заложенной в нем возможности отступать от принципов правового государства, объявив о начале контртеррористической операции («КТО»), которая не имеет ни временных, ни пространственных границ: ее территория определяется произвольно руководителем операции. Режим «КТО» означает отсутствие всякой отчетности и всякого контроля со стороны парламента или международного сообщества.

В новое определение терроризма входит не только «практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий», но также «любая идеология насилия». Что касается «террористической деятельности», то под ней, среди прочего, подразумевается пропаганда идей терроризма, распространение материалов, призывающих к осуществлению террористической деятельности, оправдание или поддержка террористической деятельности, любое пособничество, включая передачу информации, могущей содействовать террористам.

Законодательство по борьбе с экстремизмом, пересмотренное в августе 2007 г., было изначально, при его создании в 2002 г., предназначено для борьбы с экстремистскими и расистскими ультраправыми организациями. В действительности же, оно куда больше использовалось против российской политической оппозиции, а также против некоторых газет и неправительственных организаций, освещавших ситуацию на Северном Кавказе.

На местах миссия FIDH и Комитета «Гражданское содействие» смогла получить многочисленные свидетельства, показывающие, что под прикрытием антитеррористической борьбы и/или борьбы с экстремизмом в РФ совершаются:

- 1 – многочисленные злоупотребления в отношении гражданского общества, которые стали возможными, в частности, из-за нечеткости определений экстремизма и терроризма; преследование некоторых групп, в особенности представителей мусульманской общины. Создан климат запугивания частных лиц, НПО, движений и ассоциаций;
- 2 – многочисленные нарушения юридических процедур, в том числе: угрозы и оскорбления в ходе задержания, попытки подбросить наркотики или оружие подозреваемым (в их квартиры, автомобили или сумки); получение под пытками показаний, подтверждающих версию обвинения; фальсификация фактов, вещественных доказательств и свидетельств; длительное – сверх предусмотренного законом времени, – содержание арестованных в изоляторах временного содержания (ИВС); злоупотребления и неправомерное вмешательство прокуратуры в ход судебного процесса. Повсеместно наблюдается зависимость судей от органов и представителей исполнительной власти.

Мусульманская община – не единственная группа населения, страдающая от методов ведения Россией антитеррористической борьбы. Преследуются представители и других конфессий, за исключением традиционного русского православия, которое государство, будучи светским, тем не менее, всеми силами защищает и, фактически, предоставляет ему режим наибольшего благоприятствования.

Активность репрессивной кампании возросла после взятия заложников в театре на Дубровке (2002 г.) и в школе в Беслане (2004 г.). Она не только демонстрирует участие российского руководства в борьбе с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г., но и отражает стремление властей РФ использовать эту борьбу для достижения своих внутри- и внешнеполитических целей.

Вместе с тем, на международном уровне Россия не разработала настоящей политики сотрудничества со своими западными соседями в сфере контртерроризма, несмотря на то, что необходимость бороться с терроризмом многократно провозглашалась в различных «дорожных картах» переговоров о новом Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС.

Совсем иначе дело обстоит с восточными соседями, с которыми сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом ведется в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС или «Шанхайский клуб»). Эта постоянная межправительственная организация по безопасности была создана после принятия соответствующей декларации 15 июня 2001 г.; в нее входят Российская Федерация, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и Китайская Народная Республика. Организация располагает Региональной антитеррористической структурой (РАТС) со штаб-квартирой в Ташкенте. В контексте этого сотрудничества РФ отказывается предоставлять статус беженца выходцам из стран «Шанхайской шестерки», которых на родине преследуют по политическим и религиозным мотивам. Более того, Россия экстрадирует в некоторые из этих стран лиц, разыскиваемых их властями. Часто фактические экстрадиции осуществляются с грубыми нарушениями закона – вплоть до пособничества российских правоохранительных органов и спецслужб в похищении и незаконном вывозе таких лиц через границу РФ.

Можно констатировать тенденцию к унификации подходов к борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом во всех странах-членах ШОС, которая прямо вытекает из соглашений, заключенных в рамках этой организации. В частности в качестве основных

целей, задач и принципов сотрудничества в них названы: «выработка общих подходов государств - членов ШОС к борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» и «совершенствование правовых основ сотрудничества, а также развитие и гармонизация законодательств государств - членов ШОС в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

В результате, например, показательный опыт Узбекистана в сфере религиозных или политических репрессий перенимается другими странами ШОС. Отметим, что упомянутое выше решение Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. о запрете организаций, признанных террористическими, было принято через месяц после ратификации Россией Шанхайской Конвенции, состоявшейся 10 января 2003 г. Вполне вероятно, что эти два события взаимосвязаны.

ОПАСЕНИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Общей характеристикой всех вышеупомянутых дел является нарушение судебных процедур

FIDH и Комитет «Гражданское содействие», собрав свидетельства ряда лиц в Москве, Казани и Набережных Челнах, обратили особое внимание на следующие проблемы:

- 1 – При расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел исследуемых категорий в российской правоприменительной практике наблюдаются систематические и грубые нарушения в том, что касается:
 - условий ареста, обыска, использования свидетелей, так или иначе заинтересованных в исходе дела: множество потерпевших говорит об угрозах и оскорблениях, многочисленных (и нередко удачных) попытках подбросить наркотики, боеприпасы, оружие или взрывчатку в дома арестованных.
 - методов ведения предварительного следствия: систематическое использование жестоких методов обращения, иногда с применением пыток и/или угрозы пыток, чтобы вымогать признания вины или получать показания против других обвиняемых.
 - условий предварительного содержания под стражей – в частности, неправомерно длительное пребывание в ИВС (изоляторе временного содержания, нахождение в котором предшествует расследованию и переводу в следственный изолятор).
 - независимости правосудия: злоупотребления и неправомерное вмешательство органов прокуратуры в судебные процессы, что говорит о подчиненности суда исполнительной власти.
 - выведение из-под юрисдикции суда присяжных ряда категорий уголовных дел, в т.ч., связанных с обвинениями в терроризме, что создает еще более благоприятные условия для осуждения лиц по сфабрикованным обвинениям.
- 2 – Несоблюдение прав защиты, как-то:
 - ангажированность предоставляемых (а в ряде случаев – навязываемых) обвиняемым «бесплатных» адвокатов, зачастую практически открыто работающих в интересах следствия, а не своих подзащитных; среди таких адвокатов нередки проявления коррумпированности;
 - систематическое использование в ходе расследования и судебного рассмотрения дел ангажированных экспертов, которым поручается проведение назначенных следствием и судом экспертиз; повсеместные отказы во включении в состав комиссий экспертов, предложенных защитой; отказы судов принять во внимание мнения независимых специалистов. Проблема допустимости доказательств – принятие судами доказательств, полученных под давлением и/или с применением пыток, а нередко – использование сфабрикованных доказательств, что дискредитирует судебную процедуру;
 - вынесение обвинительных приговоров в подавляющем большинстве судебных процессов, что явно демонстрирует обвинительный уклон правосудия;

- манипулирование присяжными, что приводит (как в деле о взрыве бытового газопровода в Бугульме к отмене оправдательных приговоров под надуманными предложениями и к созыву нового жюри, которое вынесет вердикт о виновности. Это манипулирование является побочным эффектом меры, изначально задуманной для приведения российской системы правосудия в соответствие с международными стандартами.

В сложившихся условиях для лиц, оказавшихся жертвами репрессивной кампании, единственным средством защиты становится Европейский суд по правам человека. Однако длительность процедуры рассмотрения жалоб в Страсбурге существенно снижает для заявителей, осужденных к лишению свободы, шансы на своевременное восстановление их прав. FIDH и Комитет «Гражданское содействие» напоминают, что Россия блокирует реформу Суда, которая позволила бы, среди прочего, ускорить процедуру рассмотрения дел.

- 3 – При проведении антитеррористических операций систематически отмечаются:
 - отступление от принципов правового государства в случае провозглашения «зоны контртеррористической операции» («КТО») ее «руководителем» (о чьих функциях и полномочиях закон умалчивает), не ограниченной ни в пространстве, ни во времени (в отличие от чрезвычайного положения, ограниченного 30 днями, хотя и с возможностью продления, при обязательном уведомлении парламента страны и Совета Европы); режим «КТО» позволяет перлюстрировать корреспонденцию, неограниченно вторгаться в частную жизнь граждан, контролировать и ограничивать (до полного запрета) любые формы коммуникаций, запрещать публикации в прессе (за исключением официальных каналов), перемещать население, действовать без всяких переговоров, сбивать гражданские самолеты, «представляющие угрозу» и т.д.
 - постоянные нарушения даже нового закона, созданного с целью узаконить методы, ранее считавшиеся неправомерными. В частности, не прекращается практика похищений, жестокого обращения, пыток и бессудных казней.
 - соперничество между ФСБ и службами МВД, завершившееся в пользу первого; аномалии, вызванные исчезновением некоторых должностей на муниципальном или региональном уровнях, а также появлением некоторых структур, непредусмотренных законом (НАК - Национальный антитеррористический комитет).
- Непрозрачность и несоответствие международным нормам правовой базы и процедуры экстрадиции между Россией и государствами – членами ШОС, в частности Узбекистаном.
- 4 – В рамках борьбы с экстремизмом приходится констатировать:
 - преследования некоторых групп населения – мусульман, националистов, ультралевых, посредством обвинения их в принадлежности к экстремистским группировкам или в распространении экстремистской литературы, что говорит о том, что эти преследования являются идеологически мотивированными, т.к. мнения и убеждения лиц зачастую квалифицируются как преступные.
 - практику запугивания НПО и общественных объединений путем прокурорских «предупреждений» и «предостережений», которые могут, в конце концов, привести к роспуску организации.
 - установление общего климата подозрительности, запугивания и постоянного политического и общественного контроля. В данный момент осуществляется плавный переход от бывшей системы контроля, осуществляемого армией/милицией/ФСБ, к системе, регулируемой органами правосудия. Этот переход стал возможен благодаря причислению к преступным ряда мировоззренческих установок, которые, в первую очередь, являются проявлениями свободы слова и убеждений.

РЕКОМЕНДАЦИИ

На основе наблюдений, сделанных в ходе миссии, FIDH и Комитет «Гражданское содействие» призывают:

А – Российские власти:

- 1 – Привести законодательство и правоприменительную практику в соответствие с международными договорами в сфере прав человека, ратифицированными РФ;
- 2 – Принять меры, направленные на искоренение существующей практики нарушения принципов независимости судебной системы, свободы слова, мнений и объединений и гарантировать их соблюдение в любых обстоятельствах.
- 3 – Внести изменения в действующие антитеррористическое и анти-экстремистское законодательство с целью
 - а – конкретизации области их применения;
 - б – приведения их в соответствие с международными обязательствами России в сфере прав человека, в частности с обязательством уважать принцип законности, право не быть задержанным произвольно (без ордера на арест) и право на судебный контроль за правомерностью содержания под стражей, как того требует статья 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.
- 4 – Вернуть под юрисдикцию суда присяжных категории дел, исключенные из нее Федеральным законом N 321-ФЗ от 30.12.2008 г.
- 5 – Гарантировать принцип равноправия сторон в уголовном процессе: ликвидировать существующие ныне привилегии обвинения перед защитой, в частности в области назначения экспертиз и выбора экспертов для их проведения; уравнивать сторону защиты со стороной обвинения в возможности доступа к информации о персональном составе коллегий присяжных.
- 6 – Обеспечить своевременную официальную публикацию полных текстов решений Верховного Суда о запрете деятельности организаций в сроки, позволяющие обжаловать указанные решения в соответствии с законодательством РФ. Опубликовать полные тексты решений Верховного Суда:
 - а – от 14.02.2003 г. о запрете 15 организаций, признанных террористическими;
 - б – о расширении указанного списка и внесении в него еще двух организаций;
 - в – от 10.04.2008 г. о признании организации «Нурджулар» экстремистской и запрете ее деятельности на территории РФ.
- 7 – Провести всестороннюю и объективную экспертизу материалов и деятельности организаций, запрещенных указанными выше решениями Верховного Суда РФ, и по ее результатам пересмотреть эти решения.
- 8 – Установить общий порядок вызова адвокатов для безвозмездного оказания юридической помощи подозреваемым и обвиняемым путем письменного обращения сотрудников следственных органов в адвокатские коллегии; разработать меры, направленные на исключение постоянного сотрудничества следователей с адвокатами по собственному выбору.
- 9 – Направить в Комитет ООН против пыток периодический государственный отчет.
- 10 – Дать более точное определение понятию пытки в российском Уголовном кодексе; недвусмысленно запретить использование пыток в соответствии со статьей 4 Конвенции против пыток, модифицировав статью 117 УК РФ.
- 11 – Систематически проводить объективные и беспристрастные расследования всех случаев применения пыток, насильственных исчезновений, бессудных казней, в которые замешаны представители сил правопорядка.
- 12 – Гарантировать соблюдение принципа неприемлемости доказательств, полученных под физическим или психологическим давлением, в соответствии со статьей 15

Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

- 13 – Выплатить справедливые компенсации жертвам пыток и их семьям в соответствии со статьей 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и учредить программы по возмещению убытков и реабилитации жертв пыток.
- 14 – Ввести надлежащие уголовные, гражданские и административные санкции за нарушения законности судопроизводства (арест, допрос, обращение с заключенными).
- 15 – Пересмотреть дела всех лиц, осужденных по обвинениям в терроризме и в причастности к террористическим организациям, обеспечив в полной мере их право на защиту. При пересмотре дел тщательно и объективно расследовать все заявления о принуждении лиц к даче показаний и о фальсификации доказательств; по результатам расследований реализовать нормы законодательства о недопустимых доказательствах. Во всех случаях оправдания ранее осужденных лиц по результатам пересмотра их уголовных дел признать за указанными лицами право на реабилитацию с применением ее последствий.

Обратить особое внимание на:

- а – дела о выставках в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова – необходим пересмотр дела о выставке «Осторожно, религия!» и прекращение уголовного преследования обвиняемых по делу о выставке «Запретное искусство – 2006».
- б – дело Зары Муртазалиевой – необходимо ее немедленное условно-досрочное освобождение и последующий пересмотр уголовного дела;
- в – дело Заурбека Талхигова – необходимо немедленное обеспечение его квалифицированной медицинской помощью, условно-досрочное освобождение и последующий пересмотр уголовного дела;
- г – дело об «Исламском джамаате» – необходим пересмотр дела, отделение доказанных правонарушений от сфабрикованных обвинений в создании террористической группы и подготовке терактов, освобождение лиц, причастных к противоправным деяниям, и определение наказаний, адекватных содеянному, лицам, совершившим доказанные преступления.
- д – дело о взрыве газопровода в г. Бугульме – необходим пересмотр дела с учетом критериев, изложенных в п.15 настоящих рекомендаций;
- е – дело о взрыве поезда «Грозный-Москва» – необходим пересмотр дела с учетом критериев, изложенных в п.15 настоящих рекомендаций;
- ж – дела, связанные с обвинением лиц в причастности к организации «Хизб ут-Тахрир» – необходим пересмотр всех уголовных дел с учетом критериев, изложенных в п.15 настоящих рекомендаций.
- 16 – Обеспечить соответствующие международным нормам условия содержания заключенных, подозреваемых, обвиняемых и осужденных за преступления, связанные с терроризмом, как и всех узников в целом.
- 17 – Гарантировать лицам, преследуемым в странах их происхождения по политическим и религиозным мотивам, всестороннее и объективное рассмотрение их ходатайств о предоставлении статуса беженца в соответствии с Конвенцией 1951 г. «О статусе беженцев» и Протоколом 1967 г., а также соблюдение статьи 3 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и статьи 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении лиц.
- 18 – Разработать эффективный механизм обучения сотрудников правоохранительных органов международным и национальным нормам в сфере прав человека и систематически контролировать их соблюдение.
- 19 – Положить конец всем актам насилия, преследований и запугивания в отношении представителей гражданского общества и правозащитников; прекратить акты

диффамации против правозащитников; провести беспристрастное и тщательное расследование всех случаев нападения на них и неправомерного возбуждения против них уголовных дел.

- 20 – Включить выработку механизмов, гарантирующих уважение прав человека в ходе борьбы с терроризмом, в рамки отношений РФ с Комитетом Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом.
- 21 – Ратифицировать международную Конвенцию по защите всех лиц от насильственных исчезновений и привести национальное законодательство в соответствие, в частности, квалифицировав насильственные исчезновения как уголовные преступления, как того требует статья 4 Конвенции.
- 22 – Предоставить представителям Специальных Процедур ООН постоянное приглашение, включая Спецдокладчика ООН по защите прав человека в ходе борьбы с терроризмом, и положительно рассмотреть просьбы о приглашении в РФ Спецдокладчиков ООН по Правозащитникам, Свободе выражения, Свободе вероисповедания, а также Рабочих групп ООН по внесудебным казням и по произвольным задержаниям.
- 23 – Создать в кратчайшие сроки необходимые условия для проведения визита Спецдокладчика ООН по пыткам, способствовать осуществлению его работы и предоставить ему всю необходимую информацию, в соответствии с Резолюцией 2001/62 по мандату Спецдокладчика.

В – Организованные формирования

FIDH и Комитет «Гражданское содействие» безоговорочно осуждают нарушения прав человека, допускаемые представителями организованных формирований, и призывают их неуклонно соблюдать международные нормы в сфере прав человека и национальное законодательство. Допускаемые ими нарушения прав человека подлежат расследованию и должны преследоваться по закону при полном соблюдении права на справедливый суд.

С – Международную общественность:

- 1 – Учитывая, что борьба против пыток является приоритетом Евросоюза в соответствии с директивами ЕС, касающимися пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство личности обращения или наказания, FIDH и Комитет «Гражданское содействие» призывают ЕС поднять вопрос о нарушениях прав человека, допускаемых во имя борьбы с терроризмом, в рамках двустороннего диалога с российскими властями.
- 2 – Государства-участники Комитета ООН по борьбе с терроризмом должны инициировать постановку вопроса о нарушениях прав человека при ведении борьбы против терроризма в ходе предстоящего рассмотрения государственного отчета России и обнародовать заключения Комитета.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Помимо перечня статей Уголовного кодекса, наиболее часто упоминаемых в отчете, авторы решили включить в приложения несколько случаев, которые были донесены до сведения исследовательской миссии и заслуживают внимания. Однако прямых свидетельств об этих делах миссия не собирала.

Приложение I

Статьи Уголовного кодекса, наиболее часто встречающиеся в отчете¹¹³

Статья 30 – Приготовление к преступлению и покушение на преступление

- 1 – Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.
- 2 – Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.
- 3 – Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Статья 150 – Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

- 1 – Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, - наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.
- 2 – То же деяние, совершенное родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, - наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.
- 3 – Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, - наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.
- 4 – Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, - наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

113. Неофициальный перевод

Статья 205 – Террористический акт

- 1 – Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях - наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет.
- 2 – Те же деяния, совершенные:
 - а – группой лиц по предварительному сговору;
 - б – утратил силу. - Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ;
 - в – с применением огнестрельного оружия, - наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.
- 3 – Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, а равно сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ, - наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы.

Примечание. Лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Статья 205.1 – Содействие террористической деятельности

- 1 – Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма - наказываются лишением свободы на срок от четырех до восьми лет.
- 2 – Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, -наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Примечания.

- 1– Под финансированием терроризма в настоящем Кодексе понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.
- 2 – Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Предыдущая редакция от 24.07.2002 N 103-ФЗ:

Статья 205.1. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению

1 – Вовлечение лица в совершение преступления, предусмотренного статьями 205, 206, 208, 211, 277 и 360 настоящего Кодекса, или склонение лица к участию в деятельности террористической организации, вооружение либо обучение лица в целях совершения указанных преступлений, а равно финансирование акта терроризма либо террористической организации - наказываются лишением свободы на срок от четырех до восьми лет.

2 – Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, - наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма либо пресечению указанного в настоящей статье преступления террористического характера и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления)

Статья 205.2 – Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма

1 – Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма - наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2 – Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, - наказываются штрафом в размере от ста тысяч рублей до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до четырех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Примечание. В настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Статья 208 – Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем

1 – Создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование - наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

2 – Участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Статья 210 – Организация преступного сообщества (преступной организации)

- 1 – Создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений - наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.
- 2 – Участие в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп - наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.
- 3 – Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, - наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Статья 222 – Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств

- 1 – Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (за исключением гражданского гладкоствольного, его основных частей и боеприпасов к нему), взрывчатых веществ или взрывных устройств - наказываются ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового.
- 2 – Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, - наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет.
- 3 – Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, - наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.
- 4 – Незаконный сбыт газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия, - наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового.

Примечание. Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится

иного состава преступления. Не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в настоящей статье, а также в статье 223 настоящего Кодекса, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Статья 228 – Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

- 1 – Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере - наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.
- 2 – Те же деяния, совершенные в особо крупном размере, - наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Примечания.

- 1 – Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. Не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов изъятие указанных средств, веществ или их аналогов при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.
- 2 – Крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей настоящей статьи, а также статей 228.1 и 229 настоящего Кодекса утверждаются Правительством Российской Федерации.
- 3 – Крупный и особо крупный размеры аналогов наркотических средств и психотропных веществ соответствуют крупному и особо крупному размерам наркотических средств и психотропных веществ, аналогами которых они являются.

Статья 282 – Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

- 1 – Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, - наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.
- 2 – Те же деяния, совершенные:
 - а – с применением насилия или с угрозой его применения;
 - б – лицом с использованием своего служебного положения;

в – организованной группой, -

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 282.1 – Организация экстремистского сообщества

1 – Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности -

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2 – Участие в экстремистском сообществе -

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3 – Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, -

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Примечания.

1 – Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

2 – Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса.

Статья 282.2. Организация деятельности экстремистской организации

1 – Организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года

до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

- 2 – Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, -
наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Статья 318 – Применение насилия в отношении представителя власти

- 1 – Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей -
наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.
- 2 – Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, -
наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Примечание. Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Приложение II

Северный Кавказ. Уголовное дело, сфабрикованное на основании обвинений в терроризме.

Дело Кудаева

Один из 59 подсудимых по уголовному делу.

Кудаев Расул Владимирович, житель селенья Хасанья КБР.

Бывший узник Гуантанамо.

Задержан 23 октября 2005 года, когда находился у себя дома, по подозрению в совершении нападения на пост ДПС «Хасанья» г.Нальчик 13 октября 2005 года. После задержания в 6-отделе (УБОП) г.Нальчик подвергся пыткам и насилию. Пытали с целью получить признания в совершении вооруженного нападения на г.Нальчик.

24 октября 2005 года в 6-отдел г. Нальчик пригласили адвоката с КА КБР Комиссарову И.Ф. для проведения следственных действий (допроса) с Кудаевым Р.В. При прибытии в 6-отдел, следователем Артеменко А. был передан адвокату для ознакомления протокол готового допроса. Адвокату удалось переговорить с Кудаевым Р.В., где последний рассказал о насилии и давлении со стороны сотрудников 6-отдела и что от него требуют признать вину. После беседы с адвокатом, Кудаев Р.В. заявил, что хочет воспользоваться своим Конституционным правом и не давать показания против себя. Но оперативные работники, в присутствии следователя и адвоката, не дали воспользоваться этим правом Кудаеву Р.В., в адрес последнего было множество угроз и обещаний о применении пыток и насилия, угрозы были также и в адрес адвоката. И Кудаеву и его защитнику пришлось подписать протокол допроса.

Имеются подтвержденные сведения о двух вызовах в 6-отдел скорой помощи для Кудаева Р.В.

Из последующего заявления адвоката Комиссаровой в прокуратуру КБР: «Прибыв в 6-отдел, я увидела Кудаева Р.В., который сидел на стуле скорчившись, держась руками за живот, в правой стороне лица в области глаза была обширная гематома и множество ссадин. В кабинете, кроме следователя, находилось еще множество лиц...», «В беседе Кудаев Р.В. мне сказал, что его пытали, избивали, после того, как привезли в 6-отдел. Показания, изложенные в протоколе он не давал, их сочинили, они не соответствуют действительности...».

25 октября 2005 года Кудаев Р.В. был переведен в СИЗО-1 г. Нальчика, где подвергся дальнейшим пыткам.

Адвоката Комиссарову И.Ф., допросили в качестве свидетеля по заявленному ею заявлению о применении пыток в отношении Кудаева Р.В. и отстранили от его защиты.

Со слов самого Кудаева Р.В., его и других задержанных по этому делу, избивали каждый день по несколько часов, пытали электрическим током, выводили на прогулку с закованными наручниками руками за спиной и натравляли на них служебных собак. Давать показания заставляли всех и против всех.

Более или менее насилие прекратилось только в январе 2006 года.

13 октября 2005 года Кудаев Р.В. находился у себя дома целый день, у него были проблемы со здоровьем после возвращения с Кубы, и он проходил амбулаторное лечение. Его видели родственники, соседи и знакомые. Он лично в послеобеденное время разговаривал по телефону с московскими корреспондентами различных газет. Но следствием его алиби даже не проверялось.

12 декабря 2005 года было вынесено постановление городской прокуратурой об отказе в возбуждении уголовного дела по факту применения пыток в отношении Кудаява Р.В.

22 сентября 2006 года Нальчикский городской суд признал незаконным и отменил постановление прокуратуры от 12 декабря 2005 года.

07 декабря 2006 года выносится постановление той же прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела по факту применения пыток в отношении Кудаява Р.В.

25 декабря 2006 года вышестоящим прокурором отменяется постановление от 07 декабря 2006 года и материал возвращается в прокуратуру для дополнительной проверки.

25 января 2007 вновь выносится постановление прокуратурой г. Нальчик об отказе в возбуждении уголовного дела.

Но данное постановление также как и предыдущие было отменено судом как незаконное и материал возвращен для дополнительной проверки. Прокуратурой подано кассационное представление на постановление суда. Верховный суд КБР оставил постановление суда без изменения.

Но прокуратура не смотря на решения суда в шеле этого года выносит аналогичное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Данное постановление прокуратуры так же как и другие было обжаловано, и суд постановлением от 09 ноября 2007 года отменил постановление прокуратуры как незаконное и необоснованное, материалы вернул обратно прокуратуры для проведения дополнительной проверки и принятия решения в соответствии с Законом.

На постановление суда прокуратура представила кассационное представление, в котором заместитель прокурора г.Нальчик указал, что ссылки суда на решения Европейского суда необоснованны. «Звам. Прокурора считает, что практика Евро суда – это практика зарубежных стран, и она не может влиять на судопроизводство в РФ».

На касс. представление защитой поданы возражения.

Кудаяву Р.В., также как и другим задержанным, предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.205, ст.317, п.п. «е», «з» ч.2 ст.105, ч.2 ст.209, ст.162, ст.166, ч.3 ст.222, ч.3 ст.30, п. «а» ч.2 ст.205, ч.3 ст.206, ч.ч.1,2 ст.210, п.п. «а», «б» ч.4 ст.226, ст.279, ч.3 ст.223 УК РФ.

У Кудаява имеются проблемы со здоровьем (боли в сердце, в спине, в области печени). Лечение не проводится. Медикаменты, поступающие от родственников в медицинскую часть СИЗО-1 Кудаяву не выдаются. На жалобы со стороны Кудаява реагируют ухудшением условиями содержания.

По данному уголовному делу идет предварительное слушание в Верховном суде КБР.

14 ноября 2007 года

М.С.Абубакаров

Приложение III

Другие случаи борьбы с «политическим экстремизмом»

Дело о взрыве на Черкизовском рынке

Летом 2006 г. в результате взрыва на Черкизовском рынке погибло 14 человек и еще несколько десятков человек получили ранения. В ходе расследования стало известно о существовании и деятельности «неформального клуба шовинистического толка» под названием «Спас», возглавляемого Николаем Королевым и ведущего борьбу против нелегальной миграции путем насильственных действий. «Спас» действовал как военно-спортивный клуб, однако официально не был зарегистрирован. Следствие показало, что в период с апреля по август 2006 г. эта группа устроила ряд других терактов, в том числе: в научном институте, в рабочем общежитии, в торговых палатках и т.д. Один из участников группы был оправдан в рамках этого дела, но признан виновным в убийстве армянского студента, Вигена Абрамянца, в московском метро в апреле 2007 г. Восемь человек, представших по этому делу перед судом присяжных в апреле 2008 г., были осуждены за терроризм (ст. 205), организацию или участие в преступной группе (ст. 210), незаконные приобретение и хранение оружия и взрывчатых веществ (ст. 222), незаконное изготовление оружия и взрывчатых веществ (ст. 223). Четверо из обвиняемых, в том числе Николай Королев, были приговорены к пожизненному заключению; убийца армянского студента - к 13 годам заключения, еще один участник - к 20 годам. Наконец, еще двое обвиняемых получили по два года тюремного срока.

Это дело – пример судебной процедуры, где обвинение в экстремизме отсутствует (хотя упоминаются «шовинистические мотивы»). При этом, отсутствие такого обвинения не сказывается на тяжести вынесенных приговоров, т.к. оно не так существенно, как обвинение в терроризме, предусматривающее более суровое наказание. На примере данного дела видно, что антитеррористические инструменты могут использоваться и в отношении групп, которые обычно не преследуются российским правосудием в этой сфере.

Другие судебные дела затрагивают ультра-левые круги, как видно на примере дела о поезде «Нева Экспресс».

Дело о поезде «Нева Экспресс»

13 августа 2007 г. поезд «Нева Экспресс» сошел с рельс в Новгородской области, между Петербургом и Москвой. Как выяснилось в ходе следствия, причиной несчастного случая, приведшего к ранению 60 человек, был взрыв.

В ходе расследования, 16 августа 2007 г. были задержаны по обвинению во взрыве, а затем на месяц помещены под стражу два члена Питерской лиги анархистов (ПЛА), Андрей Каленов и Денис Зеленюк. Оба объявили голодовку. Преследования прекратились, и двое ни в чем неповинных граждан были отпущены на свободу в сентябре 2007 г., через месяц после их задержания, под подписку о невыезде. Они подали жалобу о незаконном задержании, и Андрей Каленов требует от государства миллион рублей в качестве компенсации морального ущерба и финансовых расходов, связанных с его заключением.

Третий подозреваемый, Хасан Дидигов, уроженец Чечни, проживающий в Новгородской области, был задержан в августе 2007 г. Он также был отпущен на свободу. В рамках этого дела были задержаны и другие подозреваемые. В октябре 2007 г. по обвинению в терроризме в Ингушетии были арестованы два брата Амирхан и Макшарип Хидриевы, а также Саланбек Дзахкиев. Двое из них были отпущены в апреле 2008 г. под подписку о невыезде. Под стражей в данный момент остается только Макшарип Хидриев. Особое внимание к чеченцам и ингушам объясняется, по словам следователей, тем, что за несколько дней до взрыва на месте преступления были замечены три «лица кавказской национальности». Наконец, в июле 2008 г. дело получило новое развитие: очередные обвинения были выдвинуты в адрес адвоката Магомед Разакова и его подзащитного Саланбека Дзахкиева, уличенных в попытке даче взятки. Они пытались подкупить сотрудника прокуратуры, расследующего

дело о поезде «Нева Экспресс», чтобы добиться от него прекращения преследований против Саланбека Дзахкиева¹¹⁴.

Общество Российско-чеченской дружбы

Общество Российско-чеченской дружбы, созданное в начале войны в Чечне, чтобы информировать российскую общественность о нарушениях прав человека и о ситуации на месте, а также для предоставления помощи гражданскому населению Чечни, неоднократно подвергалось гонениям. Они были направлены как против офиса Общества в Нижнем Новгороде и его директора С. Дмитриевского, так и против местных филиалов на Северном Кавказе, некоторые сотрудники которых были с начала 2000-ых похищены или убиты. В результате судебного процесса, с множеством неожиданных поворотов и при использовании целого арсенала юридических аргументов, относящихся к борьбе с экстремизмом, Общество было закрыто в октябре 2006 г., затем запрещено по итогам суда, проигранного в январе 2007 г., когда Верховный суд подтвердил решение областного суда Нижнего Новгорода, постановившего 13 октября 2006 г. закрыть Общество Российско-чеченской дружбы на том основании, что г-н Станислав Дмитриевский был приговорен к двум годам условно за «возбуждение расовой ненависти» в феврале 2006 г. Действительно, согласно статье 15 Закона о противодействии экстремистской деятельности «в случае, если руководитель или член руководящего органа общественного или религиозного объединения либо иной организации делает публичное заявление, призывающее к осуществлению экстремистской деятельности, без указания на то, что это его личное мнение, а равно в случае вступления в законную силу в отношении такого лица приговора суда за преступление экстремистской направленности соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация обязаны в течение пяти дней [...] публично заявить о своем несогласии с высказываниями или действиями такого лица. Если соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация такого публичного заявления не сделает, это может рассматриваться как факт, свидетельствующий о наличии в их деятельности признаков экстремизма.» Помимо того, судья основывался на статье 19 Федерального Закона о Неправительственных организациях, в соответствии с которой «не может быть учредителем, членом, участником общественного объединения лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности».

Соответственно, эта организация была вынуждена прекратить свою деятельность. После этого Общество возродилось в форме трех новых организаций, в том числе, «Фонда в поддержку толерантности» в Нижнем Новгороде, и было зарегистрировано как юридическое лицо в Финляндии. С тех пор давление на бывших лидеров Общества Российско-чеченской дружбы, с целью заставить их прекратить правозащитную деятельность, не ослабевает. Они в частности находятся под регулярным наблюдением милиции.

22 марта 2007 г. сотрудники милиции явились в офис Фонда, намереваясь обыскать его и задержать двоих из лидеров организации: г-на Станислава Дмитриевского и г-жу Оксану Чельшеву. Последней удалось помешать планам милиции, обратившись к международным правозащитным организациям и западным дипломатам в Москве.

В конце концов, 17 августа 2007 г. Нижегородский районный суд г. Нижний Новгород удовлетворил ходатайство, с которым к нему обратилась уголовно-исполнительная инспекция Нижегородского района г. Нижний Новгород в связи с «нарушением Дмитриевским административного законодательства». Суд постановил, что отныне двукратное совершение Дмитриевским административного правонарушения повлечёт за собой замену условного срока определённого ему наказания на реальный.

114. Lenta.ru, 14 июля 2008 г.

20 марта 2008 г. милиция вторглась в офис «Фонда в поддержку толерантности» Нижнего Новгорода и конфисковала всю компьютерную технику¹¹⁵. Сотрудники милиции также конфисковали мобильный телефон г-на Станислава Дмитриевского, руководителя Фонда и исполнительного директора зарегистрированного в Финляндии «Общества Российско-чеченской дружбы». Ходатайство об обыске офиса «Фонда в поддержку толерантности» было якобы подписано областным отделением прокуратуры.

8 апреля 2008 г. судебные приставы явились в квартиру, где г-н Станислав Дмитриевский проживает со своей семьей, и пригрозили ему, что конфискуют все их имущество «чтобы расплатиться за долги Общества Российско-чеченской дружбы».

В тот же день милиция обыскала дома нескольких членов Фонда и активистов оппозиции в Нижнем Новгороде и в соседнем Арзамасе, в том числе дома **Ильи Шамазова и Юрия Староверова**, принимавших активное участие в проводимом Фондом расследовании военных преступлений и нарушений прав человека во время войны в Чечне. Милиция также обыскала квартиру **Елены Евдокимовой** и конфисковала мобильные телефоны г-на Староверова и г-жи Евдокимовой. Несколько человек, связанных с движением «Другая Россия» в Нижнем Новгороде, также были допрошены как свидетели по другому уголовному делу о предполагаемой подделке программного обеспечения. Оно было начато в октябре 2007 г. против «Фонда в поддержку толерантности», руководителем которого является г-жа **Оксана Чельшева**¹¹⁶.

Следователи также вызвали в суд бывших сотрудников Фонда, которые после этого прекратили в нем работать.

Клеветническая кампания против руководства «Фонда в поддержку толерантности»¹¹⁷

27 июня 2008 г. г-жа Алмаз Чолоян, директор центра помощи мигрантам Нижнего Новгорода, выступила на национальном телевизионном канале НТВ в фильме «Гуманитарный паек» и заявила, что местные активисты-правозащитники развязали против нее клеветническую кампанию. Она выдвинула обвинения против нескольких НПО, в частности против Общества Российско-чеченской дружбы, «Фонда в поддержку толерантности» и оппозиционной коалиции «Другая Россия». Она заявила, что местные активисты-правозащитники - это «мошенники, заинтересованные только в получении денег из-за рубежа».

При этом, г-жа Алмаз Чолоян назвала некоторые имена, в частности имена Станислава Дмитриевского и г-жи **Оксаны Чельшевой**, директора «Фонда в поддержку толерантности» Нижнего Новгорода. После выпуска этого фильма, обвинения, выдвинутые г-жой Чолоян, были широко тиражированы российскими СМИ. Создается впечатление, что власти Нижнего Новгорода ведут спланированную кампанию по преследованию местных диссидентов.

Следует отметить, что самой г-же Чолоян могут быть предъявлены обвинения в правонарушениях, и возможно она действует под давлением. Впоследствии г-жа Чолоян официально подтвердила, что все, сказанное ей на НТВ, является правдой и что она готова отстаивать свою позицию в суде.

Нападение на квартиру г-на Станислава Дмитриевского¹¹⁸

14 августа 2008 г. в 4.20 утра неизвестные совершили нападение на квартиру, расположенную на первом этаже пятиэтажного здания, в которой проживает г-н Станислав Данилевский и его семья. Нападавшие бросили в окно гостиной кирпич, выкрашенный в красный цвет и разрисованный свастиками и угрожающими надписями. Им однако удалось разбить только внешнее стекло, и кирпич упал снаружи, под окном. Оскорбительные

115. См. срочные обращения Обсерватории по защите прав правозащитников (FIDH-OMCT) RUS 002 / 0308 / OBS 041 и RUS 003 / 0408 / OBS 054.

116. См. Ежегодный отчет Обсерватории по защите прав правозащитников за 2007 г.

117. См. Срочное обращение Обсерватории по защите прав правозащитников RUS 007 / 0708 / OBS 118.

118. См. Срочное обращение Обсерватории по защите прав правозащитников RUS 009 / 0808 / OBS 141

надписи и свастики также были обнаружены на входной двери, на кухонном окне и на стене дома. Г-н Дмитриевский немедленно вызвал милицию. Патруль прибыл через 40 минут, а следователи оказались на месте происшествия только около 7 часов утра. Они сняли немного краски для экспертизы и забрали кирпич в качестве улики. По их словам, дело должно было расследоваться местной милицией. Однако съемку места происшествия, а также всех надписей провел нижегородский Комитет против пыток.

Ночью соседи г-на Дмитриевского заметили двух подозрительных субъектов и решили, что это угонщики машин. Поскольку было очень темно, соседи смогли увидеть только фигуры людей, одетых в спортивные костюмы.

Приложение IV

Дело о «Хизб ут-Тахрир», Уфа, 2004 г.

В декабре 2004 г., после акции по раздаче листовок партии «Хизб ут-Тахрир» во время празднования мусульманского праздника «Ураза-байрам»¹¹⁹, в нескольких районах Башкортостана были проведены обыски и задержания. Девять человек из более чем 15 задержанных (по некоторым данным, с 12 по 15 декабря задержали не менее 20 человек¹²⁰) были арестованы по подозрению в причастности к «Хизб ут-Тахрир»: Ринат Габдрахманов и Марсель Алибаев из Уфы, Виталий Рядинский и Ильгиз Гумеров из Баймака, Муса Ахметсафин и Евгений Савельев из Белорецка, братья Булат и Салават Гаяновы и их отец Марс Гаянов из с. Райман Туймазинского р-на.

При обысках в квартирах Габдрахманова и Алибаева, в домах Рядинского и Гаяновых были изъяты боеприпасы и взрывчатые вещества, которые, по заявлениям жен Габдрахманова, Алибаева и Рядинского, а также по утверждению Марса Гаянова, были подброшены им сотрудниками правоохранительных органов. Гаяновым и Рядинскому обвинение в их хранении не предъявлялось, что, по нашему мнению, подтверждает версию подброса.

Во время предварительного следствия многие обвиняемые подвергались пыткам, вплоть до сексуального насилия над одним из них в камере СИЗО¹²¹. Так, например, Марса Гаянова 1 января 2005 г. поместили на 1 день в т.н. «пресс-камеру»¹²², где его избивали до утра, после чего он был снова возвращен в прежнюю камеру. Для того, чтобы предъявить следы побоев адвокату, Гаянову пришлось в течение 12 дней (общенациональных выходных дней, связанных с новогодними и рождественскими праздниками) скрывать травмы от сотрудников СИЗО, которые в противном случае лишили бы его такой возможности.

Имеются сведения об оказании давления на свидетелей по делу и на лиц, оказывавших помощь семьям арестованных.

119. 14 ноября 2004 г. в ряде городов России прошли акция по распространению листовок организации «Хизб ут-Тахрир».

120. Из интервью, записанных Е.Рябининой в июне 2005 г. в Уфе.

121. Из заявлений подследственных и интервью, записанных Е.Рябининой в июне 2005 г. в Уфе. Имеется личное заявление изнасилованного, которое вызывает полное доверие, т.к. для заключенного такая информация означает существенное ухудшение его положения в течение всего срока, который он проведет в местах лишения свободы.

122. Пресс-камера – камера, в которой заключенного избивают или иным способом оказывают на него давление («прессуют») другие заключенные, которым это неофициально поручают администрация тюрьмы или оперативные работники для того, чтобы добиться от человека желаемых ими результатов – в т.ч., его показаний, подтверждающих версию обвинения.

В защиту арестованных в органы государственной власти РФ был направлен ряд заявлений мусульманской общественности Башкортостана с большим количеством подписей.

Подследственным были предъявлены обвинения:

- Ринату Габдрахманову и Марселю Алибаеву – по ст. 205-1 ч.1, 210 ч.1, 222 ч.1 УК РФ
- Виталию Рядинскому, Мусе Ахметсафину и Булату Гаянову – по ст. 205-1 ч.1, 210 ч.1 УК РФ
- Салавату Гаянову и Евгению Савельеву – по ст. 205-1 ч.1, 210 ч.2 УК РФ
- Ильгизу Гумерову – по ст. 210 ч.2, 282-2 ч.2, 222 ч.1 УК РФ
- Марсу Гаянову – по ст. 210 ч.2, 282-2 ч.2 УК РФ

Обвинительное заключение составлено следователем по особо важным делам прокуратуры Республики Башкортостан, советником юстиции А.Н.Халиковым, утверждено прокурором Республики Башкортостан, ст. советником юстиции А.В.Коноваловым.

Рассмотрение дела в Верховном суде Республики Башкортостан под председательством судьи Р.Н.Садыкова началось 27 апреля 2005 г.

По свидетельствам родственников подсудимых, публику в зал суда не допускали. Ограничения были сняты только после приезда наблюдателя от Комитета «Гражданское содействие».

16 мая 2005 г., в день, когда правоохранительные органы разогнали у здания суда пикет, участники которого требовали объективного рассмотрения дела, в зале судебного заседания был взят под стражу Салават Гаянов, с января находившийся под подпиской о невыезде. Поводом для этого послужило заявление свидетеля по делу, имама туймазинской мечети Рима Шаяхметова о давлении, которое на него якобы оказывают родственники подсудимых. По словам прихожан мечети, он признавался в их присутствии, что сотрудники правоохранительных органов, фактически, вынудили его сделать такое заявление¹²³.

На следующий день из автомобиля участника пикета, жителя г. Туймазы Эдуарда Габдрахманова, который активно выступал в защиту арестованных Гаяновых и помогал их семье, были изъяты взрывчатка и боеприпасы, а сам он задержан по подозрению в подготовке взрыва опоры ЛЭП в Уфе. Габдрахманов категорически отрицал принадлежность изъятого себе и утверждал, что все это было подброшено ему сотрудниками правоохранительных органов¹²⁴. (Через месяц подозрение в подготовке теракта было с него снято, через полгода прекращено и уголовное дело о хранении боеприпасов и взрывчатых веществ, а за Эдуардом признано право на реабилитацию).

Допрошенному в суде секретному свидетелю государственный обвинитель, фактически, подсказывал ответы на вопросы, что не встречало возражений со стороны судьи¹²⁵.

Эксперт А.Б.Юнусова, проводившая религиозно-экспертную экспертизу изъятой у обвиняемых литературы, в судебном заседании фактически подтвердила свою предвзятость, заявив, что ее негативное отношение к партии «Хизб ут-Тахрир» сложилось задолго до начала изучения представленных на экспертизу текстов¹²⁶. Тем не менее, ее выводы суд расценил как доказательство виновности подсудимых.

Приговором от 04.08.2005 г. обвиняемые признаны виновными по всем, вмененным им, статьям Уголовного кодекса РФ и осуждены:

- Р.Р.Габдрахманов – на 8 лет 6 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима
- М.А.Алибаев и В.Н.Рядинский – на 8 лет лишения свободы в колонии строгого режима
- М.Ш.Ахметсафин и Б.М.Гаянов – на 7 лет 6 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима

123. Из интервью, записанных Е.Рябининой в июне 2005 г. в Уфе.

124. Из интервью, записанных Е.Рябининой в июне 2005 г. в Уфе

125. По свидетельству Е.Рябининой, присутствовавшей в суде в качестве наблюдателя.

126. По свидетельству Е.Рябининой, присутствовавшей в суде в качестве наблюдателя.

- С.М.Гаянов – на 5 лет лишения свободы в колонии общего режима
- Е.А.Савельев – на 4 года 6 месяцев лишения свободы в колонии общего режима
- И.Р.Гумеров – на 3 года 6 месяцев лишения свободы в колонии общего режима
- М.Г.Гаянов – на 4 года 6 месяцев условно с испытательным сроком в 5 лет.

Мотивировка виновности подсудимых в приговоре содержит, например, следующие пассажи:

- *«Участие Гаянова С.М., Гаянова М., Савельева Е., Гумерова И.Р. в преступном сообществе выражается в том, что они вошли в состав партии ХТИ путем дачи клятвы, выполняли поручения руководителей ячеек по пропаганде идей партии среди населения, составляли таблицы и отчитывались руководству о количестве проведенных бесед, лекций по распространению идеологии»¹²⁷,*
- *«Доводы Габдрахманова Р.Р., Алибаева М.У. о том, что взрывчатые вещества и боеприпасы им «подкинули» сотрудники ФСБ и МВД, нельзя признать состоятельными. Факт обнаружения и изъятия у Габдрахманова Р.Р. аммонитовой шашки, у Алибаева М.У. гранаты Ф-1, ими не оспаривается. Это обстоятельство подтвердили в судебном заседании и понятые, участвовавшие при обыске. Свидетель Нуриев показал, что участвовал при обыске, в его задачу входило наблюдение за жильцами квартиры с тем, чтобы она не уничтожила возможные вещественные доказательства. Гранату он не принес и не положил в стеллаж квартиры Алибаева.»*
- *«Представленные защитой протоколы опросов жителей г.Туймазы, из которых следует, что Гаяновы Б.М., С.М. и Гаянов Марс не призывали людей к вступлению в партию ХТИ, не освобождают Гаянова Булата и Гаянова Салавата от ответственности за склонение указанных в обвинении лиц.»*
- *«Что касается того, что согласно справки у Гаянова М.Г. 13 января 2005 года были обнаружены кровоподтеки, ссадины бедер и голени, кровоподтек гребня подвздошной области, то данных о том, что эти телесные повреждения причинены при следственных действиях, не имеется¹²⁸. Сам Гаянов М.Г. пояснял суду, что его избивали в камере заключенные, вынуждали дать показания. Между тем, при допросах Гаянова М.Г. присутствовал его защитник Горобец¹²⁹. Поэтому суд считает, что изложенное в справке суждение о том, что именно после прибытия со следственных мероприятий у Гаянова М.Г. были обнаружены телесные повреждения, по мнению суда, несостоятельно.»*

Кассационным определением ВС РФ 03.11.2005 г. приговор оставлен без изменений, кассационные жалобы осужденных без удовлетворения.

21.11.2005 г. некоторые из осужденных, содержащиеся в следственном изоляторе ИЗ-3/5 в г.Дюртюли, объявили голодовку протеста, требуя пересмотра несправедливого приговора.

После вступления в силу Федерального Закона РФ № 153-ФЗ от 27.07.2006 г., которым изменена формулировка ст. 205-1 УК РФ, по ходатайствам осужденных и их адвокатов отменено наказание по ней:

- Ринату Габдрахманову (дата неизвестна) - срок наказания снижен до 8 лет;
- Марселю Алибаеву (в январе 2007 г.) - срок наказания снижен до 7 лет 6 месяцев;
- Булату Гаянову (21 ноября 2006 г.) - срок наказания снижен до 7 лет;
- Салавату Гаянову (7 ноября 2006 г.) - срок наказания снижен до 4 лет.

127. Достаточно красноречивая иллюстрация «террористических» намерений преступного сообщества, вмененного осужденным. Здесь, фактически, подтверждается идеологический характер преследований лиц, подозреваемых в причастности к «Хизб ут-Тахрир».

128. Следует обратить внимание, что телесные повреждения причинены человеку, находившемуся в полном распоряжении правоохранительных органов, которые поместили его в соответствующую камеру ровно на 1 день, после чего вернули в прежнюю. Это не оставляет сомнений в том, что он целенаправленно был подвергнут избиениям «в интересах следствия»

129. Избит Гаянов был, как указано выше, перед допросом и именно для того, чтобы вынудить его к даче «нужных» показаний.

Осужденным было отказано в исключении ст. 210 УК РФ из приговора, хотя, как следует из аргументов адвоката, в результате его пересмотра из инкриминируемых деяний исчезла объективная сторона преступления, предусмотренного этой статьей.

При рассмотрении аналогичного ходатайства Мусы Ахметсафина суд переквалифицировал ст. 205-1 на 205-2 УК РФ, несмотря на то, что на момент вынесения приговора предусмотренные ею деяния не являлись уголовно наказуемыми (она введена в УК РФ в июле 2006 г.).

Установление фактов – Расследования и наблюдение за судебными процессами

Более 50 лет FIDH работает над усовершенствованием методов независимого и беспристрастного установления фактов и иерархии ответственности. Все эксперты, входящие в состав исследовательских миссий, работают безвозмездно. За последние 25 лет FIDH провела более 1500 расследований, судебно-наблюдательных и образовательных миссий в более чем ста странах.

Результаты этих поездок служат базой для кампаний FIDH по мобилизации общественности и межправительственных организаций.

Поддержка гражданского общества – Программы по повышению квалификации и обмену опытом

В тесном сотрудничестве с организациями-членами FIDH в странах, где они работают, FIDH организует семинары, круглые столы и т.д. Эти программы способствуют усилению влияния правозащитников в их странах и стремятся повысить уровень доверия к их деятельности со стороны представителей власти.

Мобилизация мирового сообщества – Постоянная работа по информированию межправительственных организаций

FIDH сопровождает и поддерживает партнерские и входящие в нее организации в их работе с межправительственными институтами. FIDH систематически информирует межгосударственные организации об отмеченных правонарушениях и в случаях необходимости обращается с просьбой о немедленном реагировании. FIDH также участвует в выработке международных юридических инструментов.

Свидетельствование и обличение – Мобилизация общественности и прессы

FIDH работает над мобилизацией общественности и прессы. Пресс-релизы и пресс-конференции, открытые письма правительствам, отчеты по исследовательским миссиям, срочные обращения, веб-сайт, блог, петиции, медиа-кампании... FIDH использует все доступные ей способы, чтобы оповещать о нарушениях прав человека и предотвращать их, пока это еще возможно.

ГРАЖДАНСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ

Общественная
благотворительная
организация помощи
вынужденным мигрантам

Комитет «Гражданское содействие» был образован в 1990 году, когда волна беженцев из зоны Карабахского конфликта докатилась до Москвы.

Комитет стал первой в России общественной организацией, оказывающей помощь вынужденным мигрантам: беженцам из других стран; своим собственным гражданам, находящимся в положении беженцев - «вынужденным переселенцам»; а также бежавшим от военных действий лицам, перемещенным внутри страны (ВПЛ).

Комитет «Гражданское содействие» с самого начала взял на себя разностороннюю поддержку вынужденных мигрантов:

- в налаживании их отношений с официальными структурами,
- в получении ими права на медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, образование,
- в отстаивании права на жилье и работу,
- юридическую помощь,
- защиту их интересов в судах,
- материальную и иную гуманитарную помощь.

ГРАЖДАНСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ – Тел: (7 495) 973-54-74, 973-54-43 - факс: (7 495) 251-53-19

FIDH - Международная Федерация за права человека

17, passage de la Main d'Or - 75011 Париж - Франция
ССР Париж: 76 76 Z
Тел: (33 -1) 43 55 25 18 / Факс: (33 -1) 43 55 18 80
www.fidh.org

Директор публикации: Суэр Белассен
Главный редактор: Антуан Бернар
Авторы: Жиль Фаварель-Гарриг, Анн Лё Уэру,
Дан Ван Рэмдонк, Елена Рябинина, Ричард Уайлд
Координатор: Александра Кулаева
Верстка: Брюс Плейзер

FIDH объединение 155 организаций на пяти континентах

Статья 5. Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, негуманному или унижительному обращению или наказанию. Статья 6. Каждый имеет право на признание всюду как лицо, обладающее законными правами. Статья 7. Все равны перед законом и имеют право на равную защиту закона без любой дискриминации. Статья 8. Каждый имеет право на действительную защиту компетентными нац. судебными органами от действий, нарушающих основные права, предоставленные ему Конституцией или законом. Статья 9. Никто не должен быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию. Статья 10. Каждый имеет полное право на справедливое и публичное рассмотрение его дела независимым

Не закрывайте глаза

- Цель работы FIDH - защищать жертвы нарушений прав человека, предупреждать эти нарушения и преследовать тех, кто их совершает.
- Универсальное предназначение
FIDH работает для того, чтобы соблюдались все права, отмеченные во Всеобщей декларации прав человека, – гражданские, политические, а также экономические, социальные и культурные.
- Всемирное движение
Созданная в 1922 году, FIDH сегодня включает в себя 155 национальных организаций в более чем ста странах мира. Она координирует и поддерживает их деятельность, а также выступает их посредником на международном уровне.
- Обязательство независимости
FIDH, как и входящие в нее организации, не принадлежит к какой-либо партии или религиозному направлению и не зависит от каких-либо представителей власти.

fidh

Международная Федерация за права человека

Информацию о входящих в FIDH 155 организациях вы можете найти на сайте www.fidh.org